

Надежда
Чернова

КАЗАЧИЙ КРУГ

Эссе

ТАТАРЩИНА

Тары-бары, растабары!
Едут с ярмарки татары.
Что продали? – Двух коров,
Да лукошко комаров,
Да дырявый самовар –
Там и кончился товар!

Казачья самогудка

Есть известное выражение Достоевского, уже набившее оскомину: «*Поскреби русского – найдёшь татарина*». Думаю, если скрести хорошенько, то можно найти ещё много кого, особенно у казаков, но славянская основа противится ассимиляции. Укрепляясь от других энергий, славянство пересиливает все крови – это уже доказано учёными, а вот обличие может быть разным. Меня, например, часто принимают за татарку. Мой сосед как-то, будучи **под турахом**, сказал мне, подозрительно прищурившись:

- И ты татарка, и мать твоя была татарка!
- Почему вы так решили?
- А видать! Ох, уж я этих татар не люблю!
- Да за что же?
- За татарско-монгольское иго!
- Это ж когда было! Вспомнили!
- Вот с тех пор и не люблю, потому что русский!
- Да какой вы русский, если из мордвы?
- Ну и что? А душа – русская!

Вот и у меня душа русская, хотя кровей много, но я заметила: с кем бы русские ни смешались, получаются татары, которые немедленно становятся русскими. И я русская, и вся моя родня – русские люди, тут и спорить не о чем, но всё же интересно, кто ещё в родстве с нами?

Л. Гумилёв пишет о татарах: «...В начале XIII века названия “татар” и “монгол” были синонимами потому, что, во-первых, название “*tatar*” было привычно и общеизвестно, а слово “*монгол*” ново; во-вторых, потому, что многочисленные татары (...) составляли передовые отряды монгольского войска, так как их не жалели и ставили в самые опасные места...»

Когда родился Тэмуджин (будущий Чингисхан), то батыр Есугей, отец мальчика, в благодарность за рождение сына принёс жертву: приказал заколот пленного татарина, а именем его нарёк своего младенца. Видимо, татарин был сильный, умный, красивый человек, если у него вместе с жизнью отняли имя ради сына батыра, которого тоже хотели видеть сильным, умным и прекрасным. Вообще-то монголы считали себя гуманистами и гордились тем, что у них бескровные казни: приговорённым к смерти ломали хребты, не пролив ни единой капли крови. Так делают беркуты, охотясь на лис и волков. Упав на зверя камнем с неба, беркуты ломают ему хребет. Похоже, монголы бескровной казни научились у хищных степных птиц. Другое дело – ритуальное убийство, не запрещённое старым монгольским законом. Татарин Тэмуджин стал как раз такой жертвенной данью. Несчастный человек! Вот на какой крови взошёл монголо-татарский союз.

Татары отомстили Есугею. Однажды, устав в пути, он подъехал к костру, вокруг которого пировали татары. Они узнали его, пригласили к огню, как гостя, и предложили разделить с ними трапезу. Есугей поел и выпил. С «добрым» татарским напутствием отправился домой и едва успел добраться до своего улуса, как почувствовал себя плохо. Есугей был уверен: татары его отравили – за старые обиды. Батыр умер не в честном бою, а как татарский кровник – от подлой капли яда. Узнав о кончине отца, Тэмуджин на миг сошёл с ума: он упал на землю, он бился в нервических судорогах, он был страшен в безумии своём. Уж не это ли «безумие» подняло его в поход на Русь? Но всё же я склонна думать, что вызвал порыв Чингисхана тот самый пассионарный взрыв, о котором говорил Гумилёв.

ГРЕБЕНСКАЯ ЛИНИЯ

На хólмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копыа острые блестят;
Друг друга громко окликают:
«Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»

М. Лермонтов

Раньше **всех восточных инородцев русские называли татарами** в том числе и кавказцев, видимо, по аналогии с монголами: **татары – привычны для русских**. Я бывала на Кавказе – в городе Минеральные Воды, в Краснодарском крае, в Азербайджане, в Армении, в Абхазии. Когда приезжала в Чечено-Ингушетию, там приняли меня за свою: мол, я из народов Северного Кавказа. Что ж, казаки ходили на Кавказ, на реки Терек, Валерйк, Сунжу, Куму, усмиряя воинственные народы, обустроили минеральные источники в Ставрополе, в их горячих водах

купались израненные казаки. Сбылась мечта героев русских сказок. Помните? Окунулся Иванушка в котёл с кипятком – и вынырнул молодым и здоровым. Казаки поставили среди гор свои станицы и дозоры, переняли от горцев бешметы с газырями, бурки, лохматые папахи, короткие плётки-нагайки (нагайки – от татар-ногаев, которых много на Кавказе). **Гребенские (терские) казаки возвели в горах Чечни крепость Грозную.** Гребенские – потому что ставили свои крепости на возвышенных местах, на «гребне».

В одной из казачьих станиц в Чечне я попала на застолье. Подавали на стол две женщины: одна – молодая, румяная казачка, которая бойко постреливала чёрными глазками, а другая – пожилая чеченка, в длинном платье, обязательном для замужних горянок платке, с опущенными долу очами. Я была удивлена, когда узнала, что женщины одного возраста – им по 50 лет, и погордилась, что наши казачки так долго сохраняют молодость. На столе были и русские блюда: блины, куриная лапша, пироги с разными начинками; были и чеченские: **жигиг-галныш** (мясо с галушками из кукурузной муки под чесночным соусом), горячие **кукурузные лепёшки**, солёная брынза, **калмыцкий чай** – с молоком, солью и сливочным маслом, который так когда-то не понравился Пушкину, а я ничего – пила. Было и домашнее вино, выставленное казаками, которое они сами и употребили – чеченцы к вину не притрагивались. После трапезы молодые чеченские ребята ударили в бубны – и вылетели в круг горячие горцы, а за ними и казаки, не уступающие чеченцам в стремительности движений и высоких прыжках. Как большие хищные птицы кружили они, тесня друг друга, расходясь, опять сходясь, вставая на носки, делая резкие рывки руками с крепко сжатыми кулаками. Они выдыхали гортанные крики, они сверкали огненными глазами, а потом сходились в круг, обняв друг друга за плечи, и неслись в едином вихре. Это был танец воинов, это была история веков – войны и мира горцев и казаков.

Но казаки и горцы не только проливали свою кровь на поле брани в жестоких схватках друг с другом, а ещё и смешивали её, роднились, охотясь на красавиц. Пушкин написал об этом в своей «Черкесской песне». Вообще-то она не черкесская, а казачья, и строки из неё потом цитировал Лермонтов, рассказывая о казаках, которые её пели. Но теперь – Пушкин:

*В реке бежит гремячий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копье стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.*

.....
*На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Весёлый пляшет хоровод.
Бегите, русские певичцы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой...*

Бывало, что и похищали чеченцы красных девиц из казачьих станиц, и русские похищали горянок, ту же **княжну Бэлу** в романе Лермонтова «Герой нашего времени». А то казачки сами сбегали с горцами – так сильна была страсть! Как в стихотворении Лермонтова «Дары Терека». История трагическая. Терек принёс в дар старику-Каспию два тела: тело кабардинца с поля боя и убитую кинжалом в грудь казачку.

Кабардинец – Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он упрямо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьётся чёрною космой.

А казачка – С тёмно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик её туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит...

То ли уж она сама себя убила, не выдержав гибели возлюбленного кабардинца, то ли убил её **ревнивый казак**, потому что он один её не оплакивал, один во всей станице:

По красотке молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою.

Он сам искал гибели, пылая огнём мести, огнём обманутой любви. Казачка была так прекрасна, что дремавший Каспий проснулся, очарованный её красотой, **старик Каспий** влюбился в неё:

Он взыграл, веселья полный, –
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Такова развязка этой драмы. Такие драмы Лермонтов неоднократно наблюдал на Кавказе, слышал от бродячих кабардинских певцов и сказителей, которые приходили в Пятигорск, а также от своих родственников Шан-Гиреев, которые жили

на Кавказе. У горских народов в то время ещё не было письменности, так что Лермонтов, можно сказать, закрепил и увековечил в своих поэмах их фольклор, который полюбил, ведь фольклор любого народа полон поэзии.

Когда русских и горских полонянок не убивали, а любили, то рождались дети – такие же диковатые, каким был **Лермонтов**: желчный, колючий – от повышенного самолюбия, от скуки жизни, не терпящий никакого насилия над собой – ни власти, ни семьи, ни друзей, своевольный, вспыльчивый. Страсть, что постоянно кипела в нём, он выплёскивал не только в стихи, в ядовитые эпиграммы, но и в конские скачки. Его сослуживцы по Кавказу вспоминают, что поэт мог рано утром, никому не сказавшись, сесть на своего любимого коня **Черкеса**, умчаться в степь и носиться там, как ветер, предаваясь дикой, необузданной радости, как природный горец или кочевник.

Чеченцы считают Лермонтова «своим» – по роду Шан-Гиреев. В Чечне даже написаны научные работы, настаивающие на родстве. После гибели на дуэли Лермонтов первоначально был похоронен на Пятигорском кладбище – рядом с кем-то из Шан-Гиреев, кто купил там землю. Потом прах поэта перенесли в родовую усыпальницу в Тарханы, но пустая могила осталась, там всегда цветы. Я была на месте первого упокоения поэта и тоже цветы положила.

Мой приятель, чеченец **Шепа Гадаев**, в которого я была влюблена – и в пылу влюблённости написала уйму «кавказских» стихов, – рассказывал, что, учась на юриста в Ленинграде, побил русских студентов, которые поносили Лермонтова: мол, стихи его устарели, и сам он, как человек, дерьмо. «Сами вы дерьмо! – вспыллил Шепа. – А Лермонтов – такой большой русский поэт, настоящий чеченец!» И отлупил студентов.

Судьба Шепы Гадаева и его семьи драматична. Во время Второй мировой войны по приказу Сталина все народы Кавказа были депортированы в глубокий тыл, потому что агрессивно настроенная к советской власти группа кавказцев готова была сдать свои территории фашистам. Везли ни в чём не повинные кавказские семьи в скотных вагонах, как преступников. Многие в пути умирали – их хоронили в голой зимней степи, под вой шакалов. Шепа тогда был малым ребёнком и чудом выжил. Семья оказалась в Казахстане. Поселились на Иртыше, под Семипалатинском, в казачьей станице, рядом – казахский аул. Глядя на худенького грустного чеченского мальчика, казачки и казашки стали его подкармливать, хотя у самих полно ребятишек, а мужья погибли на Курской дуге. Шепа всю жизнь помнил этот вдовий хлеб и доброту степного народа – они дали ему силы жить, не сломаться, не озлобиться. Так народ выправлял деяния правителей, **Зло об-ращая в Добро!**

Среди высланных с Кавказа в нашу Степь была и **семья ингушей Мержуевых**. Один из молодых Мержуевых женился на моей двоюродной сестре **Людмиле Лубинской** (её отец из ссыльных в наши края поляков). Через несколько лет после войны семьи Шепы и Мержуевых вернулись на родину, в Чечено-Ингушетию, но они считают своей родиной и Казахстан.

В одном из чеченских селений, что стоит на легендарной реке **Валерик**, в сельской школе дети создали **музей Лермонтова**. Не знаю, цел ли он теперь, после недавней, 90-х годов, русско-чеченской войны? В музее была целая галерея

детских рисунков по мотивам кавказских стихотворений и поэм Лермонтова, где запечатлены и образы казаков; бюстик поэта; его стихи, переписанные от руки; бурка и папаха – в таких любил он ходить, и на одном из кавказских автопортретов изобразил себя как раз в лохматой бурке.

Музей Льва Толстого в казачьей **станции Червлёной** – понятен: русские помнят русского писателя, написавшего о терских казаках. Но когда чеченские дети создают музей русского поэта – это, конечно, замечательное событие. Я бы вала в том музее, благодарная чеченским детям за такую трогательную память о Лермонтове. Из окон школы были видны снеговые вершины Эльбруса, а по горной долине мирно тёк Валерик, где когда-то кипели страшные бои, такие, что вода в реке стала красной от крови, а тела убитых запрудили течение. В переводе с чеченского **Валерик – река смерти**. В одном из подобных кровавых боёв принимал участие и Лермонтов. Он в этом бою был противником чеченцев, но они его всё равно любят: он воспел Кавказ, он писал восторженные строки: *«Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ!»* Он называл себя сыном Кавказа, он говорил: *«Я счастлив был с вами, ущелия гор...»* Он пришёл туда с войной, а нашёл – родные души, нашёл Поэзию!

Хорошо быть *«своим»* – плохо быть *«чужим»*! Когда *«свой»* – люди с радостью откроют тебе сердца, полюбят тебя, а *«чужой»* опасен: он может быть врагом.

Не только чеченцы, но и кавказские горцы-тюрки Лермонтова считают *«своим»*, кровным родичем – по его предку со стороны деда Михаила Арсеньева: в 1389 году к князю владимирскому и московскому Дмитрию Донскому из Золотой Орды перешёл на службу **Аслан Мирза Челебей** вместе с другими представителями татарской знати. Челебей крестился, стал Прокопием. У него было три сына: **Арсений**, Яков и Лев. Вот Арсений-то, названный при рождении **Юсупом**, и является родоначальником Арсеньевых – мать Лермонтова, Мария Михайловна, была в девичестве Арсеньева (а могла быть Юсупова). Смуглое лицо и чёрные глаза Лермонтов унаследовал от неё, и многих героев своих произведений награждал смугловатыми лицами. Вот его Печорин: *«Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности...»* А вот Грушницкий: *«Он... смугл и черноволос...»*; ещё о ком-то, русском: *«Восточная видна в ланитах кровь...»* и т. д.

РУССКИЙ ТЮРОК ЕРМОЛОВ

Тут впору вспомнить ещё одного «русского тюрка», который бы тоже мог стать горцам «своим», да не стал. Я говорю о **генерале Ермолове**. Судьба Ермолова так же, как и Лермонтова, была связана с Кавказом: он его усмирил. В царских войсках служило немало казаков, которые давно жили на Кавказе, хорошо знали особенности кавказских народов и сами мало чем от них отличались. До сих пор это осталось: порой не поймёшь, кто перед тобой – горец или казак, так они похожи и обличем, и повадками. А если ещё папахи наденут и чекмени с газырями... Чистые абреки!

Генерал казаков очень ценил – за их храбрость, сметливость в бою, неприхотливость в походной жизни, за их упрямый характер, благодаря которому они никогда не сдавали своих позиций. Лучшего воина, чем казак, генерал не знал.

Лермонтов воспел храбрость казаков:

Черкесы побежденны мчатся,
Преследуемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих брегах,
Несут за ними смерть и страх.

Говорят, во время Отечественной войны 1812 года отряд казаков налетел на группу французов. Их было мало против казаков, и спастись было невозможно. Оказалось, казаки окружили **Наполеона** с его свитой. Казаки могли бы взять его в плен и тем положить конец войне, но они не поверили, что этот маленький, пузатенький, напыщенный человек и есть Наполеон. Они представляли его могучим великаном с огненным взором. Плюнули с презрением да и поскакали дальше. Рассказали Платову о встрече, описывая француза, а Платов – Кутузову. Фельдмаршал подтвердил, что это был Наполеон.

Алексей Петрович Ермолов был рядом с казаками во многих славных походах. Он соратник А. В. Суворова и М. И. Кутузова, полководец и дипломат. В 1815-м был назначен главнокомандующим на Кавказ и с 1818-го приступил к систематическому проведению в жизнь плана покорения горских народов Северного и Центрального Кавказа.

Приграничные районы Кавказа издревле не давали покоя России: дерзкие набеги, угон лошадей и скота, пленение русских людей – для выкупа или для использования в хозяйстве, как рабов. При угрозе со стороны русских – мнимая покорность, а потом – жестокое вероломство, описанное М. Лермонтовым в поэме «**Измаил-Бей**»:

И умный князь, лукавый Росламбек,
Склонялся перед русскими смиренно,
А вместе с тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной,
И, возвратясь в аул, на пир кровавый
Он пленников дрожащих приводил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы...

Этому необходимо было положить конец. И генерал Ермолов с поставленной задачей справился.

С Кавказом и теперь надо быть начеку: по-прежнему кое-где держат русских рабов, которых заманивают обманом; то и дело российский спецназ уничтожает вооружённых террористов и других бандитов. Большой пожар потушен, но угли тлеют, и одно неосторожное движение – может снова разгореться огонь, заполыхает весь Кавказ, как заполыхал он после развала СССР.

По воспоминаниям современников, **Ермолов** был угрюмый, жёсткий человек, резкий в суждениях, вспыльчивый, по-восточному мстительный, но открытый и восторженный, как дитя, в редкие минуты благодушия своей суровой жизни, суть которой – война. Пушкин, импульсивный по характеру, как многие поэты, несколько раз менял своё мнение о нём. В дневниковой записи 1834 года он

говорит о двуличности генерала, его склонности к политическим комбинациям и даже называет «великим шарлатаном», хотя отдаёт должное его выдающимся дарованиям. А годом ранее обратился к Ермолову с любезным письмом, в котором предлагал свои услуги в качестве издателя его записок или историографа кавказских войн его времени: *«Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе её утаивать!»* – убеждал он генерала.

Сам же Ермолов относился к Пушкину с неизменным восторгом и **в письме к Д. В. Давыдову** писал о поэте: *«Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством... Какая власть высокого таланта!»*

Столь же восторженно говорил он и о Лермонтове, но на Кавказе они не встретились: во времени службы поэта в горах Ермолов был уже отстранён от должности – за связь с декабристами и жил в своём имении, в Орле, однако в Москве они встречались. Во многих произведениях Лермонтова отражён образ Ермолова. Например, на первых же страницах «Героя нашего времени» Максим Максимыч вспоминает о генерале с необыкновенным пиететом, и при этом он выпрямился, «приосанился», будто генерал стоял перед ним – такова была любовь к Ермолову у старых «кавказцев» – служивых солдат и казаков.

Когда опальный генерал узнал о гибели Лермонтова на дуэли, закипел: *«Уж я бы не спустил этому N (то есть Мартынову. – Н. Ч.). Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать да, вынувши часы, считать, чрез сколько времени посланного не будет в живых... Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождётся!»* (то есть таких, как Лермонтов. – Н. Ч.)

Ермолов никогда не был женат официально, но имел восточную склонность к гарему: у него имелось несколько чеченских жён и большое потомство. Он тоже был с татарской кровью, его предок – **Араслан-Мурза-Ермолы** – тоже пришёл на Русь, как и предок Лермонтова, из Золотой Орды, только немного позже – в 1506 году, при великом князе Василии Иоанновиче.

Пушкин оставил словесный портрет Ермолова, впервые увидев генерала по дороге в Арзрум, на место боёв с турками. Поэт специально сделал лишних 70 вёрст, чтобы заехать к прославленному генералу в Орёл, где тот скучал, удалённый с Кавказа.

«С первого взгляда я не нашёл в нём ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе (...) Он был в зелёном черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе...»

Лермонтов хотел написать роман о русских на Кавказе, где бы главным героем выступал Ермолов, да не успел. План этого романа он рассказывал своему секунданту – по дороге на дуэль у подножия горы Машук. Там он был убит под раскаты страшной грозы.

Ермолов чеченских своих детей всю жизнь поддерживал, обучал в Петербурге, но это не смягчило гнев чеченцев: они **свергли памятник Ермолову** – как символ русской колонизации. У нас, в Казахстане, так же был **свергнут памятник Ермаку**

– его забрала Россия, город Ермак переименовали, а заодно и **казачья станица Лебяжья**: её «перевели» на казахский язык – она теперь зовётся **Акку**.

Война с памятниками – давняя забава людей. Сейчас в бывших республиках СССР повсеместно валят памятники советского прошлого, а в Америке – монументы тем, кто узаконил рабство, кто угнетал негров. В Древней Руси с принятием христианства так же свергали и громили языческих идолов – под грозовые раскаты грома и сверкание молний, о чём писали русские летописцы ужасаясь возмездию языческих богов и продолжая их бояться. Плыли деревянные истуканы по Днепру – и разбивались о каменные пороги!

Но тут с Ермоловым ещё одна штука вышла: он был для горцев не только символом русской колонизации, но еще, как татарин по своим предкам, кровником: на нём лежала кровь Кавказа.

Ермолова сокрушили, а вот **Лермонтова** горцы почитают: всё дело в любви! Он всем сердцем полюбил Кавказ. И с казаками, которые тоже любят Кавказ, горцы живут мирно: у каждого в станицах есть кунаки.

МИРОТВОРЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Будь перед миром он злодей,
 Что для любви слова людей?
 Что ей небес определенье?
 Нет! Охладить любовь гоненье
 Ещё ни разу не могло:
 Она сама своё добро и зло!

М. Лермонтов

В суровые мужские песни войны нежной мелодией вплетался трепет влюблённой женской души. Даже в разгар воинственной лезгинки обязательно белыми лебедицами плываюте горские девушки, взмахивающие платочками. Они разводят в стороны разгорячённых противников, пустивших в ход сверкающие сабли – джигиты лихо вертят их в руках, показывая виртуозное владение опасным оружием: это непременно часть танца. И у казаков тоже. Сабля тяжёлая чтобы вертеть ею, нужны сильные руки и мастерство, которое нарабатывается годами тренировок. И тогда со стороны кажется, что сабля лёгкая, как пушинка, но возьмёшь в руки – и тут же уронишь.

Все войны побеждала любовь! *«Любовь насильства не боится, / Она – хоть презренна – всё Бог!»* И Пушкин, и Лермонтов, и Лев Толстой написали своего **«Кавказского пленника»** с одним сюжетом: горские девушки, влюблённые в пленённых русских мужчин, подкармливали их, а потом, перепилив оковы, помогали бежать. Самое сильное чувство в женщинах – материнское, а это всегда любовь и милосердие.

...Вдруг видит он перед собою:
 С улыбкой жалости немой
 Стоит черкешенка младая!
 Даёт заботливой рукой
 Хлеб и кумыс прохладный свой,
 Пред ним колена преклоняя.

И взор её изобразил
Души порыв, как бы смятенной.
Но пищу принял русский пленный
И знаком ей благодарил...

У Лермонтова черкешенка, на глазах которой её отцом был подстрелен вызволенный девушкой из плена любимый – русский казак, упала без чувств:

Как вместе с ним поражена,
Без чувства падает она;
Как будто пуля роковая
Одним ударом, в один миг,
Обоих вдруг сразила их...

Очнувшись и осознав, что он всё же убит, девушка бросилась с обрыва в бурлящую реку.

Поэт Лермонтов любовался восточными красавицами – небесно-прекрасными, стройными, покорными на вид, но с характером решительным и смелым, но с кинжалом в складках платья.

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый,
И нравы тихой простоты!
Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, –
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних скал...
Так, дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть ещё небесный вид: –
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

Восхищался черкешенкой и английский поэт **лорд Байрон** в своей поэме «Гяур»: *«Так шествовала по земле дочь Черкесии, / Прелестнейшая птица Франгистана»*. И старик **Державин**, лицезря горянок, не мог сдерживать страсти, опасной для здоровья в его преклонные лета:

Черкесенок, грузинок милых,
У коих зарные уста,
Бровь чёрна, жил по телу синих
Сквозь виден огонь и красота;
А на грудях, как пух зыбучих,
Лилей кусты и роз пахучих
Манят к себе и старцев длань...

ЯЗЫК МОЙ – ДРУГ МОЙ

От смешанных браков – а брали только красавиц! – рождались потом красивые, крепкие, смуглые дети с повадками горцев или татар, каким и Лермонтов был, ставший великим русским поэтом, и Ермолов – прославленный русский полководец из рода татарского всадника Араслана-Мирзы-Ермолы. **Они стали русскими!** Русским был и поэт Василий Жуковский – с турецкой кровью своей матери; и составитель толкового словаря русских слов датчанин Владимир Даль; и русский прозаик, немецкий барон Фонвизин; и русский писатель с тюркской кровью и фамилией Аксаков; я уж не говорю о русском «негре» Пушкине и учителе его – выходец из татар Державине.

Вот как о происхождении **Гавриила Романовича Державина**, который, «в гроб сходя, благословил» юного лицеиста Пушкина, пишет **В. Ходасевич** в биографическом романе «Державин»:

«В XV веке, при великом князе Василии Васильевиче Тёмном (*то есть слепом. – Н. Ч.*), татарин **мурза Багрим** приехал из Большой Орды на Москву служить. Великий князь крестил его в православную веру, а впоследствии за честную службу пожаловал землями. От Багрима, по записи Бархатной книги российского дворянства, произошли Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы (или Теглевы). Один из **Нарбековых** получил прозвище **Держава**. Начал он свою службу в Казани. **От него произошёл род Державиных...**»

Думаю, в каждом народе есть подобный ряд выдающихся людей с иноземной кровью либо метисов. Смешение кровей даёт бурную реакцию и нередко высекает огонь таланта. Есть такой ряд и у горцев, и у казахов, и у других, но теперь я делаю акцент на моём народе: славянская кровь переборолла все «чужие» крови, примешанные к ней, и не был утрачен **русский язык – центр души**. Это не мой великорусский шовинизм, а исторический факт, который подметил ещё Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»: *«Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством».*

«Ржавчину» на русском языке не оставило не только татарское владычество, но и польское, и немецкое, и шведское, и т. д. Русский язык, как и русская кровь, впитали лучшее от других народов и замечательно переработали, сделав своими, как делает это и гениальный поэт, такой, как Пушкин. Он сделал русскими и турецкую «Золотую рыбку», и скандинавские саги, и бродячие испанские сюжеты, и восточные мотивы, в том числе взятые из Корана, и многое другое.

Абай тоже, не утрачивая казахского языка, который не подвергся никакой «ржавчине» во время войн с Китаем, Джунгарией, Кокандом, персами, арабами и т. д., а также во время колонизации Казахстана Россией, сделал казахскими русского «Евгения Онегина» Пушкина, романы француза Дюма и других европейских писателей, а также произведения восточных авторов. Американский поэт **Генри Лонгфелло** переработал и сделал «своим» фольклор индейцев в поэме *«Песнь о Гайавате»*, восхищённый поэзией самобытного народа, в то время как его соотечественники истребляли индейцев, загоняя в резервации. **Шекспир** «присвоил» итальянские новеллы, по мнению литературоведов, весьма слабые, и сделал их шедеврами – самый яркий из них – драма *«Ромео и Джульетта»*, а

у датчан взял сюжет «Гамлета». **Лермонтов** сделал частью русской культуры песни и предания народов Кавказа, с которыми воевала Россия. Таких примеров немало. Это вообще свойство великих творцов – быть могучим Древом, раскидывая крону на все стороны света, при этом духовными корнями оставаясь в родной почве. **Пушкин** поэтическое вдохновение сравнивал с *тенью Бога*. Поэты Словом своим, в котором дыхание Бога, исправляют жестокий мир людей. Пушкинская «**Поэтов трепетная связь**» существует поверх земных страстей и сиюминутных событий.

Русский человек, особенно казак, несёт в себе отсвет многих народов, сохраняя русский язык – русскую душу. Есть **русские пословицы о языке**: «*Язык до Киева доведёт*», «*Без языка и колокол нем*», «*Всяк язык Бога хвалит*», «*Если языком не расскажешь, так пальцами не растычешь*», «*Язык что знает – всё скажет и чего не знает и то скажет*», «*Белы руки с подносом, резвы ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором*», «*Одет просто, а на язык речей со сто*», «*Не ножа бойся, а языка*», «*На языке мёд, а под языком лёд*», «*Язык мой – враг мой*», но тут хорошо бы добавить ещё одну пословицу, нигде не записанную: «**Язык мой – друг мой!**»

И ещё о русском языке, который не только обогащается за счёт других языков, но и бережлив к ним. **Олжас Сулейменов**, долгие годы занимаясь историей мировых языков, заметил: «*...Ни в каком другом языке так точно не сохраняются тюркизмы, как в русском. Мне в этом приходилось убеждаться, работая над книгой “1001 [слово]”. Даже монгольский, по общему признанию тюркологов наиболее родственный (из неродственных), корёжит тюркизм до неузнаваемости. В русском же сберегаются порой мельчайшие диалектные изгибы тюркского слова*». И ещё одно замечание **Олжаса о языке** – в споре об исторической правде: «*...Остаётся один источник исторических сведений – язык. Наиболее объективный, беспристрастный документ прошедших эпох. Он лишён предвзятости летописцев. Он вне временных предрассудков; не подвластен идеологическим колебаниям. Самый точный источник*».

Вот я вижу нашу бабашку Таню, которая «обогащала» русский язык, разбавляя тюркизмами: внуки ей принесли ягоды из леса, землянику. В Баянском бору она хоть и очень сладкая, душистая, да уж больно мелкая – замучаешься собирать по яголке. Устали и внуки, потому под конец своей ягодной охоты брали землянику уже вместе со стебельками, с травяным сором. Распарились! Прибежали домой – сразу к ведру: хлебают воду из ведра – холодная, её только что принесла из колодца тётка Тамара. А бабушка охает, заглядывая в детские корзинки с травяным сором, приговаривает, мешая русские слова с казахскими, как часто делает – мы уж привыкли:

– Навод дева! Управились, в два часа и раненько! **Щоп, агаш и майда агаш есть, а где ж ягоды?** – И проводит пальцем по щеке, как делают аульные казашки: – **Ой-ба-я-яй! Бетемау, ой-пырмай!**

Надо отметить **уважительное отношение к языкам в Казахстане** – ни один язык не ущемляется, в том числе и русский, хотя, конечно, главный – казахский, поскольку это национальная республика. Каждый казахстанец волен говорить

на своём языке, писать книги, петь свои песни, соблюдать свои обычаи. Языки защищены Конституцией, представители всех национальностей присутствуют во власти. Русский язык действует как язык межнационального общения, и его знают почти все. Теперь, в глобализированном мире, у нас в ходу ещё и английский язык, что совсем недавно было редкостью. «У советских собственная гордость!» – так декларировали и не хотели говорить на языке идеологического противника, капиталистического Запада. Но язык-то чем виноват? Он создан Всевышним для общения, а не для разобщения. Гордость, если это гордыня, смертный грех. Всякий язык полон музыки и поэзии – надо их только услышать!

КАЗАКИ ЛЕРМОНТОВА

И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
М. Лермонтов

Стаей пасущихся журавлей белеют в долине палатки казаков. Тихо. Змеиными кольцами вьётся Терек, сверкает чешуёй на перекатах. На скалах мелькают дикие козы. Но вдруг всё вздрогнуло, всё пришло в движение! Человек ещё не слышит, но Природа уже почуяла тревожный подземный гул – кони скачут! Козы вмиг исчезли в горах, подгоняя козлят. Слетел с сухого дерева ворон – добыча будет! Но вот и дозорный разглядел вдали всадников. Черкесы! Зазвучала труба – тревога! В мгновенье ока казаки вскочили на коней и помчались навстречу неприятелю.

*...Но вот несётся
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков; он сильно рвётся
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж луг звенит, стрела трепещет,
Удар несётся роковой.
Стрела блестит, свистит, мелькает
И в миг казака убивает.
Но вдруг, толпою окружён,
Копьями острыми пронзён,
Князь сам от раны издыхает;
Падёт с коня – и все бегут
И бранно поле оставляют.
Лишь ядры русские ревут
Над их, ужасно, головой.
Помалу тихнет шумный бой,
Лишь под горами пыль клубится.*

Лермонтов был отличным художником. Он множество раз изобразил сцены боя в рисунках. Сохранились портреты горцев и казаков, сделанные его быстрым карандашом. Немало и кавказских стихов, и прозы им написано. Но в этой главе

я коснусь только тех, где – казаки, чтобы составилась более полный **образ гренадерского казака, выходца с Дона и Волги**, родственного нам.

Лучше всего отражён этот образ в очерке «Кавказец», отрывок из которого приведу:

«Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берёт над ним перевес, но он стыдится её при посторонних, то есть при заезжих из России (...) Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. До восемнадцати лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным офицером; он потихоньку в классах читал «Кавказского пленника» (Пушкина. – Н. Ч.) и воспламенился страстью к Кавказу. Он с десятью товарищами был отправлен туда на казённый счёт с большими надеждами и маленьким чемоданом. Он ещё в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плеть на ямщика. Приехав в Ставрополь, он дорого заплатил за дрянной кинжал и первые дни, пока не надоело, не снимал его ни днём, ни ночью. Наконец он явился в свой полк, который расположен на зиму в какой-нибудь станице, тут влюбился, как следует, в казачку, пока, до экспедиции; всё прекрасно! сколько поэзии! Вот пошли в экспедицию; наш юноша кидался всюду, где только провизжала одна пуля. Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты (...) Но – неприятеля не видать, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела своих уносят. Между тем жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! (...) Хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив; сидит себе да покуривает из маленькой трубочки (...); в экспедиции больше не напрашивается: старая рана болит! Казачки его не прельщают, он одно время мечтал о черкешенке, но теперь забыл и эту почти несбыточную мечту. Зато у него явилась новая страсть, и тут-то он делается настоящим кавказцем.

Эта страсть родилась вот каким образом: последнее время он подружился с одним мирным черкесом, стал ездить к нему в аул. Чуждый утончённой светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надёжный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая *гурда*, кинжал – старый *базалай*, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый *Шаллох* и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия. Он готов целый день толковать с грязным узденем о дрянной лошади и ржавой винтовке и очень любит посвящать других в таинства азиатских обычаев. С ним бывали разные казусы предивные, только послушайте. Когда новичок покупает оружие или лошадь у его приятеля узденя, он только исподтишка улыбается. О горцах он вот как отзывается: «Хороший народ, только уж такие азиаты! Чеченцы, правда, дрянь, зато уж кабардинцы просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный, только всё с кабардинцами им не равняться: ни одеться так не сумеют, ни верхом проехать... хотя и чисто живут, очень чисто!»

Образ этот будто списан и с нашего, **сибирского казака**. Он тоже «*существо полурусское, полуазиатское*», он тоже имеет «*наклонность к обычаям восточным*», страсть его ко всему казахскому «*доходит до невероятия*», живёт «*чисто, очень чисто*», у него в ауле среди казахов есть непременно тамыр, а то уже и кровный родственник, казак знает язык степняков, перенял их повадки, разбирается в их родословных, но остаётся всё равно русским, православным человеком. **И это – тип евразийца.**

* * *

Когда Лермонтов говорил: «**Люблю я Кавказ!**», то следует подчеркнуть, что полюбил он его, прежде всего, потому, что там услышал голос матери, которую рано потерял. Не только голос Демона, завораживающего своей смертельной музыкой одиночества и безлюбия, но и любящий голос матери, спасающий от этого одиночества:

В младенческих годах я мать потерял,
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ!

Впервые Михаил Юрьевич попал на Кавказ с бабушкой – она возила его лечиться на минеральные воды в Горячеводск: Лермонтов родился очень слабым, с седой прядью над младенческим лбом. Прядь эта осталась с ним на всю жизнь – как пограничная полоса между его славянской и татарской кровью. Повитуха, принимавшая роды, предрекла ребёнку недолгую жизнь. «Добрая» женщина! Жаль, что угадала...

На Кавказе поэт познакомился с **Шан-Гиреями** – родственниками по матери, по её отцу **Михаилу Арсеньеву**. Через кровь передаётся не только облик и характер, но иногда и голос. Возможно, в голосах Шан-Гиреев он услышал мать. Его тоска по матери, раннее сиротство сделали особенно пронзительной его «**Казачью колыбельную песню**». Говорят, он её услышал на Тереке, **в станице Червлёной** – от казачки, которая убаюкивала ребёнка (в 90-е гг. XX века через эту станицу вновь прокатилась русско-чеченская война, убившая многих молодых ребят: и казаков, и вайнахов). По другой версии, колыбельную Лермонтов услышал **в станице Старомышастовской на Кубани**, где поэт даже подарил младенцу «на зубок» серебряную наполеоновскую монету. Где бы он её ни услышал, написал *свою* песню – под впечатлением казачьего фольклора.

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.
Сам узнаешь, будет время,
Бранное житьё;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружье.
Я седельце боевое
Шёлком разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнёшь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.
Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

И так мне жалко эту горемычную мать, которая обречена на постоянный страх – потерять сына, не дожидаясь из опасного боя. И как она похожа на **мать из повести Гоголя «Тарас Бульба»**, у которой всего-то одна ночь и была, чтобы полюбоваться на спящих своих сынов, прекрасных в нежной юности своей – наутро поднял их отец, повёл на Сечь, дабы закалились они, стали настоящими казаками. Никто не вернулся: ни сыновья, ни сам Тарас, принявший страшную

смерть, сгоревший заживо, привязанный к столбу ляхами. Одинокой, горемычной кукушкой осталась казачка.

«Казачки только брякнут ендовами, а казачки уж мнят себя вдовами...» – писал и наш сибирский казак **Виктор Веригин**. Незавидная, тревожная судьба была у казачек.

Казачки **Лермонтова** всегда считали «своим». На Алтае мне рассказали историю (её многие знают), которая приключилась с советским поэтом **Леонидом Мартыновым**. В молодости он работал журналистом и приехал из Сибири в город Риддер, в командировку. Тут попался ему на пути местный казак. Узнав фамилию поэта, казак накинулся на него с кулаками: «Зачем ты, гнида, нашего Лермонтова убил?» И сколько поэт не уверял разбушевавшегося казака, что он не тот Мартынов, что дуэль была больше века назад, казак не унимался. Кое-как его угомонили.

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ

Давным-давно судьба перемешала
Твоих сынов и дочерей твоих,
Но та, что спит в долине рук моих,
Спала в бороздке твоего кинжала...

Казак Юрий Кузнецов. Востоку

Кубанских казаков я наблюдала в приморских городках Краснодарского края. Они лихо гарцевали на конях, блестящих, хорошо вычищенных скребками, выкупанных в море. Сами казаки облачились в синие гимнастёрки, в штаны с лампасами. На голове – круглые кубанки с красным верхом, накрытые крестом. Они патрулировали улицы и, если встречали нарушителей порядка, могли всыпать атаманских плетей, но я экзекуций не наблюдала. Было видно, что выехали казаки больше для того, чтобы покрасоваться, пожить в седле. На груди у них сияли боевые награды прадедов и дедов: в основном за Великую Отечественную войну 1941 года, но попадались и Георгиевские кресты, а рядом – собственные, за ратный труд. Казаки гордо несли на широкой груди этот святой иконостас своего казачьего рода. Девушки оборачивались на них, а казаки молодцевато подкручивали усы и выпрямляли и без того прямые спины. И в самом Краснодаре вы редко встретите полицию – порядок в большом городе-миллионнике поддерживают казаки, как мне сказала сестра Зина.

Кубанские казачки громкоголосы, бойки, задиристы, богаты телом. Говорят о себе: «У нас в магазинах-то женска одежда начинается с 60-го размера. Не на Дюймовочек шито!» На многих лицах отсвет Кавказа или Половецкой степи: смуглые, черноглазые, чернобровые, черноволосые. Есть, конечно, и светленькие – разные есть. Но все большие, резкие, властные. «**Казачка Кавказа – острее алмаза!**» – так они поют в своих песнях. Наши, сибирские казачки такие же.

Детей воспитывают строго. Мальчиков казаки сажают на коня уже в два года, учат джигитовать, управлять саблей, сечь на скаку лозу, обгонять соперников в скачках.

Все знают прославленный **кубанский казачий хор**. Ни один большой концерт по TV не обходится без какого-нибудь казачьего ансамбля, без казачьих песен-плясок – удалых, зажигательных, полных страсти и огня. Казаки и казачки непременно наряжаются в свою казачью одежду – в обыденной жизни они в ней уже не ходят, как и русские не ходят в кокошниках и сарафанах, разве что мужчины-казаки иной раз наденут кубанку и военное облачение – не для концерта, а для души. Старшее поколение помнит **фильм советских времён «Кубанские казаки»** – лубочная, раскрашенная картинка, но хорошие актёры, хорошие а-ля казачьи, песни которые поются до сих пор.

Вы всегда узнаете казака и казачку, хоть кубанских, хоть терских, хоть уральских или сибирских, по гордой, прямой осанке, по высоко вскинутой голове, по смелому взгляду и весёлому нраву. Но **панибратства они не любят** и всегда дадут понять, какую следует держать дистанцию. Казак может выпить с тобой бочку браги, но всегда будет помнить, что он – казак, а ты – нет, стало быть, не «свой», будь у тебя хоть уйма достоинств – не казак!

Вспоминаю, как **бабушка Таня**, глядя на мою молодую любовную лихорадку, на мой бесстыжий румянец, вздыхала: «Ох, девка, гляжу: не выгулялась, не объежжанна ищшо лошадка! Куда твоёму справиться с тобой? Не казак, нет, не казак!» – это она про моего первого мужа **Олега Новожилова**, из рода волжских купцов и петербургских дворян, за которого я выскочила в 19 лет. А вот второй муж, **Игорь Бек-Софиев**, был казаком (по линии русской бабушки, дочери казачьего полковника, **Лидии Родионовой**) – потомком **кошевого Запорожской Сечи Родиона**, за бунт сосланного Екатериной II на Соловки. Была у мужа и кавказская кровь: другой его предок – **Кули-Бек-Софиев-Оглы** из Дагестана, служил седьмым наибом у мятежного Шамиля. Сын его, **Искандер**, взятый в аманаты русскими, вырос, стал русским генералом и женился на татарской княжне Золотой Орды **Мекелине Якубовской** – из тех татар, что расселились в Литве и Польше. От них – **Оскар Бек-Софиев**, дед моего мужа. Кавказско-татарско-казачий муж меня укротил!

Падки казаки и на солёное словцо, но оно не скабречно, оно – как острая приправа к их густому, яркому, образному языку. *«Ох, и прытки казаки – хоть яйца в заднице пеки!»* – так говорила наша бабушка Таня. Тут ни убавить, ни прибавить – точно сказано! Она ещё и посошком пристукивала, который звала *«куячик»*. Ох, уж она и гоняла нас этим куючиком, когда мы бедокурили, ох, уж и ругала! Но грязную матерщину не любила, одёргивала матерщинника: *«Язык у тебя поганый: рот открыл – дерьмо летит! Стыд-страм сотнику сказать!»*

Запорожские **казаки на картине Репина** пишут, хохоча, турецкому султану письмо, которое сплошь состояло из солёных словечек.

* * *

Люблю творчество **поэта с Кубани Юрия Кузнецова**, который стал казахским зятем. Его дочери – казашки по материнской линии и казачки – по отцу: *«Красивые, как дикая трава»*.

Когда он учился в Литературном институте, познакомился с восточной красавицей **Батимой Каукуеновой**. Батима тоже писала стихи, но не выдержала со-

перничества с Юрием и бросила сочинять, стала переводчицей, знает несколько тюркских и славянских языков. Батима родом из Семипалатинска, из Затона. Её отец **Жумакан** был речником, водил суда по Иртышу. Раньше Иртыш был многоводным и доносил пароходы и баржи аж до Салехарда.

В исторических хрониках XVIII–XIX веков, где я искала сведения о казаках Семипалатинска, наткнулась на фамилию богатого купца Каукуенова. Уж не родственник ли он Жумакану Каукуенову?

*«С 1795 года разрешено местному купечеству строить как для торговли, так и для жительства дома и лавки рядом с меновым двором. А в 1829 году казахский старшина Уваковской волости **Тыныбай Каукуенов**, принявший решение осесть на постоянное местожительство в этой местности, построил первый жилой дом...»*

Мать Батимы Каукуеновой, – «**длиннокосая Дина**», как звали её в Затоне, – из знатного рода Золоордынского **хана Узбека**.

Батима так поразила поэта, что он влюбился. Угрюмый, не подпускавший к себе чужих, резкий в суждениях, сдержанный в словах любви, он писал о Батиме с восторгом:

*За сияние севера я не отдам
Этих узких очей, рассечённых к вискам.
В твоём голосе мчатся поющие кони,
Твои ноги полны затаённой погони.
И запястья летят по подушкам – без ветра
Разбегаются волосы в стороны света.
А двуострая грудь серебрится...
Так вершина печали двоится...*

И ещё строки, где уже не только восхищение восточной красавицей, а и **гордость казака**, взявшего крепость, покорившего полонянку, и застенчивая нежность к ней, даже через 25 лет, в день серебряной свадьбы («**Серебряная свадьба в январе**»):

Луна и снег блестят. И серебрятся,
Уже навеки, волосы твои,
А чёрные до пят – мне только снятся,
Их шум напоминает о любви.
Про эти сны, про этот шум потери
Я расскажу тебе когда-нибудь.
Покуда гости не толкнулись в двери,
Я всё забыл – и свой увидел путь.
Садился шар. Заря в лицо мне била.
Ты шла за мной по склону бытия.
Ты шла в тени и гордо говорила
На тень мою: «Вот родина моя!»
И волосы от страха прижимала,
Чтоб не рвались на твой родной Восток.
Ты ничего в стихах не понимала,
Как меж страниц заложенный цветок.

Хотя мы целоваться перестали
 И говорить счастливые слова,
 Но дети вдруг у нас повзростали,
 Красивые, как дикая трава.
 Над нами туча демонов носилась.
 Ты плакала на золотой горе.
 Не помни зла. Оно преобразилось,
 Оно теперь как чернь на серебре...

Юрий женился на Батиме, хотя матушка Юрия, **кубанская казачка**, суровая, рано овдовевшая, одна воспитавшая сына, невестку не приняла: басурманка! А вот казахская родня хорошо приняла русского зятя. Молодцы! Батима привезла его на родину родителей – в село **Кайнар Абайского района**. Тогда испытания на Семипалатинском ядерном полигоне, что рядом с Кайнаром, ещё проводились, но в те дни, когда Юрий с Батимой гостили в ауле, было тихо. Родни на застолье собралось по степным меркам немного – всего 70 человек. Батима вспоминала, что Юрия принимали, как царя, оказывая ему всяческие почести. У нас это умеют! В ответ Юрий потом блистательно переложил русскими стихами **Абая**.

Юрий неоднократно приезжал в Казахстан, и его всякий раз поражала наша Степь. О том вспоминает писатель **Валерий Михайлов**, который дружил с Юрием Кузнецовым и написал о нём статью «Ты шла за мной по склону бытия» и эссе «Крестный путь Юрия Кузнецова» (2011):

«Однажды в разговоре со мной Кузнецов припомнил другую поездку в Казахстан. “Под Карагандой это было. Ехали куда-то на машине, долго. Ну, вышли. Подышать, освежиться. И – степь, ровная, широкая. У нас на Кубани такой нет, у нас холмы. Великий простор – и купол неба! – поэт раскинул руки и округлил их над головой. – Что-то космическое! Я такого нигде никогда не видел...”

Кажется, я понимаю, что восхитило Кузнецова. Он увидел нечто соразмерное себе. Тому, что всегда ощущал в своей душе и что дало такой размах его поэзии. Потому души великанов, Абая и Кузнецова, не могли не притянуться друг к другу в поэтическом космосе. А первым толчком к этому сближению, наверно, стала поездка с женой на землю Абая...»

Степь у нас, в самом деле, очень ровная. Казахи говорят: если налить в пиалу кумыса, поставить пиалу на голову и пройти по Степи из края в край – ни капли не прольёшь.

Я люблю у **Юрия Кузнецова** стихотворение «**Кубанка**», написанное, скорей всего, по мотивам какой-то казачьей песни, слышанной в детстве.

Клубится пыль через долину.
 Скачи, скачи, мой верный конь.
 Я разгоню тоску-кручину,
 Летя из полыма в огонь.
 Гроза гремела спозаранку,
 А пули били наповал.
 Я обронил свою кубанку,
 Когда Кубань переплывал.

Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,
А жаль молитвы, в ней зашитой
Рукою матери родной.
Кубань кубанку заломила,
Через подкладку протекла.
Нашла молитву и размыла,
И в сине море повлекла.
Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,
А жаль молитвы позабытой,
Молитвы родины святой.
Клубится пыль через долину.
Скачи, скачи, мой верный конь.
Я разгоню тоску-кручину,
Летя из польмя в огонь.

* * *

Встретим мы кубанцев и у нас на Алтае – среди сибирских казаков. Много переселенцев оказалось в наших благодатных краях: и чалдонов из оскудевших российских земель, и кержаков-поморов, бежавших в Сибирь от преследования их старой веры, и охочих по скитания хохлов, которых моя бабушка Таня называла «*жопомялами*», и немцев-трудоармейцев с Волги, и спецпереселенцев – бывших зажиточных крестьян из раскулаченных русских деревень, и мордву, и коми-зырян, о которых есть русская поговорка: «*Нет упрямей зырянской башки!*», но вряд ли «*зырянская башка*» переупрямит казаков, их тоже много оказалось на Алтае – с Дона, с Кубани, с Терека. На Алтае есть даже село **Донское**, есть и деревня **Бутаковка**. Кубанцы тоже принесли названия своих станиц.

И, видно, рождён под звездой счастливой,
Однажды узнал я в деревне своей,
Как шли на Иртыш из станицы Красивой
Одиннадцать крепких кубанских семей;
Как в долгой дороге родных хоронили,
Рожали, крестили и всё-таки шли,
Но имя станицы своей не забыли,
И именем этим село нарекли...

Это строки из поэмы «**Над быстрым Иртышом**» нашего поэта казака **Сергея Комова**. Описывается в поэме и широкая русская Масленица, где идут песни-пляски и где появляется **кубанский казак Порфирий Галкин** – из тех самых переселенцев кубанской станицы Красивой.

Блинов уж объелись, и лица лоснятся,
Лапшой пресыщались, налимьей ухой.
Идут вперепляс казаки, веселятся,
Румяны от браги, от дури шальной.

Как жабры, раскрылась гармонь нараспашку,
 Вздохнули, запели павлиньи меха.
 Уже без тулупа, в исподней рубашке
 Задиристый, мелкий идёт, как блоха,

Вязига меньшей, кулаки потирая.
 За ним и старшой тут же скинул тулуп.
 Шульга чуть поодаль по левому краю,
 Левшою пригладил взлохмаченный чуб.

Идут чистоярцы – царёвы службисты,
 Им кровь погонять бы да выветрить хмель.
 Навстречу народ разношёрстный, плечистый –
 Бойцов выставляет своих Сарабель.

Тут Галкин Порфирий, наездник, рубака,
 Высокий и статный, и грудь колесом,
 В кубанке и в праздничной красной рубахе,
 Задирист и молод – петух петухом.

Красивый лицом он и широкоплечий,
 Любая пойдёт за таким женихом!
 Он в Верном, на скачках в самом Семиречье
 Был первым, за то премирован седлом.

Порфирий легко разгибает подкову.
 Он ищет глазами – румяна, как мак,
 Голубка, красавица, дочь Половкова
 Глядит на него, сторожа каждый шаг...

А там уже и свадьба, и снова пляска, теперь уже не просто кубанского казака, а жениха Порфирия, пляска, диковинная для сибирских казаков, которые отжигают привычного в наших краях «Казачкá»:

*Дородные бабы в цветастых косынках / Развязили рты: «Ты поглянь, ты поглянь!» / Там – в огненной пляске **ненашей лезгинки** / Зашёлся жених, вспоминая **Кубань...***

На свадьбу прибыл даже сам **атаман Палагин – из Батинской станицы.**

Образ кубанского казака Порфирия не выдуманный, а был такой действительно среди сибирских казаков. Сергей Комов рассказывает его реальную биографию.

*Порфирий врал в Прииртышьё корнями. / Заимку имел. По заросшей тропе / Спускаясь, найдёшь и сейчас меж камнями / На камне там выбито: «**ГАЛКИН П. П.**» / Роднёю оброс. Уважаемый родич...*

Потом была Первая мировая война. Ушли на фронт казаки и Чистого Яра, и Сарабели, и Батинской станицы, и многих других станиц. Не все вернулись. **Порфирий** попал под германские газы, долго болел, сделался седым, но вернулся живой и героем, смертельно устав от человеческой бойни. А уже гремела революция. Накануне над Иртышом вполне пылали зарницы, вставали тревожные столбы света. Старухи по этим небесным скрижалям читали: быть новой

войне! По станицам ходил юродивый, в драной шапке, босым по снегу, тыкал в небо палкой, искусанной собаками, вопил с церковных крылец: «Кровавым крещеньем / Омое несчастную Божью страну. / Иссякнет любовь и восцарствует мицень!» Так и вышло. Революция и Гражданская война, расколовшие народ на красных и белых, не только выкосили казаков, но и положили конец казачеству.

Павел Васильев в конце 20-х годов написал поэму «**Песня о гибели казачьего войска**»:

*Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Атаманиша-сабля вся в седине?
Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?
Атаман, откликнись, по чьей вине
Коршунном горбатым сидишь на коне?*

*Белогрудый, чалый, быстрый буран,
Чёрные знамёна бегут на Зайсан.
Впереди вороны в тринадцать стай,
Синие хребтины, жёлтый Китай.*

*Позади, как пики, торчат камыши,
Полк Степана Разина и латыши.
Настигают пули волчий косяк,
Что же ты нахмурился, молчишь, казак?
Поздно коня свёртывать, поди, казак,
Рассвет, как помешанный, пляшет в глазах.
Обступает темень со всех сторон,
Что побитых воронов – чёрных знамён...*

Возможно, казачество, если следовать теории Гумилёва о пассионарности, выполнило свою историческую миссию и потому исчезло (в первоначальном своём виде), но ни один живой казак не согласится с этим, и мне трудно принять эту правду. Казачьи кони не рассёдланы! Об этом писал наш поэт казак **Виктор Веригин**:

*Сберегали Русь они великую,
Износив не мало сот подков.
Как нельзя коней из жизни выкинуть,
Так нельзя и с ними казаков!*

КАЗАК ЛУГАНСКИЙ

В Толковом словаре **Владимира Даля** немало собрано материала о казаках – от высказывания Суворова: «*Казаки – глаза и уши армии*» до народных чистоговорок и заметок о казачьих нравах. Вот некоторые из них (больше всего – о конях, которых казак любил больше себя).

«Без коня казак кругом сирота»; «Казак сам не поест, а коня накормит»; «Казак без коня, что солдат без ружья»; «**Конь подо мной, то и Бог надо мной!**» и т. д.

Были и другие поговорки:

«У наших казаков обычай таков: поцеловал куму, да и губы в суму»; «Казак донской, как карась озёрный: и икрён, и солён»; «Казак из пригоршни напьётся, из ладони пообедает»; «Пришли казаки с Дону да прогнали ляха до дому»; «**Терпи, казак, атаманом будешь!**» (это выражение повсеместно употребляется в нашем быту, и даже среди не казаков); «Бог не без милости, казак не без счастья»; «Казаки, что дети: и много поедят, и малым наедятся»; «У наших казаков обычай таков: где проползёшь, там и спать ложись»; «**Казак и в беде не плачет**» и т. д.

Не зря русский язык называют великим: он быстро впитывает и чужие слова, и свои, диалектные, обогащая русскую речь новыми красками и образами. Этому не уставал удивляться и восхищаться собиратель народных слов, этнограф **Владимир Даль**, немецкий датчанин по крови, составивший «Толковый словарь живого великорусского языка» и сборник «Пословицы русского народа».

А начал он со сказок, с книжки «Русские сказки. Пятак первый», где как раз продемонстрировал богатство русской речи. По доносу Булгарина книжка была запрещена: бдительные цензоры III Отделения нашли в ней «насмешки над правительством, жалобу на горестное положение солдата» (Даль прошёл войну и хорошо знал солдатские нужды), нашли и много других «преступных» грехов.

Выпускник Морского корпуса и медицинского факультета Дерптского университета, участвовавший в русско-турецкой войне, чиновник особых поручений при Оренбургском губернаторе, а потом и сам занимавший высокий министерский пост в Петербурге, Даль много ездил по России и признавался, что «собирал весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка», а собирал до последнего вздоха. Уже прикованный к постели, за неделю до смерти, он просил дочь внести во второе издание Словаря, которое готовил, четыре новых слова, услышанных от прислуги.

«Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным, – писал П. И. Бартенева (со слов Даля), – утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним сборник и пополнял своими соображениями...»

В сентябре 1833 года Даль сопровождал **Пушкина** в его поездке к казакам Оренбурга: помогал поэту собирать материалы о **восстании Пугачёва** и снабжал его разными этнографическими сведениями. Они посетили бывшую военную ставку Пугачёва Бёрды. Владимир Иванович Даль был и при последних днях Пушкина у его постели – как врач и преданный друг.

Даль возмущался увлечением петербургского света иноземными словечками, считая, что им есть аналоги в русской речи, более естественные, близкие нашей душе. «...Дурная привычка ходить за русскими словами во французский и немецкий словарь делает много зла. Мы очень нередко видим, что писатели вставляют самым странным образом французское слово, явно против воли и желания своего только потому, что не могли в скорости найти русского или даже не знали его – неужели и это хорошо и извинительно?..»

Как бы ужаснулся Даль, послушав современную молодёжь – XXI века: на каком исковерканном, сленговом языке она говорит, где через слово – иностранные словечки. И вновь актуальна забота Владимира Ивановича, волновавшая его в 80-е годы XIX века: **«Пришла пора подорожить народным языком!»**

Везде, где бывал, Даль слушал народ и всю жизнь собирал драгоценные россыпи русской речи. Читать его Словарь – одно удовольствие. Это поэзия! Это энциклопедия народной жизни – не только русских, но и многих народов, населявших Россию в том числе и казаков, и тюрков. Ведь там не только приведены слова и их значение, а сопровождается каждое слово поговорками, пословицами, народными приметами, обрядовыми картинками, описываются нравы, быт, характеры людей.

Помогали Далю его подчинённые по всей огромной Российской империи. Они обязаны были поставлять ему, кроме отчётов о положении дел, ещё и «местные» слова и выражения. Это было единственное нарушение порядка по-немецки дисциплинированного Даля и использование им своего служебного положения. Составилось четыре тома. Но сколько ещё томов русской речи существует, ведь язык продолжает развиваться и обновляться, отображая время и современного человека. И долг писателя – этот язык фиксировать в своих произведениях.

Кстати, **Владимир Иванович Даль** родился в казачьем городке Луганске и свою прозу (он ещё рассказы сочинял) подписывал псевдонимом – **Казак Луганский**. Теперь на его родине идёт война – Украины против украинцев, украинского языка – против русского. На самом деле, враждуют не языки – враждуют люди. У языков своя жизнь, не подвластная временщикам.

КАЗАКИ – АДАМ И ЕВА

Слово – это образ, созданный народом-поэтом. Образ, который специально не придумашь. Он соткан из множества веков духовной работы, из вдохновенного озарения, которое случается как чудо и не каждый день. Чуткий человек слышит музыку Природы и по созвучию с ней говорит слова.

Да вот живой пример. Приехала я как-то в одну казачью станицу на Иртыше, там **казак – дед Егорий**, какой-то наш дальний родственник, а какой, и сам не помнит, но **Бутаковых** знает. Бородатый, старый казак, всё ещё бравый. До-нашивает штаны с лампасами, кубанку с малиновым верхом – сын подарил, а сам в новом обмундировании ходит – в Омске живёт, служит в казачьем отряде. Теперь снова можно носить всё казачье, а вот отца Егориева, казачьего сотника, чекисты в 1921 году расстреляли за одну только казачью фуражку и курень сожгли. Штаны у деда заправлены в казахские чукьяки с галошами, а большую поясницу он обмотал бабкиной шалью. Бабку свою звал он **Большуха**. Несмотря на немочь, собрался Егорий к реке, лодку чинить: «Чё сиднем-то сидеть, мхом зарастать?» Я увязалась с ним: может, какую занятную историю услышу, или вдруг он вспомнит, с какой стороны мы родня. Пришли к реке, а там небольшое ответвление, отдельная речушка, или, как здесь говорят, **курья**, заросшая камышом. Дед принялся конопатить лодку, кряхтя и ругая прострел в пояснице, которую он называл **«пóперек»**.

– Ядрить твою копалку, в душу мать! – прибавлял и ещё словечки, покрепче, которые я не решаюсь здесь повторить.

Я спросила:

– А как названье у вашей курьи?

Дед удивился и со скрипом разогнул поясницу:

– Како тако названье? На што ей? Курья, она и есть курья! Придумашь тоже...

– И опять, кряхтя и матерясь, склонился над своей прохудившейся лодкой.

Несмотря на возраст и хворь, Егорий любил рыбачить и уплывал на лодке далеко от станицы. Привозил не только золотых язей, пёстрых щук, но иногда и серебряную царицу-стерлядь с узорным хребтом.

Прошло тут минуты две-три, наверное, дед вдруг легко распрямился, расправил сучковатым пальцем сивые усы и весело посмотрел на курью, где вода шебуршала в камышах.

– А пусть твоя курья будет Шибыздинка!

– Почему Шибыздинка?

– А слышь, как шибыздит? Ши-ши, ши-ши... Шибыздинка и есть!

На другой день в казачьей станице уже все звали курью – приют диких уток – **Шибыздинка**. И точно, кажется, нельзя придумать и ни в одном словаре не найдёшь такое слово, потому что оно только-только родилось – у меня на глазах, из ничего, из шуршания в камышах шустрой воды.

А в каком мы родстве, дед Егорий так и не вспомнил, мудро рассудив:

– В Библии ить как сказано? По первости у Бога было токо два человека: Адам и Ева. Вот от их и весь род людской пошёл, и мы с тобой от их, если, конечно, тут Змий не втёрся, или одна гуляща девка, котора от безделья по раю болталась. Не помню уж, кто из их Адама яблоком-то соблазнял? Ладно, не суть важно! Главно дело – соблазнили дурака. Не-е, меня не соблазнишь! Без чарки даже на мочёно яблоко смотреть не стану, хоть ты его мёдом намажь. Ага! Што получатся? Получатся, не два человека было, а три, да ишо Змий... – загибал пальцы Егорий. И тут его осенило: – Ядрить твою копалку! Выходит, первы-то люди были казаками, раз мы с тобой от их? Вот я всегда это подозревал – казаки! Кругом одне казаки!

СКИФИЯ

За всё, Отечество, прости!

Всегда служить старались честно.

Да, «скифы» мы, как всем известно,

Но и у Господа в чести!

Казак Виктор Веригин

Я продолжаю искать себя – в веках и народах, снова вспоминая слова А. Блока: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы! / С раскосыми и жадными очами...»

Кто уж, наверное, бесспорно наши предки, так это скифы, и потому **отправимся в древнюю Скифию!** Её нет на современных географических картах, но она осталась в исторической памяти народов Земли.

Скифы пришли из азиатских степей, двигаясь с гор Алтая; они шли с родственными племенами саков и массагетов; они, расселяясь в степях Причерно-

морья, приходили оттуда к соседям, приходили с реки **Танаис** – так в древности назывался **Дон**. Они захватили много земель. О них писали Библия и греческие авторы.

В «Истории» С. М. Соловьёва вы найдёте много интересного о скифах, в том числе об их происхождении. Он приводит несколько древних мифов. Я выбрала миф, который бытовал **среди понтийских греков** (в детстве я видела понтийских греков: их во время Второй мировой войны из Крыма и с Кавказа сослали к нам в Семипалатинск).

Миф утверждал, что **Скиф – сын Геракла**. Как все знают, Геракл имел хорошую физическую подготовку, обладал небывалой силой и совершил 12 известных подвигов и множество неизвестных. А матушка Скифа – женщина-змея Ехидна. Сидела эта Ехидна в пещере, скучала – кругом пустые, безлюдные места. И тут ей повезло: началась страшная гроза с ливнем, которая заставила бродягу Геракла переждать стихию, завернувшись в шкуру льва. Не заметил, как уснул. Тем временем Ехидна, не будь душой, угнала коней Геракла, а владел он целым табуном, и спрятала. Проснувшись и не обнаружив коней, Геракл стал искать их. Забрёл в припонтийскую область **Гюлэю**, совершенно пустую и никем не заселённую, как я уже говорила, и наткнулся на пещеру местного чудовища – Ехидны, которая, ехидно улыбаясь, поджидала его и не хотела отдавать коней, пока он не полюбит её. Надо же ей было как-то строить семью? Геракл мог бы свернуть ей шею и силой забрать коней, но он почему-то поддался на её змеиные чары. От этой любви родилось трое сыновей: Агатирс, Гелон и Скиф. При них упали с неба плуг, воловье иго, чаша и стрелы – всё из чистого золота. Упавшие с неба предметы определяли четыре символа главных занятий первобытного человека: земледелие, скотоводство, виноделие и звероловство. Когда старшие братья хотели схватить золотые дары неба, то обожглись: предметы были огненными, только младший брат смог взять их в руки и отнести в своё жилище, после чего старшие братья передали ему царскую власть.

От трёх братьев пошли разные скифские племена: от старшего – авхаты, от среднего – катиары и траспии, от младшего – царские, или паралаты. Всех их **греки называли скифами**.

Историк Соловьёв, ссылаясь на авторов древности, говорит: *«Около греческих колоний жили смешанные народы – полуэллины и полускифы. Но что это? Скифы ли огречившиеся, или греческие переселенцы, принявшие скифские обычаи, или, наконец, отрасли родственных с греками фракийских племён? На эти вопросы не даёт ответа древность...»*

Зато древность намекает на то, что и **греки могут быть родственниками казаков**, почему бы нет? Как говорится: геть до кучи! Греки никогда не знали, что такое депрессия, то есть уныние, которое считается смертным грехом. Если другие народы, чем-то огорчившись, впадали в уныние, греки – не впадали, греки – предавались веселью: топтали в чанах виноград, пили вино и сочиняли мифы. Сходят на войну – и снова: топчут виноград, пьют вино и заселяют греками и богами землю и небо. **Казаки на них похожи!**

А также древность рассказывает: Геракл, родив трёх сыновей, отправился дальше бродяжничать и искать себе приключений на одно место. Походной жене своей, Ехидне, он оставил богатырский лук и наказал: который из сыновей сможет согнуть лук и натянуть на него тетиву, тот и назовёт своим именем

пустынную страну, где обитала брошенка Ехидна. Только младший сын Геракла справился с отцовским луком. Он тоже любил бродяжничать, как его отец, и захватил многие земли – так он расширил владения **Скифии** и сам стал носить имя **Скиф**.

Скифы, что пошли от Геракла и Ехидны, унаследовали их черты. От Геракла досталась им страсть к кочевому образу жизни и дикая сила, о которой писал поэт новой эры **Александр Блок в поэме «Скифы»**: *«Привыкли мы, хватая под уздцы / Играющих коней ретивых, / Ломать коням тяжёлые крестцы / И усмирять рабынь строптивых...»* А от матери – хоть и коварной, но мудрой женщины-змеи, достался ум. О нём снова А. Блок: *«Мы любим всё – и жар холодных числ, / И дар божественных видений, / Нам внятно всё – и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений...»* Любили скифы, по словам Блока, и «плоть»: *«вкус её и цвет, и душистый, смертный плоти запах»*. Любить-то любили, но всё же, как сообщают исторические хроники, были не особо плодовиты, и не разбазаривали свой генетический материал, чтобы вместе с ним не утекла к чужим их богатырская сила.

В остроумной, с элементами пародии, **«Глиняной книге»** (1969) **Олжас Сулейменов** изобразил такого, скуповатого на любовь, скифа, который принял мученическую смерть, но устоял против соблазнов **прекрасной блудницы Шамхат**, хоть от неё и струился пряный аромат греха:

Когда враги поднимали на копьях нашего славного предка Сары-Кене, он кричал с той высоты, к нам обращаясь:

*«Я выше их на высоту копья.
Ишкузы, будьте прокляты,
как я,
не отдавайте семени чужим,
не делайте врагов себе подобными!»
Так завещал нам хан Сары-Кене.
Он мог бы жить в плену немало лет,
ему в шатер вводили царских дев,
чтоб, семья скифское заполучив,
мир покорить могли они, чужие.
И отвергал их, давший нам обет,
кинжал подняв, отсёк источник бед.
Он пренебрёг собой во имя нас.
Ишкузов он от разоренья спас...*

Но не все скифы отсекали себе кинжалом **«источник бед»**, когда встречали прекрасных дев чужой стороны. Однажды к берегам Скифии причалил неуправляемый корабль, потому что никто не умел им управлять. Мотало корабль по волнам, пока не отнесло к Меотиде – Азовскому морю. На корабле были амазонки – они удрали от греков, которые их полонили. Амазонки восстали, греков перебили и понеслись на корабле, куда ветер понёс. **«Амазонки»** в переводе с греческого **«Безгрудые»**. Будто бы они выжигали себе правую грудь, чтобы легче было стрелять из лука. Это неправда! Когда амазонки сошли с корабля, груди были при них. Пре-

красные, воинственные девы, вооружённые луками, тут же занялись барымтой: украли у кочевников табуны и поскакали в степь, но скифы их догнали, скифы пустили в ход «источник бед», после чего родилось новое потомство. Потомки стали называть себя **сарматами**, чтобы хоть чем-то отличаться от родителей: молодёжь почти всегда в оппозиции к старшему поколению. **Ищет себя!**

Мальчиков амазонки отдавали отцам, а девочек воспитывали сами, потому дочери их отличались смелостью, дерзким нравом, скакали на конях и сражались наравне с мужчинами. И, может быть, боевой характер наших казачек, которые тоже не хуже мужчин скачут на конях, от этих воинственных амазонок?

Только убив не менее трёх врагов, амазонка слезала с коня, выходила замуж и начинала заниматься домашним хозяйством. Но пока не испытаны в бою и не засватаны – носились на своих крылатых скакунах с устрашающими криками. Садилась на коней и во время войны, когда весь народ снимался с места и мчался навстречу врагу. Ещё час назад неприятель видел у реки стоянку кочевников, оглянулся: нет её! Исчезла, как летний мираж, только тёмные круги юрт, как следы космических кораблей пришельцев, остались в Степи. О пришельцах с неба рассказывали древние предания: о солнцеголовых человечках, о летающих плоских «чашах» с огнями по бокам, о чудесах, которые случались после их приземления. В казахстанских степях встречаются древние наскальные рисунки таких солнцеголовых человечков – их открыл **наш археолог Алан Медоев**.

На протяжении веков необъятные просторы Евразии сотрясал гром копыт скифской конницы. **В Библии о скифах** писали с ужасом: «Народ дальний, крепкий, храбрый, великий, грозный, страшный...»; «Вот, поднимается он, подобно облакам, и колесницы его – как вихрь, кони его быстрее орлов; горе нам! ибо мы будем разорены» (*Книга Пророка Иеремии, 4:13*). «*Сотрясается земля от топота копыт, ржания коней, шума сверкающих колесниц, которые вихрем мчатся по поверженным врагам. Крепконогие кони (“копыта их, как кремль”) несутся, как орлы, а всадники в багряных одеждах и латах, с червлёными щитами, несут смерть в своих колчанах, “твёрдых, как гроб”, заострённых стрелах, напряжённых луках, блестящих копьях и пламенеющих мечах!»* Так писал о скифском набеge летописец древности **Аввакум**, ужасаясь, но и зажигаясь поэтическим вдохновением. (Цитируется по книге В. Ковалевской «Конь и всадник» – Н. Ч.).

Летит стрела, оперённая ветром, от алтайских хребтов, от казахских степей, от жёлтых рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, от Небесных гор (так с китайского переводится Тянь-Шань) – до степей Причерноморья, до Азова, Днестра и Дона, до Греции и Кавказа, до персидских городов, до древней страны Урарту, пронзая века, а за нею, за оперённой ветром стрелой, летят гортанные крики воинственных племён. Вот они мчатся на своих конях – скифы-воины, скифы-кентавры, скифы-волки! По древним поверьям, в известные только им дни каждый скиф обращался в волка. Мчатся они, а под сёдлами у них – куски сырого мяса, которые хорошо просолятся за время похода. Можно эти «отбивные» потом слегка обжарить на огне или есть прямо так, на ходу, если невозможно замедлить скачку и спешиться. Казаки тоже использовали этот походный способ приготовления мяса. Летят, летят скифы, как стремительные грозовые облака с высверками молний. И прогремит гром, и брызнут стрелы дождём, и ужаснётся Божий мир!

* * *

Говорят, скифы были белокуры с рыжинкой, имели «красные лица» (вероятно, смуглые), длинные волосы и бороды, разрисовывали себя татуировками, носили серьгу в ухе (как потом и казаки), отличались свирепостью, были отличными наездниками, стреляли из луков лучше персов и поклонялись мечу. Меч у них – бог войны. Приносили ему жертвоприношения: втыкали меч в землю, затем обливали его молоком или кровью. А солнцу в жертву приносили лошадей – самое дорогое своё богатство. Мать-Земля тоже была богиней. Её изображения украшались венцом из ста звёзд на голове и одеждой из тридцати шкур выдры.

Был у скифов ритуал, который назывался **«Садиться на шкуру»**. Предводитель похода забивал жертвенного вола, мясо варилось в огромном казане. Предводитель выставлял казан перед скифами, а сам, в позе мольбы, заложив руки за спину, как связанный пленник, садился на воловью шкуру. Каждый, кто ступал на неё, будь то родственник или соплеменник, кто вкусил мяса, становился членом дружины, причём он говорил, сколько воинов – «на своих харчах» – привёл. Если воин совсем юный, но уже убил врага, он имел право пить из почётной круговой чаши во время ежегодных празднеств, мог и ступать на шкуру жертвенного вола. *«Такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве»*, – сообщал о скифах Лукиан Самосатский, который и оставил этнографическое описание скифов.

Скифы были кочевниками и, как все кочевники, отличались мобильностью, быстро сворачивая походные жилища и погружая скарб на повозки. В случае опасности весь народ становился войском, все уходили на войну, оставив на родине только отчие могилы. На некоторых из них стояли каменные *балбалы*. *Балбал*, или *Баба*, – буквально: *пращур, дед-отец*. Иногда ваятель выдалбливал на камнях лица, добываясь портретного сходства с усопшим. Нередко погребальные курганы были окружены просто камнями, поставленными на ребро – по числу врагов, уничтоженных воином.

Во Вторую мировую войну красные бойцы на танках рисовали звёздочки – тоже по числу подбитых фашистских «тигров», а лётчики на самолётах – по числу сбитых бомбардировщиков.

* * *

Один автор древности рассказывает **притчу**, как во время похода Дария I разгорячённый перс гнался за одиноким скифом, а персы считались лучшими в мире наездниками. Скиф всё прибавлял и прибавлял скорость. Скифские кони обычно медленно разгонялись, но когда разгонятся – их было не догнать. Скиф летел подобно птице – казалось, конь его парит в воздухе, вытянувшись огненной от заходящего солнца стрелой. Наконец скиф, довольный скачкой и погоней, остановился и мирно поджидал перса, не заряжая лука. Удивлённый перс, с трудом переводя дыхание, спросил: «Отчего ты не отстреливался, не защищал своё добро, свою землю?» – «У меня нет добра, весь народ мой на войне, а на земле нашей остались только могилы предков. Мертвецов уже не убить и не взять в плен! Но если кто-то их тронет – тому не поздоровится!» – «Выходит, твоя страна – это страна могил? Зачем же ты тогда убежал от меня?» – «Я люблю скачки, люблю погоню! Я просто скакал по степи и слушал ветер!»

В истории осталось имя скифа (сака) **Сирака**. Он, порезав себе лицо и притворившись обиженным соплеменниками, перебежал к Дарию I. Предложил вывести персов к позициям скифов, но завёл в пустыню, где не было ни еды, ни воды. Ему отрубили голову, но персы потерпели поражение. Такой же подвиг – ценой своей жизни – совершил и русский человек **Иван Сусанин**, который завёл в костромские леса и болота ляхов. Я бывала в Костроме. Там есть туристический маршрут: «*Тропа Сусанина*», но я не ходила по ней и потому благополучно вернулась домой.

Историк **Геродот** так описывает скифов: «*Они имели на головах остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо, одеты были в штаны. На ногах – мягкая кожаная обувь. Кафтаны туго затягивались широкими поясами...*» Старики в казахских аулах и теперь так одеваются, хоть прошли не только века, а тысячелетия.

Казахстанский учёный **Ермухан Бекмаханов** сообщает о скифах следующее: «В VIII– VII веках до н. э. вся территория от Каспийского моря до восточных отрогов Тянь-Шаня, то есть нынешняя Северная Туркмения, часть Узбекистана, Киргизия и Казахстан, была населена племенами, которые античные авторы называют общим именем **саков**, или **скифов**. Эти племена делились на несколько крупных союзов. К востоку от Каспийского моря жили каспии, в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи – массагеты, по среднему и верхнему течению Сыр-Дарьи и по отрогам Тянь-Шаня – собственно саки, далее на восток, в пределах нынешних Джамбулской и Алма-Атинской областей, – иссидоны, в северо-западном Казахстане – агриппии и другие скифские племена...»

*На берегу реки – курганы:
Там кости саков и сармат.
В грудь склона бьётся ветер рьяный,
И камни письма хранят.
Как с миром яростно не биться,
Когда предательским ножом
Убит ребёнок смуглолицый,
Ударом в спину муж сражён?
Вновь стрелы затевают пеньё –
Летит, как рой, смертельный звон,
Алеет марьиным кореньем
Политый кровью древний склон.
Жизнь повторится многократно:
За часом – час, за кругом – круг.
Потомки саков и сарматов
В беспмятстве холмы сотрут...*

Это строки сибирской казачки **Любови Медведевой** из её «сарматской» поэмы «**Поле предков**», которая вошла в хрестоматию 2012 года по региональной литературе Восточного Казахстана (для учащихся 5–11 классов общеобразовательных школ). До чего же хорошо, что в этом краю есть забота о сохранении исторической памяти, о бережном отношении к своим писателям, творчество которых изучают с детства. И есть надежда, что горькие слова «сарматской» поэмы: «Потомки саков

и сарматов в беспамятстве холмы сотрут...» уже не повторяются больше – уже не будут разрушаться памятники прошлого, как всё ещё происходит.

Через дорогу от моего дома **на окраине Алма-Аты** раньше простирались пустынные поля с цепочкой высоких холмов. Это были **древние сакские (скифские) курганы**. Потом курганы разрыли, сравнивали с землёй, а землю распахали и засеяли кукурузой, потом и кукурузные поля убрали, чтобы построить на этом месте современный **жилой комплекс «Аксай»**. Интересно, снятся ли жителям многоэтажек «Аксая» скифские воины, останки которых покоились под их домами, в древних курганах? Не входят ли скифы в ночные дома – в своём боевом облачении, с заострёнными копьями в руках, с лицами, обожжёнными солнцем и ветром, но прекрасными в простоте своей? Ночью, когда полная луна встаёт над Пёстрыми горами, над Алатау, выгляньте в окно: у подъезда стоят скифские кони в парадном убранстве, ведь коней погребали вместе с воинами. Кони не терпеливо перебирают крепкими ногами, готовые мчаться по свету – высекая огонь, отрываясь от земли. Видите в небе цепочку вспыхивающих звёзд? Это скачут скифы!

* * *

Читая исторические **хроники о скифах**, я стала думать, что скифы, наверное, подобно нашим казакам, были увлечены не столько войной и добычей, сколько молодечеством, волей, когда летели на своих конях, что подтверждает и приведённая выше **притча о персе и скифе**. Скифы летели – с ветром за спиной, с ветром, бьющим в лицо, с ветром в звенящих, кричащих беркутами, стрелах. Вот-вот и оторвутся от земли, и полетят по небу. *«Взяв коня и сев на него, скиф несётся, куда хочет»*, – писал **Климент Александрийский**. Фразу эту можно целиком отнести и к казаку, который был неразделим со своим конём. **Плиний Младший** с изумлением писал, что когда один скифский воин, сражавшийся по вызову с врагом, был повержен, и победитель приблизился снять с него доспехи, то конь скифа убил его ударом копыт, а ещё – покусал. Скифские кони кусались, как звери, никого не подпуская к хозяину.

* * *

В периоды перемирия **скифские цари** вступали в династические **браки с армянскими знатными девушками**. Может, именно с тех пор в наших жилах течёт и армянская кровь, перемешанная с диковатой скифской кровью? Вместе с армянскими красавицами скифы вывозили из Урарту мастеров по металлу: оружейников, ювелиров. Одним из великих археологических открытий были найденные в скифских и сарматских курганах изумительные по красоте и изяществу золотые изделия, отнесённые искусствоведами к **«звериному стилю»**, потому что на них изображены в основном животные. Но есть и люди – по их облику мы можем судить, как примерно выглядели наши предки.

По мнению учёных, «сильная концентрация памятников, содержащих скифское оружие, по низменным районам Западного Закавказья, а также по Куре, вплоть до Мцхета, позволяет предполагать здесь в VI веке до н. э. наличие определённой части скифского населения. Причём именно эти скифы оказались связующим звеном между Урарту и закавказскими племенами, с одной стороны, и прикубанскими скифами – с другой...»

Не теряли они связи и с азиатской Степью, откуда вышли в свой первый поход. И всюду – женились. Так был перекинут **генетический мост между Азией и Европой**, который, уже в новой эре, неумоимо укрепляли казаки.

Уж если мы коснулись **Урарту**, то **отправимся в путешествие по Армении**, где, быть может, тоже отыщем своих родственников. Главное, не попасть в доисторические времена, к питекантропам – нашим пещерным предкам. Ограничимся историческими временами.

КАРТИНКИ АРМЕНИИ

Вновь лебеди кричат
Над спящею станицей.
Лечу! Ищу себя!
Ищу родные лица.
В потоке певчих слов
И в песне лебединой,
Созвучье языков
И памяти былинной...

Сестра армян. Родную **мою сестру Зину** армяне считают армянкой и обижаются, когда она открещивается от родства с ними: «Э-э, сестра, нехорошо откалываться от своей нации!» Зина – смуглая брюнетка, и нос у неё с горбинкой, как у нашей бабушки Тани Бутаковой, и горделивость, как у армян, которые свысока поглядывают на другие народы, помня о своей древней культуре. Выходит, мы с армянами где-то всё-таки пересеклись, и старые исторические хроники не врут? Но этот вездесущий неунывающий народ с вековой скорбью в глазах (после геноцида турков-мусульман, которые вырезали несколько тысяч армян-христиан) издавна жил и торговал всюду, и теперь живёт – и в России, и у нас в Казахстане, и по всему миру. Об их купеческих хитростях у нас в Степи сказали бы так: *«Купец ради наживы и свою бороду по волосинке распродаст!»* У нашей бабушки Тани были торговые способности, она часто чем-нибудь торговала, но это ни о чём не говорит. Однако армянки от Зины не отстают: «Сестра, сестра...» – и всегда находят для неё дефицитный товар, радуясь, что угодили *«своей»*.

Попробуем довериться народной *«генетике»* и перенесёмся в Армению, поглядим на армян: чем уж мы, казаки, так на них похожи?

Печаль армян. Армения – древняя страна, она была ещё до нашей эры. Говорят, армяне пришли из могущественного когда-то государства **Урарту**, которое пало под натиском ассирийцев. **Говорят**, у стен Урарту и ассирийских крепостей археологи находили скифские копья и акинаки. Есть на Кавказе и скифские курганы, где погребены не только воины, но и древняя утварь, и кони в богатом снаряжении. **Скифы – наши предки – были здесь.** А раз были, то наверняка мешались с местным народом и по цепочке поколений могли передать кровь нашему казачьему роду. Может, поэтому сестра моя Зина так похожа на армянку, а я – на татарку?

Мы знаем об Армении, что когда-то в библейские времена, подхваченный всемирным потопом, к горе Арарат, которую армяне зовут Масис, причалил **ковчег праведника Ноя** – со всем семейством, были при них и животные – каждой твари по паре. **Говорят**, из обломков ковчега **Страдивари** смастерил одну из знаменитых своих скрипок, которая завораживала волшебным звучанием, но не сделала Человечество лучше. Увы! От чего Ной уплыл – к тому и приплыл.

Великий армянский поэт и монах **Нарекаци** в **«Книге скорбных песнопений»** вопиял: *«Моя душа – как выгребная яма, / Ты вобрала, чтоб погубить меня, / Грехи всех смертных, со времён Адама / Свершённые до нынешнего дня. / Ты копишь то, что Богу не угодно, / И потому презренна и бесплодна!»*

Благословенная земля, где Ной искал спасение, стала землёй бесконечных войн и раздора, которые не утихают до сих пор. Самая памятная трагедия – **геноцид армян**, который начался в конце девятнадцатого века и продолжался в двадцатом. Невиданная по жестокости резня. У каждого родника вы увидите каменную плиту с числом убиенных турками армян. Османская империя жаждала присоединить к себе всё Закавказье и всю Армению, которая до этого входила в неё только своей западной частью. Армения всегда была стратегически важной страной. Но армяне не хотели к туркам, их тянуло к России: с нею связывала христианская вера, а турки насильно обращали армян в магометанство. Мужчин распинали на крестах, прибавали им к пяткам подковы, женщин насиловали, продавали в рабство, делали из них живые факелы, поджигая, или бросали вместе с малыми детьми в пустыне, где нет воды и пищи. Великий армянский композитор **Комитас**, попавший в плен к туркам и наблюдавший жуткие картины расправы над армянами, сошёл с ума. Его вызволили, но он уже никогда не пришёл в себя. Его музыка – это плач скорбящей армянской души, где слышится печальный голос дудука.

В 1827 году Восточная Армения присоединилась к России. Писатель, историк, духовный наставник армян **Хачатур Абовян** в романе **«Раны Армении»** писал: *«Да будет благословен тот час, когда русские благословенной стопой своей вступили на армянскую святую землю...»* В 1991 году, после развала СССР, Армения обрела независимость, однако проживает на свободе трудно. Турки не оставили мечту о возрождении Османской империи, о великом Туране и о возвращении в свои пределы Армении. Снова боестолкновения Нагорного Карабаха, где компактно проживают армяне, с мусульманским соседом – Азербайджаном (при поддержке Турции), снова кровь и жертвы. Для маленькой по территории и численности населения Армении такие потери всегда чувствительны. И вновь потребовалась помощь России: в Лачинском коридоре между Азербайджаном и Нагорным Карабахом теперь стоят российские миротворцы, но турки – на стороже!

* * *

«Культура, э-э!» Я бывала в Армении и наблюдала армян на их родине. О чём бы ты ни заговорил с армянином: о музыке, о древней армянской архитектуре, похожей на красивые, стройные буквы армянской письменности, об отсутствии пьяных на улице, о порядке на изобильных живописных базарах, о яркой, написанной жаркими красками живописи армянского художника **Сарьяна**, о кудрявом мальчике с ангельским ликом, который с утра до вечера мучает скрипку,

– армянин непременно поднимет палец и важно изречёт: «Культура, э-э!» Даже таксист, соловьём разливаясь в рассказах об истории армянского народа, не преминет добавить, снова подняв палец: «Когда вы все ходили в звериных шкурах и жили в пещерах, у нас уже была великая культура! Культура, э-э!»

И потом, в самолёте на Алма-Ату, я наблюдала армян. Не успели пассажиры разместиться в салоне, армяне тут же вытащили из сумок зелень, шашлык, сыр – эту снедь они заворачивали в белые «простыни» лаваша, а ещё разложили на откидных столиках орехово-медовую пахлаву, виноград, персики, с румянцем, как у стыдливых девушек, багряные помидоры, которые по-армянски нежно называют «лолик», – и стали угощать пассажиров. Сидевший рядом со мной угрюмый армянин в кепке-аэродроме тут заулыбался, с любовью глядя на своих земляков, и, конечно же, сказал мне, подняв палец: «Культура, э-э!»

* * *

Армянская периодическая болезнь. Казахстанская писательница **Светлана Назарова** несколько лет жила в Армении и написала потом эссе «**На горе Арарат**», где набросала портреты никогда не унывающих, остроумных армян – несмотря на все испытания, что выпали на их долю: «*Армяне поразительно раскованны. Их раскованность не имеет ничего общего с невоспитанностью: они свободны как дети, и как дети же – любопытны. Не эти ли черты в немалой степени двигали их цивилизацию с древнейших времён?*»

Приведу два небольших отрывка из её книги.

«...Моим шефом по службе был пожилой армянин, уроженец Тбилиси. Бывший кагэбэшник, был он человеком крайне обязательным. Он страдал болезнью, которую называл: “*Армянская периодическая болезнь*”. Я не знаю, зафиксирована ли такая в истории медицины, но поскольку начальник мой был весёлым и остроумным, я отнесла его диагноз на счёт юмора. Надо сказать, поторопилась.

Фанатично преданный работе, он не носился со своими недомоганиями, но когда приступы “*периодической болезни*” настигали его, худел прямо на глазах, его лихорадило и мучили непонятные боли. Иногда он по два-три дня болел дома и при этом ничего не мог есть. И врачи в больничном листе ставили именно этот диагноз – “*периодическая болезнь*”. Но самое необычное – это то, что он гордился своей странной болезнью и любил повторять, что ею болеют только армяне и исключительно армяне! А, как известно, всё армянское – лучшее!»

Неумеренная, детская хвастливость и чувство юмора армян дали повод для серии анекдотов, которые были популярны в советское время. Назывались они: «Армянское радио» и строились на вопросе-ответе. Например, «*Армянское радио*» спрашивают: «Чем армяне лучше грузин?» «Армянское радио» отвечает: «Лучше, чем!»

Если вы чувствуете, что лучше грузин, если у вас появились признаки «армянской периодической болезни», если вас очень сильно тянет к армянскому вину и при этом одолевают приливы культуры, значит, вы – армяне!

* * *

Истина в армянском вине. Однажды **Светлана Назарова** вместе с мужем решила купить к празднику хорошего **армянского вина «Бюракан».**

«Поехали в специализированный магазин “Вина” – красивый, помпезно оформленный, весь в зеркальных витринах, с подсветкой внутри крутящихся в торговом зале круглых застеклённых стоек, на которых были выставлены стилизованные бутылки с образцами марочных вин, – рассказывает Светлана. – К тому времени мы уже кое-какие хорошие армянские вина попробовали и не упускали случая расширить свой “винный” кругозор. Уже расплачиваясь у кассы, я заметила странную муть в бутылке. Встряхнула её и – о, ужас! – там плавала дохлая мышь. Я завизжала, хотя стекло бутылки ограждало меня от мышки. Кассир (а в магазинах Армении, как правило, и продавцы, и другие работники – мужчины) взял из моих рук бутылку, долго с изумлённым интересом её рассматривал, пока я приходила в себя, а потом закричал в сторону двери, отделявший торговый зал от служебных помещений: “Гарник, Гарник-джан, арни генац! Иди, смотри, как мышь хочет вино выпить!” На зов пришёл усатый Гарник, неся в одной руке орущий магнитофон. И они вдвоём с кассиром начали вертеть и рассматривать бутылку, по-армянски обсуждая, видимо, ощущения мыши в море вина, когда она была ещё жива. Хохоча и тыча пальцами в бутылку, они мимикой приглашали и нас с мужем разделить их веселье. Потом, вроде как спохватившись и видя, что мы не особо рады, Гарник сказал: “Ох, русские-джан, я веселился от мышь!” Он принёс нам другую бутылку – уже без сюрприза, но мы отказались и вообще перестали с тех пор дегустировать армянские вина, убедившись, что в вине, как оказалось, можно найти не только истину...»

Армяне мне нравятся – весёлый народ! И если **наши казаки** с ними роднились, то не зря. *(Об этом я скажу и в главе «Каз-ак».)*

ЧЕРКЕСЫ

Черкесы – мой народ военный...

М. Лермонтов

Как-то, приехав к сыну в **Краснодар**, пошла **сестра моя Зина** на базар, а там вавилонское столпотворение разных народов, в том числе и кавказских – Кавказ-то рядом. Решила проверить: кто из них «наши»? Сердце ведь «своих» сразу узнаёт: зов крови! Что у нас есть родство с Кавказом, она не сомневается. **Кубанские казаки**, бесспорно, «наши», хоть и немного другие, чем сибирские: и обличем, и сами по себе – прижимистые, не особо общительные, но казаки – любые – вообще осторожны в общении: «пристреливаются» сначала и неохотно принимают в свой круг чужаков. Казаки, хоть и смешивались с другими народами, однако это совершенно ни на кого не похожий народ, живёт обособленно (стоит перечитать хотя бы повесть **Л. Толстого «Казаки»**, где подчёркивается это: «свой-чужой»).

Зину, конечно, тут же обступили армянки: «Сестра, сестра!» Еле отбилась. У **адыгов** прекрасный адыгейский сыр – попробовала, но сами – «не наши». **Черкесы** – то ли «наши», то ли «не наши». Похожи, вроде, на бабушку Таню Бутакову и чернявых дочерей её, Тамару и Тасю, потому черкесов рассмотрим подробнее.

«Черкесы – мой народ военный...» – писал о них Лермонтов, и это первое, что роднит черкесов с казаками, тоже народом военным. Есть и другие сходства – они проявляются в характере: стойком, как татарник, описанный **Л. Толстым** в «Хаджи-Мурате», как родовые башни, которые видела я в горах Кавказа. Мне о них притчу рассказали: враги несколько раз пытались такую башню сломать, повалить. Она падала – и тут же поднималась вновь. Она была несокрушима.

Вот как о черкесах писал в «Истории государства Российского» **Н. М. Карамзин**: *«На восточном берегу Чёрного моря жили авхасы, далее в горах **вольные черкесы**, не подвластные ни туркам, ни татарам, ужасные разбойники; текущими из гор реками выплывая на лодках в море, они грабили суда купеческие, исповедовали христианскую греческую веру, употребляли в богослужении язык славянский, впрочем, мало думали о Законе...»*

Ну чем не казаки? **Пушкин** в путевом очерке «Путешествие в Арзрум» тоже пишет о черкесах, правдиво показывая и горцев, и русских: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадёжна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщениия крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе изрубить их своими детскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружьё его слишком долго было заряжено. Что делать с таким народом?»

Пушкин надеялся, что черкесы, недавно принявшие ислам от турков, с которыми торговали, вернутся снова в лоно православной церкви: *«Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров...»*

* * *

Много о черкесах писал и **Лермонтов**, но с другим акцентом, нежели **Пушкин**. Лермонтов выделял черкесов из всех горских народов – за их врождённое благородство, вольнолюбие, преданность в дружбе и презрение к смерти. У него даже есть целая поэма «Черкесы», и в других поэмах он говорил об их нравах, похожих на величественную и грозную природу гор. Как поэт и художник, он

был впечатлён красотой природы, красотой народа, живущего в гармонии с ней. Он пишет о Кавказе и черкесах с восторгом, любясь ими, видя в них образец вольнолюбия и простоты жизни, которые и сам искал. Иногда кажется, что поэт забывал, что он русский, когда писал о черкесах, охваченный вдохновением. Но если бы он не полюбил их, то вряд ли бы смог так ярко и правдиво показать настоящего черкеса и так остро пережить его трагедию, когда селения горцев, живших разбоем, были за это уничтожены русскими войсками, а народ рассеян по чужбине.

Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат» тоже с сочувствием написал о разорённом войной ауле. Мне навсегда запомнилась одна небольшая картинка из повести, которая пронзила великой трагедией: *«Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой...»*

«**Старик дед**» в восточной семье – прадед. Он много повидал на своём веку, много пережил, и ещё одна трагедия его уже не потрясала. Он просто сошёл с ума. Он жил уже в другом мире, свободном от людской вражды. Великого писателя Льва Николаевича Толстого интересовал не друг или враг – интересовал живущий страстями Человек, к которому писатель, грешный сам, но чуткий сердцем, испытывал сострадание.

Черкесы Лермонтова.

«Люблю тебя, страна Востока! / Кто знал тебя, тот забывал / Свою отчизну; кто видал / Твоих красавиц, не забудет / Надменный пламень их очей, / И без сомненья верить будет / Печальной повести моей...»

«Как я любил, Кавказ мой величавый, / Твоих сынов воинственные нравы, / Твоих небес прозрачную лазурь / И чудный вой мгновенных, громких бурь...»

«Черкес прямой – всегда, везде один, / И служит только родине да воле! / Черкес земле и небу господин, / И чуждый враг ему не страшен боле, / Но если б он послушался меня, / Жену бы кинул – а купил коня!»

«И дики тех ущелий племена, / Им бог – свобода, им закон – война, / Они растут среди разбоев тайных, / Жестоких дел и дел необычайных; / Там в колыбели песни матерей / Пугают русским именем детей; / Там поразить врага не преступленье; / Верна там дружба, но вернее мщенье; / Там за добро – добро, и кровь – за кровь, / И ненависть безмерна, как любовь. / Темны преданья их...»

«Прекрасен ты, суровый край свободы, / И вы, престолы вечные природы!»

«Черкес удалый в битве правой / Умеет умереть со славой, / И у жены его младой / Спаситель есть – кинжал двойной. / И страх насильства и могилы / Не мог бы из родных степей / Их удалить: позор цепей / Несли к ним вражеские силы! / Мила черкесу тишина, / Мила родная сторона. / Но вольность, вольность для героя / Милей отчизны и покоя».

«В насмешку русским и в укор / Оставим мы утёсы гор; / Пусть на тебя, Бешту суровый, / Попробуют надеть оковы!»

«Но видно всё, что он черкес! / Густые брови, взгляд орлиный, / Ресницы длинные и черны, / Движенья быстры и вольны (...) / Как наши юноши, он молод. / И хладен блеск его очей. / Поверхность тёмную морей / Так покрывает ранний холод / Корой ледяною своей / До первой бури. – / Чувства страсти, / В очах навеки догорев, / Таятся, как в пещере лев, / Глубоко в сердце; но их власти / Оно

никак не избежит. / Пусть будет это сердце камень – / Их пробуждённый адский пламень / И камень углем раскалит!»

«Живёт добычей вся семья! / Они повсюду страх приносят: / Украсть, отнять – им всё равно; / Чихирь и мёд кинжалом просят / И пулей платят за пшено, / Из табуна ли, из станицы / Любого уведут коня; / Они боятся только дня, / И их владеньям нет границы!»

«Черкес не хочет отдохнуть – / Ужели отдыхает мщенье? / Аул, где детство он провёл, / Мечети, кровы мирных сёл – / Всё уничтожил русский воин. / Нет, нет, не будет он спокоен, / Пока из белых их костей / Векам грядущим в поученье / Он не воздвигнет мавзолей / И так отмстит за унижение / Любезной родины своей...»

Да, страшные картины! Сразу вспоминается полотно **Верещагина «Апофеоз войны»** – высокая пирамида из человеческих черепов. Такие пирамиды любил возводить **Тамерлан**. Но когда это было?

Как бы ни жестоки были черкесы, одержимые мстостью, не терпящие никакого унижения и насилия над собой, они похожи на *«наших»*: вольные нравом, первоначально христиане, по-русски молились, как и часть абхазов, и осетины, и грузины, и армяне – они тоже христиане. Армяне вообще одними из первых приняли христианство. Потом была Киевская Русь.

В Карачаево-Черкесии ещё и теперь можно встретить старый христианский храм, построенный на горе, окружённой пропастями: образ Христа, запечатлённый на скале монахом; крест на древнем дольмене; рядом с ним – наскальные рисунки сцен охоты. А вокруг – невиданная красота, зелёные долины с терпким запахом **травы карачай**: сок у неё красный, а если траву сварить – чёрный. По народной легенде, **Карачаем** звали джигита, который долгие годы был в плену, но вырвался оттуда, вернулся на родину, нашёл разорённое врагом родовое **урочище Трёх аулов**, упал на землю, распростёр руки, обнимая её, и так пролежал весь день, и не мог надышаться ароматом земли, где цвёл целебный карачай.

В своих поэмах **Лермонтов** упоминает, что черкесы с казаками в мирной обстановке общались на русском языке, причём черкесы говорили по-русски довольно чисто: *«И ближе путник подъезжает / И чистым русским языком: / “Казак, скажи мне, – вопрошает, – / Давно ли пусто здесь кругом?”»* Этот черкес, говорящий по-русски, учился в Петербурге, его любила русская девушка, но он не забыл своей ненависти к России, вернувшись в горы, хотя в потайном кармане, на груди, хранил локон возлюбленной и подаренный ею крестик. В более поздние годы, во время Второй мировой войны, когда в горы Карачаево-Черкесии отправили детей блокадного Ленинграда, черкесы прятали их от немцев, записывали на свои фамилии, и дети эти, повзрослев, стали и в самом деле считать себя черкесами, не забывая и того, что они русские. И во времена Лермонтова в бытовом общении казаки и черкесы не чурались друг друга: ходили в кунаках, пили кумыс в саклях и чай в казачьих куренях, преломляли хлеб, любовались прекрасными кабардинскими скакунами – а потом, быстро обидевшись, потому что были горячи нравом, воевали, вылетая из засады.

Лермонтов вместе с черкесом – героем своей поэмы **«Измаил-Бей»** пытается понять исток войны:

...За что завистливой рукой
 Вы возмутили нашу долю?
 За то, что бедны мы, и волю
 И степь свою не отдадим
 За злато роскоши нарядной;
 За то, что мы боготворим,
 Что презираете вы хладно!
 Не бойся, говори смелей:
 Зачем ты нас возненавидел,
 Какою грубостью своей
 Простой народ тебя обидел?

В трагическом стихотворении «**Валерик**» Лермонтов снова вопрошает: «...Жалкий человек! / Чего он хочет?.. Небо ясно. / Под небом места много всем, / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он – зачем?» По сути, вопросы эти поэт задаёт сам себе. В нём столкнулись две силы: военный человек, «охотник», то есть разведчик, который идёт в разведку добровольно, «по охоте», и это всегда отчаянные, смелые бойцы, презирающие опасность, – и гениальный поэт, который, приехав на Кавказ, быстро понял бессмысленность войны и человеческого тщеславия перед прекрасным и величественным ликом Природы, осознал малость свою рядом с Богом. К тому же, в Лермонтове единоборствовали и две крови: русская и татарская. Русская диктовала ему правдивые строки о дикости черкесов, их ненависти к русским, а татарская – сочувствовала черкесам, пылала высокой поэзией, восторженными восклицаниями. Так можно любить только родное, кровное! Он выдыхает слова любви в посвящении Кавказу к поэме «**Аул Бастунджи**». Этот воинственный аул был уничтожен казаками, и теперь «без оглядки, с пикой за спиной, донской казак въезжает в это поле». Лермонтов пишет реквием по аулу Бастунджи. Он покорён несломленной гордой душой Кавказа, равной душе поэта.

Тебе, Кавказ, – суровый царь земли –
 Я снова посвящаю стих небрежный:
 Как сына ты его благослови
 И осени вершиной белоснежной!
 От ранних лет кипит в моей крови
 Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;
 На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой, – всегда и всюду твой!..

.....
 Моей души не понял мир. Ему
 Души не надо. Мрак её глубокий,
 Как вечности таинственную тьму,
 Ничьё живое не проникнет око.
 И в ней-то, недоступные уму,
 Живут воспоминанья о далёкой
 Святой земле... ни свет, ни шум земной
 Их не уьёт... Я твой! Я всюду твой!..

* * *

От черкесов казаки взяли черкески, от лезгин – многое из их лезгинки для казачьих плясок. Издревле на Руси было правило, о нём и в летописях русских говорится: «*Хорошее от всякого хорошо*». **Карамзин**, вспоминая эти слова из XVI века, хвалит новую Россию, которая «никогда не была вторым Китаем в отношении к иноземцам» – то есть не закрывалась, не отгораживалась Великой Китайской стеной, оттого, по его словам, «язык наш, то есть славянский, был в сие время известен от Каменного Пояса до Адриатического моря, Воспора Фракийского и Нила, им говорили при дворе турецкого и египетского султанов, жёны их, ренегаты, мамелюки. Мы имели в переводах сочинения св. Амвросия, Августина, Иеронима, Григория, Историю римских императоров (вероятно, Светонову), Марка Антония и Клеопатры (...) Успехи словесности примечались в чистейшем слого летописей, пастырских духовных посланий, святых житий и проч. Старец, архиепископ ростовский Вассиан, мог назваться Демосфеном сего времени, если истинное красноречие состоит в сильном выражении мыслей и чувств...»

Так что **казачество** развивалось в лучшие, просвещённые времена, когда Россия набирала государственную мощь, покоряя и Сибирь, и воинственные киргизкайсацкие степи, и живущий разбоем Кавказ, и Крым с рынками невольников, и мстительные турецкие крепости, въезжая туда в казачьих сёдлах. Потянулись в новые земли государевы войска, купеческие караваны и русские переселенцы. Следом приходила цивилизация, которой сопротивлялись новообретённые народы, считая её колонизацией и желая находиться в привычном, первобытном состоянии. Но **эволюция Человечества неизбежна для любого народа, как ты её ни назови, хоть и колонизацией**.

Лермонтов к **российской колонизации** относился неоднозначно: он жил среди горцев, он был с ними «*одной крови*», он был «*свой*». **Пушкин** – русских на Кавказе одобрял, гордясь их победами и обретением покоя на тревожных границах России, для чего немало потрудились и казаки. Пушкин был взрослее Лермонтова, беседовал с царём, с лучшими умами России XIX века, дружил с декабристами, с историком Карамзиным, читал исторические труды и русские летописи. Он не был на войне, среди походной жизни, где мало возможностей для уединения и поэтических размышлений. У Пушкина было время для философствования, в отличие от Лермонтова, который философию жизни постигал на поле боя, где видел смерть, видел не врага, а человека, во всём равного ему – перед Богом: «*Теперь, как турок иль татарин, / Судьбе я равно благодарен!*»

Пушкин на жизнь и смерть людей смотрел как бы сверху, с высокой точки, видя иные горизонты. Он был государственным. Он понимал политику Российской державы, которая не только Кавказ умирjala и колонизировала, но и принесла его народам просвещение, цивилизацию. В очерке «**Путешествие в Арзрум**» Пушкин рассказывает, что был свидетелем странного поведения горцев: едва в их аулах появлялись русские, горцы тут же начинали высовывать языки. Но это была не детская дразнилка. Оказалось, они привыкли, что вместе с русскими приходят доктора и предлагают показать язык. По цвету языка судили, здоров человек или болен. Русские горцев начали врачевать, стали строить больницы и школы. И эта была ещё одна сторона колонизации. Эта была Стена Добра, которая вставала против Стены Зла.

Пушкин писал:

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья тёмные молвы.

Как бы негативно **Лермонтов** ни относился к кровавым походам русских на Кавказ, как бы ни воспевал горцев, этот стихотворный отрывок из Пушкина он поставил эпиграфом к своей поэме «**Черкесы**» не случайно: видимо, это была точка в трудном споре с самим собой о любви к России и Востоку. Или... щит от цензуры, которая могла заподозрить неблагонадёжного поэта в чрезмерном сочувствии врагу.

НАШИ

– Уж ты, хмелюшка-хмелёк,
Что не развивался?
Где казак ночевал,
Что не разувался?
Где, варнак, пировал,
У какой сударки?
С кем ты зорю зоревал,
За каки подарки?
– Не за перстень-талисман,
Не за злат-серёжки
Открывала молода
Ночью мне окошки...

Казачья песня

Но пора из XIX века возвращаться в век XXI – к **моей сестре Зине**, которая ходит по краснодарскому базару и уже притомилась на южной жаре. Ходила она, ходила – нет «наших», пока не подошла к торговцу из **Кабардино-Балкарии**, **балкарцу**: тут сердце у неё и ёкнуло – родня! Такой балкарец был хороший, сердечный, опрятный, такой «*наш*»!

Потом я разговаривала с **чеченкой Дайной** – она держит конфетный магазинчик «Рахат» рядом с моим домом – о разных народах Кавказа. Кстати, меня она тут же приняла за **татарку ногайского племени**: ногаи живут рядом с Чечнёй, в Ногайской степи (об этом я ещё подумаю). Так вот чеченка эта сказала, что среди горцев самый хороший народ – **балкарцы**. Они очень гостеприимные, добрые и чистоплотные. Кабардинцы – хитроватые, шустрые, а балкарцы – порядочные, простодушные.

Балкарцы, кабардинцы... Ах, какие у них скакуны – золотой, солнечной масти! Казаки их очень любили. И сёдла кабардинцы отличные делают. А что касается чистоплотности, то казаки наши тут первые: курени свежепобелены, двор подметён, заборы (у нас их *заплотами* называют) подправлены. Мама вспоминала: «Наши казаки в идеальной чистоте подворья держали. Баян у нас был, как игрушечка! У папки в хлеву всё блестело – хоть чай пей! И люди чище были...» Говорила, что бабушка Таня заставляла незамужних дочерей до блеска начищать самовар озёрным песком, скоблить порог. Приговаривала: «Скоблите чище, чтоб задоринок не было, а то женихи корявые достанутся!» Девки и старались, хотя в Баянаульской станице корявых женихов сроду не водилось, а все, как на подбор, красавцы!

У моей сестры такая теория: чем выше в горах живёт кавказец, тем он лучше как человек – к небу ближе. Может, и так. Балкарцы живут высоко. В «Словаре топонимов Казахстана» **Е. Койчубаева:** «**Балакора** – тюркское слово, ведь балкарцы – турки, и означает: *высокогорное плато, высокогорье*».

А вот упоминание о **балкарцах** у **Олжаса Сулейменова** в книге «Аз и Я», в главе «**Половцы**»:

«13 – несчастливое число у христиан. XIII век стал трагически несчастливым и для **кипчаков**. Монгольский буран разметал их по земле. Часть занесло в Венгрию, другие укрылись в горах Кавказа, некоторые оказались в арабских странах. За века последующие кипчаки так и не смогли подняться и вновь обрести самостоятельность. Они ассимилировались в среде племён, увлечённых чингизидами, и после развала империи (*татаро-монгольской*. – Н. Ч.) вошли в состав казахского, узбекского, татарского, каракалпакского и башкирского народов. В Крыму их потомки – степные **ногайцы**, на Кавказе – **балкарцы**, карачаевцы, **кумыки**, кавказские ногайцы».

Здесь не зря выделены мной **ногайцы, балкарцы и кумыки** – они могут быть нашими родственниками.

Я показала продавщице конфет **Дайне** фото нашей бабушки Тани – она долго рассматривала, радостно улыбаясь: «Наша! На **чеченку** похожа. Или на **балкарку**. Наша! Точно, с Кавказа! А вы – **ногайская татарка!**» – снова напомнила она.

Дайна, из чеченского рода Мажаевых, рассказала, что её тейп всегда жил высоко в горах **Шатойского района**. Там неопишуемая красота, чистейший воздух, а вода в родниках такая – пьёшь, пьёшь, а живот не раздувается, будто нет у него дна для такой воды. Это всегда удивляло Дайну. Старики Шатоя каждый год собирают родственников в горах, ставят длинные столы, разные кушанья, и все вместе радуются жизни и родству. Дед Дайны показал молодым своим потомкам территории разных тейпов. И свою землю им показал: «Запомните! Это земля нашего рода! Сюда, согласно древним преданиям, мы вернёмся после смерти и нового возрождения, потому землю эту никогда и никому нельзя отдавать. Запомните!»

Я бывала в **аулах Шатоя** ещё до последней войны 90-х годов, потом и через Шатой прокатилась война. Видела стариков в высоких серебристых папахах, видела узкие тропы над пропастями, на дне которых – далеко-далеко внизу – блестела

змейка реки, видела снежные вершины молчаливых гор, и мне казалось: я жила здесь когда-то, до моего нынешнего рождения, давным-давно.

*Мне кажется: я здесь уже была –
Томят мне душу призрачные тени.
Таким знакомым профилем скала
Парит в зелёном воздухе растений.
Я здесь была – мой голос, отзовись!
Я узнаю минувшего приметы:
Отточенные ветром, поднялись
Навстречу мне гранитов минареты.
Ещё чуть-чуть – и вспомню: над холмом
Холодный месяц. В сумерках загона
Белеют козы. Пахнет молоком
Ночной туман обрывистого склона.
Нехитрый быт. На сотни вёрст одни,
Под стать камням, здесь молчаливы люди.
Я так же своевольна, как они,
И только равный сердце моё судит.
Люблю на скачки древние смотреть –
Распластан конь по-птичьи над оврагом.
Я чту закон. Я презираю смерть.
А что судьба пошлёт – считаю благом.
Бледнею и сжимаю кулаки –
В ответ на дерзко сказанное слово.
Люблю гортанный выговор реки
И грозный блеск песка берегового.
Я здесь была – столетия назад.
Мои следы затянуты песками.
Ещё чуть-чуть – и встретится мой взгляд,
Как в зеркале, с моими же глазами...*

Я ощущала родственную нежность к этой горной стране, я любила её памятью, которая не стирается временем, и меня здесь любил гордый горец, имя которого, голос которого развеял ветер, и даже эхо не хотело их вернуть, но мой любимый был, был! И я была.

*Ты помнишь, какая гремела гроза
В горах у опасных дорог?
И нас, чтобы встретились наши глаза,
Всевышний в то утро сберёг.
Ты помнишь, как я под дождём проливным
Бежала в аул наугад?
Ты встал на пути – и со взглядом моим
Скрестился твой огненный взгляд!
Огонь высекая из синих камней,
Умчал тебя конь вороной,*

Но слышалось долго: «Ты будешь моей!»
 И сердцем я знала: ты мой!
 Легли между нами и кровь, и зола,
 И плач, и могильный гранит.
 Потом я в плену иноземном была,
 А ты под Гихами убит.
 Менялся мой лик, забывался язык,
 Но не отпускала тоска.
 «Ты будешь моей!» – задыхался тростник,
 «Моей!» – рокотала река.
 Века пролетели, мы встретились вновь –
 В назначенный звёздами час.
 Некстати, не в лад, наши судьбы любовь
 Ломала, не слушая нас.
 Твой край каменистый – чужбина моя –
 Когда-то и мне был родным,
 И, встретив тебя, снова вспомнила я
 Над саклей приветливый дым.
 И ты, проезжая чужие края,
 Где месяц над садом чуждой,
 Глядишь на меня, узнавая: «Моя!»
 И сердцем я знаю: ты мой!
 И что бы нам вслед не твердила молва –
 Ведь судей у каждого тьма,
 Любви не нужны никакие слова –
 Свой путь она знает сама...

Я встретила его через века – моего мужа, **Игоря Бек-Софиева**. Я его сразу узнала! Он, потомок какого-то кавказского племени (не то лезгинского, не то черкесского, не то балкарского), которое исповедовало ислам (в их роду были муллы, ахунды, суфии), прошёл через многие народы, в том числе и казачий, мешая с ними свою кровь, и выбрал русскую культуру, русский язык и православную веру, как и наш казачий род, как и мы с сестрой. **Он был наш!**

Да, люди привыкли воевать, но как легко они роднятся! Как простодушно, с детской готовностью к любви находят в чужом человеке близкие черты, схожесть с собой, а не различие. Эта поразительная способность людей всегда меня восхищала, и всякий раз подтверждала, что Бог в самом деле создал человека по образу и подобию своему, ведь во всех религиях Бог – это любовь. Вот и мы с сестрой ищем родню во всех народах, готовые её полюбить. «Знать, так вражда связала нас, что перешла в любовь!»

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕНЕТИКА

Раньше были популярны книжки: «Занимательная математика», «Занимательная физика» и т. д. А у меня – «Занимательная генетика», которая меня очень занимает. Генетику в сталинские времена считали лженаукой и всячески

искореняли, а самих генетиков линчевали. Теперь, в XXI веке, она вырвалась на передовые позиции: учёные буквально переделывают мир, поправляя гены, вторгаясь в творения Всевышнего. Появилась новая профессия – **генная инженерия**. Хорошо это или плохо – судить не берусь, но о родстве по крови генетики знают уже много, и в телевизионных ток-шоу героям передач то и дело делают генетические анализы, чтобы обнаружить родство не только с обычными людьми, но и с известными артистами, писателями, или с миллионерами, чьё наследство немедленно начинают делить, или с такими историческими личностями, как Ленин, Сталин, Фидель Кастро, или с представителями царского дома Романовых, и т. д. Потерянные дети находят родителей, родители – перепутанных в роддоме детей. Генетические анализы открывают порой страшные, грешные семейные тайны, которые тщательно скрывались долгие годы.

У меня общие представления о генетике, как и у большинства людей, не обученных этой науке, но кое-что я слышала, что-то читала – и потому рискованно рассуждать о своём происхождении и склоняюсь к тому, что мой род всё-таки ближе к **сибирским татарам**, нежели к Кавказу, и если есть у нас в крови Кавказ, то опять же – **тюркский**, хотя, конечно, проявляться может то одна, то другая кровь, а то и третья, неизвестная нам, и потому даже кровные родственники различаются между собой: во мне больше тюркского, татарского, в Зине – кавказского, в нашем брате Володе – славянского, и мы разные как внешне, так и по характеру, хотя из одной семьи, от одной матери, и корни у нас одни – **русские казаки**.

Мы не знаем достоверно истоков своих кровей, а крови знают и формируют наш характер, который, конечно, зависит и от воспитания, и от социальной среды, и всё же несёт заряд генов, полученных от нашего рода.

Я наблюдала за моим племянником **Николой**, который очень похож на казаков Бутаковых: высокий, худощавый, обстоятельный, рукастый. Гоголь в «Тарасе Бульбе» говорит, что нет такого ремесла, какое бы не знал казак, а мой отец-казак учил нас: «Чтобы быть свободным, независимым человеком, надо уметь всё делать собственными руками!»

Бабушка Николы – родная сестра моей мамы, русская казачка, а дед – туркмен. Никола никогда не видел своего **деда-туркмена Караджа**, но любит сидеть, по догнув под себя ногу, как дед. **Гены!**

Караджа до войны жил в Небит-Даге, пас колхозных верблюдов, и однажды животные пропали. Караджу осудили и отправили в ссылку к нам, в Жусалы, в рудники. Там он и встретился с моей тётушкой, **казачкой Маргаритой Павловной Бутаковой**, и полюбил её, и они поженились, хотя туркменская родня не приняла русскую сноху, и рассерженный Караджа прервал отношения с роднёй.

Их дочь, моя двоюродная сестра **Калисия Караджаева**, – смуглая, чернявая, вылитая туркменка, но и казачки такие бывают. Калисия-казачка кайфует в жару +40, к какой привыкли туркмены. Опять же – **гены!** В Туркмении она никогда не была, о чём вздыхает, а я была и рассказывала Калисии о её прародине. Там чистейшие пески – туркмены в них моются: воды мало, и коней купают; там поющие барханы, остроконечные, как песочные часы; там верблюды; там красные ковры – чтобы проверить их прочность, по ним должен пройти весь аул; там нефтяные вышки Каспия, соль Кара-Богаз-Гола и великолепные дыни и вкуснейшие тандырные лепёшки, которые туркмены стопками носят на голове.

Там руины бывшего Парфянского царства, от того времени – осанка греческих богинь у высоких, стройных девушек в длинных красных платьях, а от времён прикаспийских амазонок – военные элементы в украшениях туркменок: нагрудные ожерелья в виде кольчуг, металлические назатыльники у головных уборов, похожих на шлемы. Там – несравненные скакуны-ахалтекинцы с лебедиными шеями. Там – невыносимая жара даже в начале мая, когда я туда приезжала, а туркменам – хоть бы что! Натянут на головы бараньи шапки, запахнут стёганные халаты и пьют себе зелёный чай, раскинув коврики прямо посреди города, в тенистом скверике, где зреет шелковица, – термосы и пиалки у них всегда с собой. Калисия тоже не может без чая и употребляет его в больших количествах. **Гены!** Когда она ко мне приезжает, я первым делом бегу ставить чайник. Туркменка по паспорту, она гордо говорит, как все в нашем многонациональном роду: «**Я – казачка!**»

ЕЗДА НА СОРОКАХ

Поскольку чеченка Дайна опознала во мне ногайскую татарку, любопытно стало: кто такие эти ногаи? Допускаю, что у меня, быть может, навязчивая идея о нашем «татарстве», поскольку есть сильное тяготение к тюркской культуре, отсвет Азии в моём облике и облике моих родных, и в других я упорно ищу восточные черты. Пусть так.

Евразиец П. Н. Савицкий, историк с дипломатическим опытом, говорил: «*Я родился в самом центре Украинской Скифии – у меня ностальгия по татарщине*». И у меня, видать, ностальгия! Любил ещё говаривать: «*Батюшка наш Чингисхан*». Монголы бы его поняли! Монголы до сих пор считают Чингисхана богом. Казахи тоже не отстают от монголов, то и дело обнаруживая среди своих родичей чингизидов, то есть потомков великого хана, составлены даже родословные таблицы. Насчёт чингизидов – не знаю, но предков моих в родственных связях с «татарщиной» всё же подозреваю.

В «Истории Казахстана с древнейших времён до наших дней» (1943 г.) **Ерму хана Бекмаханова** говорится о ногаях вот что:

«...С гибелью **Тохтамыш** Золотая Орда распалась на несколько отдельных, фактически независимых владений. Из них на территории Казахстана образовалось два государства: **Ногайское** и **Узбекское** (*узбеки – от золотоордынского хана по имени Узбек: всех мужчин, призванных в ханское войско, стали называть узбеками, потом это название закрепилось за целым народом. – Н. Ч.*). Ядром Ногайского ханства являлось **племя мангыт** во главе с талантливым полководцем **Едиге**. Ногаи кочевали вдоль Волги, по Яику и доходили до Камы. На северо-востоке их кочевья граничили в районе реки Тобол с землями сибирских татар. Это положение ногайских кочевий повлекло за собой тесные связи ногаев с Московским государством. Название «**ногай**» имело политическое значение. Ногаями называли объединение различных племён: мангытов, кыпчаков, усуней и других (...) Из всех тюркских языков казахский язык ближе стоит к **ногайскому**, каракалпакскому и киргизскому. С этими языками он имеет частично и общую историю...»

С притоком ногайских племён в казахскую степь казахи сильно укрепились, стали побеждать врагов. Как говорит «История» Бекмаханова: *«Недаром в памяти народа период “ногайлы”, то есть тесного сближения казахов и ногайцев, запечатлелся как время могущества и расцвета Казахского ханства»*. Вместе с племенами ногаев пришли к казахам блестящие поэмы «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш и Баян-сулу», богатырский эпос о Ер-Сайне, Кобланды, Ер-Таргыне, легенда о Коркыте. «...Эти поэмы, как и все иные, известные нам варианты устной поэзии кыпчакского общества, подверглись творческой переработке казахским народом...» – сообщает «История» Бекмаханова.

А вот у казахов времён Абая было другое мнение – негативное – о ногаях, как, впрочем, и о других народах, чего **Абай** не одобрял и пытался вразумить соплеменников во втором слове **«Гаклия»**:

«Не любят народы друг друга. В детстве мне часто приходилось слышать, как наши казахи, встречаясь с узбеками, называли их “сартами”, подсмеивались над ними: “Ах, вы такие-сякие, широкополье, тарабаристые. На глазах сладкие, за глазами ругательные. Ах, вы, сарты: по-нашему ведь сарт – сурт – значит, грохот, и сарт – значит – грохотало”.

Так мы смеялись над соседями.

Встречаясь с **ногайцами-татарами**, тоже ругали их и над ними смеялись: “Ногаец верблюда боится, верхом на лошади устаёт, а пешком отдыхает. Не ногайцы они, а *нокайцы*, что значит – неуклюжие. Ни в чём у них нет ловкости, и трусы-то они, и крохоборы”.

Если встречались с русским, то смеялись и над ним за спиной: их мы считали людьми необузданными, людьми доверчивыми.

Я тогда думал, что, кроме нас, нет хорошего народа, и что самый лучший в мире народ – мы, казахи.

Так радовался я, ругая соседей, забавляясь руганью и смехом».

Повзрослев, **Абай** стал по-иному глядеть на каждый народ, находя в нём хорошее, то, чему и казахи, и он сам могли бы поучиться. Он подробно разбирает достоинства сартов и русских, но я процитирую его слова **о ногайских татарах**:

«Смотрю на татар – они могут быть хорошими солдатами, умеют стойко переносить бедность, не боятся смерти, умеют строить школы. У них, как и у нас, есть муллы. Они соблюдают законы религии. Татары умеют трудиться, богатеть: жизненные удобства – всё у них. К их богачам наши идут за хлеб в слуги и в батраки.

Даже нашего бая они выгоняют из своего дома и говорят ему: “Этот пол не для того сделан, чтобы ты топтал его своими грязными ногами”. Всё это оттого, что они дружно работают, овладевают мастерством. Вот что приводит их к достатку (...)

На чём же основана наша хвастливость и те пренебрежительные слова, которые мы говорим о своих соседях?»

Любое трескучее хвастовство **Абай** называл метким народным определением – *«езда на сороках»*. Он любил народное творчество и часто употреблял в своих стихах пословицы и поговорки, порою весьма солёные, но всегда образные, отчего так трудно его переводить и до сих пор нет точного перевода Абая. Можно

перевести слова, но как перевести дух народа и тот воздух, которым он дышит? Оттого и наш Пушкин непереволим: иностранные читатели не понимают, в чём его величие, в чём для русских магия его поэзии? Он – слишком русский, как Абай – слишком казах.

А вот пословицы о брехунах, что я слышала от казахов: «Из пуговицы делают верблюда» (у нас: «Из мухи делают слона»), «Язык – без запора, рот – без ограда», «Языком корыто выдалбливает, а руками щепку не расколет» (казаки говорят: «На словах – золотой, а на деле – хрен простой!»).

СИНЕОКИЙ МОНГОЛ

По древним поверьям, **кыпчаки** (которые часть ногаев) происходят от **Синей Волчицы**. Сюжет этого мифа древний, можно сказать, «бродячий» – он бытует и у других народов, например, у монголов и бурятов, а также у римлян: как мы знаем из школьных учебников, Ромул и Рем были вскормлены волчицей. У вайнахов Кавказа древний тотем – волк. Они его называют **Борз**. Какой точный звуковой образ дикого зверя! В Великой степи миф о волчице и выкормленном ею человеческом детёныше не только овая фантазией, но основан и на реальных событиях. **Зерно любого мифа – реальность.**

Однажды враги напали на стойбище кочевников, вырезали всех, а одного мальчика, поклевив, бросили умирать в степи. Его плач услышала волчица, притащила в своё логово, зализала ему раны, выкормила своим молоком. Стал он воспитываться в волчьей стае, понимал язык зверей, и когда вырос, волки помогали ему охотиться. От этого степного Маугли, вскормленного и воспитанного волчицей, пошли кыпчаки.

Кыпчаки – умный, вольнолюбивый, горячий нравом, гордый народ-поэт и мифотворец. Многие не прочь с ним породниться! Славны кыпчаки ещё своими красавицами – стройными, порывистыми, светлокосыми, белокожими, с вечерним золотом в очах. Но монголы, мешаясь с кыпчаками, добавили смуглости – их лицам, чёрной ночи – глазам, смоли – волосам, хотя сам Чингисхан родился синеглазым и с рыжинкой в чубчике. Событие сие повергло в шок монголов, как удивило бы, наверное, африканцев, появившись среди них блондинистый негр-альбинос. «Белая ворона» **Тэмуджин** – так звали тогда Чингисхана – стал изгоем среди монголов, рано оставшись без **отца-батыра Есугея** – вождя рода **Борджигинов**. У монголов ведь как было? «Ключ иссяк, бел-камень треснул» – так они говорили об осиротевшей семье, помогать которой не стоит.

Гумилёв пишет: «Обыватель, степной или городской, будет ползать на животе перед богатырём, но расплатится за своё унижение с его вдовами и сиротами. Так семья Борджигинов превратилась “в людей длинной воли”...»

Соплеменники угнали скот Есугея, разорили семью дотла, бросив её в голой степи. В нищем детстве Тэмуджин ел мучнистые корни степной саранки и головки дикого чеснока, потом научился ловить рыбу в Ононе и стрелял из детского лука дроф и сурков. Повзрослев, стал огрызаться, как молодой волчонок, стал угрожать обидчикам. Потом – плен. Более десяти лет пробыл он в

чжурчжэньском плену, терпя унижения, был обречён на мучительную казнь: его могли прибить к деревянному ослу, и он бы умер от потери крови, но великое предназначение, сделавшее его Чингисханом, спасло. Судьба пощадила Тэмуджина – он сбежал и совершил то, что было ему предначертано свыше. Он собрал непобедимую армию. **Он создал Закон – «Ясу»**, многие постулаты которого и теперь применяются. **Он завоевал мир. Он остался в памяти поколений.** Чингисханом называли его соратники, выбрав своим предводителем Гумилёв говорил, что у Чингисхана не было выдающихся полководческих способностей, но был выдающийся ум и умение выбрать толковых батыров и военачальников.

«...Наряду с обывателями в Орде жили степные богатыри – “люди длинной воли”, наиболее близкие к хану. Именно благодаря им Тэмуджин стал Чингисом, а термин “хан” получил новое значение – “государь”».

Что означало имя **Чингис**? Лингвисты говорят: *Чин* – «вершина», *гис* (каз. *гыс*) – фонетическая вариация *кыр* – «нагорье», то есть **Чингис – вершина, высокое место, гора.** Он и утвердился золотой недосыгаемой вершиной в истории монголов и тюрков.

Исторические хроники указывают, что **некоторые выходцы из Золотой Орды** перешли потом на службу к русским царям, а также влились в дружины казачества, потому мне интересны и сама Орда, и характеры её людей, которые передались по наследству нашему казачьему роду.

*Из Золотой Орды великой
На службу к русскому царю
Неслись татары стаяей дикой,
Они ловили острой пикой
Во тьме кровавую зарю.
На поле, конницей изрытом,
Вставало новое быльё.
Уже полмира под копытом!
В резном седле, в бою добытом,
Несётся прошлое моё.
Листаю ветхие страницы –
И возвращаю вспять года:
Татарин бросил поводя,
Пылают щёки у девицы.
«Не бойся, дивная Жар-птица,
Кельды! Кельды! Иди сюда!
Вот шёлк, вот жемчуг врассыпную,
Вот молодая бирюза,
Вот на плечо лису степную –
Бери! Не прячь свои глаза!»
Любви нет страха и запрета:
Придёт – не жить уже поврозь!
Кибитка. Огненное лето.
Меня настигло пламя это –
В крови моей отозвалось...*

* * *

Личность Чингисхана всю жизнь занимала историка Льва Гумилёва, который тоже рано остался без отца, а мать-поэтесса не особо им занималась, отдав на воспитание свекрови; терпел гонения от властей, был взят «в плен» сталинским ГУЛАГом, был слишком ни на кого не похож. Это роднило русского историка и великого монгола.

Вот легенда о Чингисхане, изложенная Гумилёвым:

«...Прародительница монгольского этноса **Алдан-Гоа** родила двух сыновей от мужа и трёх от светлорусого юноши, приходившего к ней в полночь через дымовое отверстие юрты и уходившего с рассветом, словно **жёлтый пёс**. **Зачатие якобы происходило от света**, исходившего от юноши и проникавшего в чрево вдовы. Обыкновенное чудо.

От этого странного, даже для современников, союза родился **Бодончар** (...), сначала считавшийся **дурачком**... К Бодончару возводили свою генеалогию многие монгольские родовые подразделения, в том числе **Борджиины**, что значит «**синеокие**». Считалось, что голубизна глаз и рыжеватость волос были следствием происхождения от «**жёлтого пса**»...»

Монголы X века с недоверием относились к мистическому рассказу вдовы Алдан-Гоа, которая, возможно, пыталась таким образом оправдать греховное зачатие трёх синеглазых сыновей; возможно, европейские миссионеры, насаждавшие в Китае и среди азиатских кочевников католичество, тут ни при чём, возможно, был кто-то ещё.

Гумилёв любил легенды, находил в них рациональное зерно, но в то же время он был учёный, и потому попытался всё же с научной точки зрения посмотреть на эту древнюю пикантную историю:

«...Пассионарный толчок описан как **облучение плода в утробе**. Это именно тот феномен, который порождает **мутации**. Выдумать такое невозможно... *(Теперь, с развитием ядерной физики, мы об облучениях знаем многое, но неужели в X веке такое знание было доступно древним народам? Или они видели ядерные вспышки, производимые кем-то? – Н. Ч.)* У Борджигинов глаза «сине-зелёные» или «тёмно-синие, где зрачок окружён бурым ободком». Итак, мутация сказала не только на психике, но и на деталях наружности **Борджигинов**, что снимает сомнение в её наличии (...) **Есугей**... помолвил своего девятилетнего сына **Тэмуджина** с десятилетней **Борте** из племени хонкират. Искренний и добродушный **Дай-сэчен**, отец невесты, очень хорошо принял будущего зятя. «**Во взгляде его – огонь, а лицо – что заря**», – сказал он Есугею. А тот, оставляя сына в кочевье хонкиратов, только об одном просил свата: «*Побереги моего мальчика от собак. Он их очень боится...*» Предупреждение Есугея говорит о повышенной нервнойности Тэмуджина, часто сопутствующей развитому воображению и предприимчивости...» – пишет **Гумилёв**.

Его инакость, повышенная нервность, его сиротство, унижения и презрение к нему монгольского окружения заставили впечатлительного Тэмуджина восстать против своих обидчиков, доказать им, что он превосходит их. **Презренный нищеврод стал Чингисханом – стал Потрясателем Вселенной, великим миродержцем**. Восьмимиллионная Восточная Европа покорилась четырём тысячам монголо-татар из маленькой степной страны, окружённой пустыней Гоби, которых привёл синеглазый «мутант», чей предок был зачат от ночного **Луча Света**.

Подобная же легенда рассказывается и в Библии: непорочная дева **Мария** тоже зачала младенца от ночного **Луча Света** (облучение плода в утробе, что вызвало рождение Бого-Человека с необыкновенными способностями?). Только к ней приходил не светлорусый юноша, а посланник небес – **архангел Гавриил**, который превратился в **Голубя**. В юности, впад в «афеизм», **Пушкин** написал скандальную поэму «**Гавриилиада**», которой стыдился в зрелые годы, став глупо-боко верующим человеком.

Что же касается предка Тэмуджина – «**дурачка**» **Бодончара**, то вспомните русские сказки (люди похожи друг на друга, и сказки их похожи): **Иван-дурак**, которым все помыкали, потом оказывался вовсе не дураком, а героем, смекалистым, добрым молодцем. Он выходил победителем из многих испытаний и получал в награду царевну и царство. У остальных же – «*по усам стекло, да в рот не попало*».

ДИКОЕ ПОЛЕ

Дикое поле, Дикое поле,
Ты колыбель наша, ты наша воля.
Помнит поныне наш каждый схорон
Матушка Волга да батюшка Дон.

Казак Виктор Веригин

Дикое поле – одна из прародин казаков. После очередной большой войны Запад и Россия, как водится, стали делить завоёванные территории. Россия присоединила к себе Дикое Поле, которое простиралось от Дона до Запорожья.

«...эта земля действительно являлась полем постоянного сражения между **ногайскими татарами**, совершавшими набеги на русскую и польскую Украину, и **казачьими отрядами**, шедшими с севера для нападения на турецкие и татарские владения. **И казаки, и татары были жуткими головорезами**, и, конечно, возможности заселять и обрабатывать эти плодородные земли Россия не имела. Европейцы прекрасно представляли всю условность этого приобретения, и без колебаний согласились считать Дикое Поле русским...» – писал **Л. Гумилёв**.

Но Европа зря радовалась, так удачно для себя сбавив Дикое Поле России. Казаки вместе с татарами стали крепким заслоном от вторжения на Русь иноземных захватчиков с Запада, а Запад постоянно наострял лыжи на Восток и получал по сусалам.

Но были казаки Дикого Поля головной болью и для русских правителей, особенно после отмены царём **Борисом Годуновым Юрьева дня**, когда на окраину Российской державы стали стекаться беглые крестьяне, пополняя казачьи дружины.

Р. Г. Скрынников в научно-популярной брошюре «**Борис Годунов**» («Наука», Москва, 1983) пишет:

«Податный гнёт и неволя гнали крестьян из старых феодальных центров на окраины. В глубинах Дикого Поля, далеко за пределами оборонительной черты, образовались казацкие общины, постоянно пополнявшиеся крестьянами. Отражая частые нападения со стороны кочевников, донские казаки придвинулись к

устью Северского Донца и основали там свою столицу **Раздоры**. Успехи казацкой вольницы вызывали глубокую тревогу в московских верхах: пока тихий Дон служил прибежищем для беглых крестьян, крепостной режим в Центре не мог восторжествовать окончательно. Борис прекрасно понимал это, и его политика в отношении окраины отличалась решительностью и беспощадностью.

Шаг за шагом правительственные войска, продвигаясь вслед за казаками, строили среди “дикого поля” новые городки и укрепления. Степные воеводы верстали колонистов на службу и обязывали их пахать государеву пашню. На следующий год после коронации Борис послал в глубь казачьих земель крупные военные силы для основания города **Царёва-Борисова**. Новая крепость отстояла уже на сотни вёрст от старых русских рубежей. Зато из неё открывались кратчайшие пути к Раздорам. Противостояние крепости с царским именем и казачьей столицы имело некий символический смысл. Название крепости показывало, что взаимоотношения с казаками стали для царя Бориса не только предметом постоянного беспокойства, но и вопросом престижа.

Казачье войско не могло существовать без подвоза боеприпасов и продовольствия из России. Стремясь подчинить казачью вольницу, Годунов запретил продажу пороха и продовольствия на Дон и стал преследовать тех, кто нарушал строгий указ. Но предпринятые им попытки стеснить казачью вольность обернулись против него самого. Открытое восстание казаков ускорило крестьянскую войну...»

Казаков уже невозможно было остановить! Выйдя с Дона, с Дикого Поля, они были уже везде: стояли у стен Москвы, шли по Волге, шли через Сибирь и мешались с сибирскими ногаями, так что, вполне естественно, **в нашей крови может быть ногайская примесь** – и от сибирцев-азиатов, и от кочевников Дикого Поля. Но как невозможно в Иртыше, Дону или Волге отыскать капли других рек-притоков, так и в крови их не разделить, хотя современные учёные-генетики научились их распознавать, и всё же кровь наша – это теперь единый поток. Но нет нам угомона, доискиваемся до корней, до истоков, а в старинных книгах как сказано? Нельзя к истокам родников ходить – табу, заповедное, сакральное место.

А теперь «**Дикое поле**» сибирского казака **Виктора Веригина**:

*Вольные ветры, прозрачные воды
Зыбку качали казачьей свободы.
А выросли мы в гrome ристалищ,
В землю вращали под лязганье стали.
Господа-Бога о том лишь просили –
Свить наши корни с корнями России.
Если потом по земле кочевали,
То потому, что и нас корчевали (...)
Руки роняли порою в бессилье,
Но сохранились под кроной России.
Старые корни, не знавшие неги,
Тожe весною пускают побеги.
Но нелегко, нелегко и не просто
Дикому полю кипеть от подростa.*

*Здесь после бурь, после всех революций
Негде вдруг стало коню повернуться.*

Дикое поле – холодные росы.

В память о прошлом – курганов наросты.

Волей своею иль поневоле

Мы перешли тебя, Дикое поле!

Но не напрасно по жизни хлестались:

Были какими – такими остались.

Дикое поле, живи же и помни:

В нас твой характер,

В тебе наши корни!

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

«**Наших**» на свете немало, но мы, **казаки**, всегда оставались и остаёмся людьми русской культуры и русского языка, а именно они – язык и культура – стержень народа. Да, мы немного другие, чем русские люди средней полосы России или русского Севера. В нас – ответ Азии, Востока, и в России нас называют казахами или татарами, но казаки считают себя отдельным народом: «**Мы – не русские, мы – не татары, мы – казаки!**» – так говорят, поглядывая свысока на «москалей» и «басурман». Но с научной точки зрения казаки, конечно же, не народ, а субэтнос русского народа, в царской России – военное сословие.

Жаль только, что процесс обновления крови, необходимый для жизни, создающий новые этносы, чаще происходит через войны и реже – мирным путём. Но это только в мечтах и видениях **библейского пророка Исаи** волк мирно спал рядом с ягнёнком, а барс – рядом с козлёнком, и все питались травой да солнечным светом. В жизни так не получается. В жизни – **по Александру Блоку**: «*И вечный бой! Покой нам только снится...*» Хотя – все войны рано или поздно кончаются миром, даже столетние, но в войну люди ввязываются быстрее, чем приходят к мирному соглашению.

Не хотели покоряться России, под чью руку они вынужденно пошли, и кочевники Великой степи, считая русских колонизаторами. **Колонизация была – этого нельзя отрицать.** Другой вопрос: **какая?** И отличалось ли порабощение других народов от бесправия собственного народа? Давайте разбираться.

В царской России брали подать и со своих, русских крестьян, которые никак не могли выбиться из нужды, которые были рабами: их могли купить, продать, убить, точно бессловесный скот; и с подвластных России других народов, в том числе с казахов – был так называемый **кибиточный сбор**. (По подсчётам Оренбургской пограничной комиссии, с подведомственных ей казахов за время с 1837 по 1846 год было собрано кибиточного сбора на сумму около 600 тысяч рублей серебром. В одном из донесений Пограничной комиссии, спасённом от истребления и сохранённом русским историком А. И. Лёвшиным, сказано: «*Во время кибиточного сбора стало ясным, что большинство из казахских бедняков не в состоянии платить кибиточный сбор*».) Брали налог и с рыболовства в Аральском море, на Сыр-Дарье и других реках и озёрах, был сбор попенных денег (т. е. по числу пней) с пользования лесом, плата за вывоз соли и т. д. Кроме

русских мытников, обдирали степняков и свои ханы-султаны. В самой России чиновники с древних времён брали мзду и «борзыми щенками», и деньгами. Разбойники с большой дороги – и кочевники, и казаки – грабили всех подряд, но особенно купцов. Всё было!

Дань бессмертна! Так уж устроено человеческое сообщество: ни одно государство не может обходиться без дани – то есть без налогов, чтобы содержать армию, строить дороги и другие социально значимые объекты, платить заработную плату пенсии, пособия и т. д. Налоги есть и теперь во всех странах. В Голландии, например, берут до 70 процентов налогов с доходов населения, а в средневековых городках Европы существовал налог даже... с солнечного света, и потому люди старались делать поменьше окон – в проулки смотрели «слепые» стены. В СССР облагали налогом бездетных. На заре советской власти был ещё грабительский **продналог**, который разорял и русских крестьян, и казахскую бедноту, обрекая на голодную смерть. А что касается «левых» поборов-взятки с населения нынешними разными «разбойниками-чиновниками», это тоже продолжается – и теперь называется **коррупцией**.

Да что наши времена! **Шекспир** писал о своём веке: «**В наши дни мошеннику – рай!**» Похоже, «рай» этот не кончается. **Гоголь** тоже писал о «*рае мошенников*». Говорят, **Сталин** любил Гоголя, так как в якобы уцелевшей части сожжённого тома романа «*Мёртвые души*» – о неслыханном мошенничестве! – князь объявил, что начинает **решительный бой против коррупции**, чтобы спасти Россию, и ради этого идёт на крайние меры: казнь, может, и невиновных. России нужна, мол, «сильная рука», нужно искоренение зла, правосудие, которое поневоле жестоко, ибо коррупция пустила такие глубокие корни, что никто уже не в силах одолеть её. Увы! И Сталин не одолел, тем более что вождь всех народов искоренял «зло» с помощью зла, а «правосудие» превратил в «лжесудие», и Гоголь ему был нужен для оправдания своих преступных деяний. История заклемила тирана, но корни коррупции продолжают разветвляться и поныне – по всему миру, не только у нас, давая всё новые и новые всходы, точно живучая **колдун-трава**.

Любое покушение на собственность, любое вторжение в привычный уклад жизни, любое ограничение свободы, любая колонизация – трагедия для народа, и народ сопротивляется. Это как операция на открытом сердце. Больно!

Наместник Степного края генерал-губернатор **Н. Г. Казнаков** с тревогой писал царю: «*Положение степных областей требует особого внимания. Во времени принятия кыргызами русского подданства успехи, сделанные оными в гражданственности, весьма ничтожны (...)* Между тем доколе кыргызы будут одиноко совершать в пустынных степях огромные орбиты своих кочёвок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные же с нами по Горькой линии казаки по малочисленности своей не могут принести оному делу большой пользы, но сами поголовно обучились кыргызскому наречию и переняли некоторые, впрочем, безвредные, привычки кочевого народа». Странная какая-то колонизация, ей-богу! Планы царских политиков сделать казахов русскими получили неожиданный поворот: казаки настолько сблизились с кочевым народом, что стали перенимать их язык и повадки. Казаки стали жениться на казашках, а казахи – на русских девушках: тут и калым платить не надо! Правда, по старинным

своим обычаем, казахи невест крали. Одну мою внучатую племянницу – уже в наше время – влюблённый в неё джигит украл прямо со свадьбы. Ссоры бывали, как в любой семье, но потом мирились – с помощью мудрых стариков, ездили гостить друг к другу, бесбармачили, пускали по кругу чашу с кумысом или пили чай из русского самовара, закусывая блинами, подарками обменивались, выручали, если случалась беда, становились тамырами. И до сих пор это осталось.

Когда начались лихие 90-е годы XX века, снова подступил голод. Семья моей двоюродной **сестры Тамары** затянула пояса, как и все в Баяне, так вот соседи-казахи резали последних баранов и всякий раз давали Тамаре бараньи головы и мясо. А мне моя подруга – известная казахская поэтесса **Куляш Ахметова** привозила от родственников в ауле **согым**: я заболела воспалением лёгких, и Куляш «лечила» меня конским мясом. А чем я могла ей ответить? Только любовью и переводом её прекрасных стихов:

*Мне мелкая удача не нужна –
Беру я радость полными горстями!
Когда восходят маки над степями –
Я расцветаю, как сама Весна!
В ручье степном, смугла и молода,
Меня умыла мать – и жизнь вдохнула.
Я в мир пришла из своего аула,
Чиста и прямодушна, как вода!*

Так мы все вместе и продержались – чистые и прямодушные, как вода. А ещё я вижу, как стоит **моя бабушка Таня** на крыльце с подоткнутым за пояс фартуком, дрожжи продаёт. Бабушка драла хмель в горах и варила дрожжи – для хлеба, пирогов, пива. Соседи охотно брали у неё дрожжи, а бабушка складывала в фартук деньги. Продаст – идёт на базар и на часть выручки покупает мясо. Торговцы уж знают: Таня дрожжи продала, сейчас за мясом придёт, и приберегают для неё лучшие кусочки. Варит бесбармак и всех, кто покупал у неё дрожжи, зовёт в гости, на этот бесбармак – отметить удачную торговлю. Но повод придуманный, потому что на самом деле хочется бабушке Тане угостить соседей, пообщаться, обменяться аульными новостями, ещё раз выразить им своё уважение. И они рады-радешеньки погостить! **Гостеванье – любимое занятие степного народа**, который отличается необыкновенной общительностью и гостеприимством, потому во время пандемии коронавируса с трудом переносился жёсткий карантин. Потчует моя бабушка каждого дорогого гостя, да всё с приговорками: «**Ешь, ешь, пока рот свеж. Завянет – ничё не заглянет**». Потом соседи-казахи тоже придумают какой-нибудь нехитрый повод и бабушку Таню зазовут в гости – на свой бесбармак, а заодно и других соседей кликнут. Вот уже и праздник! Вот уже и передышка от бесконечных домашних забот, от однообразных будней, от горестных переживаний. Потчуют гостей со своими приговорками: «**Гость и кость принесёт – она золота дороже**», «**Дом без гостя, как степь без травы**»...

Я люблю эту историю и часто её рассказываю – каждый раз с новыми деталями. Она похожа на притчу, где есть ненавязчивое наставление, есть призыв к добру. Такие притчи можно применять множество раз, подобно цитатам мудрецов. На

подобных примерах мы воспитывались, учились жить в мире с соседями. Давно в Степи пословицы бытуют: «Хороший сосед родней далёких родичей», а когда родниться стали – говорили: «Хоть и дурной, да брат родной. Где взять хорошего?» И ещё говорили: «Веселиться хорошо с чужими, горевать – со своими». И это правда!

Сближение казаков с кочевниками происходило гораздо легче, чем потом с переселенцами из России, которых казаки стали называть презрительно «чалдонами» – за их нищету, неразворотливость: «Оне и вошь в штанах не пьмают, азямы-простованы!»; и за то, что пришли на дармовые для них пашни и сенокосы, «на дурничку», в то время как казаки заплатили за эти земли кровью и по праву считали их своими. Бедные чалдоны были обмануты царскими властями, которые посулили им золотые горы на краю света, и гонимы кочевниками и казаками. Многие переселенцы по пути в далёкую Степь потеряли своё последнее имущество, ограбленные в дороге разбойниками, их лошади и волы не выдержали трудностей путешествия и пали, дошли и не все родичи. И вот, добравшись, наконец, до мест назначения и получив надел земли, они не могли его обрабатывать, не имея ни инвентаря, ни тягловой силы, ни работников. Приходилось землю отдавать в аренду либо бросать, а самим как-то выживать. В таком положении оказались и курские крестьяне Стародубцевы – семья матери моего отца. Чалдоны. А потом государство и вовсе перестало им землю выделять. Оборванные, голодные, бродили они по степным дорогам и рады были любой возможности заработать кусок хлеба, батрача на старожилых казачьих хуторов, перебиваясь, как они говорили, «из кулька в рогожку», да ещё оказались между двух огней – непонятных для них казаков и «кыргызцев», которые то дрались до крови, то обнимались и роднились.

О вражде – в поэме «Песня о гибели казачьего войска» Павла Васильева:

Эх, Иртыш, родна река,

Широка дорога,

Не мешает мужика

Пиками потрогать:

Понаехали сюда

С Самары да Рязани –

Кверху лаптем борода,

Тоже партизане.

Небо шашками дразня,

Сотни вышли в поле.

Одолеет кыргизня,

Только дай ей волю.

Сотни да сотни,

Песни со свистом,

Пролит на землю

Тяжёлый кумыс.

Гладит винтовки

Гусиная пристань,

Шашками машет

Тополев мыс...

О любви – в рассказе «**Колокол**» пресновского казака **Ивана Шухова**. Старый казак **Арефий** рассказывает мальчику Ване давнюю историю любви казачки Марии, дочери атамана, и степного «прынца»:

«...А вскорости после того, как колокол был поднят, ишо одна лиха беда накрыла голову атамана (...) Пропала Мария!

– Барымтачи?! – воскликнул я, похолодев от догадки.

– Кабы барымтачи! – презрительно сказал старик. – Сама, подлячка, с кыргызским прынцем убогом в степь бежала!

– С кем?! – не понял я.

– С прынцем – ханским наследником из орды. С нехристом... – проговорил сквозь зубы, брезгливо сплюнув в сторону, дедушка Арефий. – Мало – бежала. В бархатных камзолах – на их манер – ходила. Конину пятерней в юртах кушала. На домбре бурундить и песни по-ихнему петь наторела... И даже христианское имя своё им в угоду на Мариам сменила! От всего самого святого разом в прах отеклась, холера! От отца. От родной веры. От отечества!

– А атаман што? – насторожился я.

– Не спрашивай, сударушка!.. – сказал, обречённо махнув рукой, дедушка. – Што – атаман? Почернел от позору. Высох от горя. Сгорбился от нужды. Одряхлел. Оскудел духом. Получил по службе отставку... А потом – суму на плечо. Посох – в руку. И ушёл из крепости в странствия по святым местам. Года полтора, сказывают, бродил он пеша по зауральским монастырям – замаливал грехопадение беспутной беглянки... Замаливал, надо считать, с усердием. Да шабаш – не замолил!..

– А што опять?! – в предчувствии новой беды не удержался я от вопроса.

– Мне отмщение, и аз воздам! Так говорится в Писании... – ответил на это дедушка и тут же пояснил: – Никакому вероотступнику не уйти от Божьего возмездия. Не ушла от него и беглянка. Скору смерть свою нашла она на байге – конных игрищах. Знать, недобрая сила, сказывают стары люди, вырвала её – на полном карьере – из дорогого степного седла. И навек пригвоздило изменницу к сырой земле орды нековано конско копыто!.. (...) Не стало вскоре и атамана. Нашли его поздней осенью верстах в трёх от станицы – усопшим... Видно, почуяв близку кончину, ворочался он из дальнего странствия в крепость, чая помереть в близости от родного храма. А может, и охота было ему напоследок послушать прощальный звон обетного его колокола! Ворочался былой атаман в свой крепостной гарнизон убогим и сырм странником. А скончался возле потухшего костра при дороге, с холщовой сумой – в изголовье!.. Предали тело его земле гарнизонные казаки с воинскими почестями. Поседылы как лунь пушкарки из ядерных пушек пальбу с крепостного редута открыли. И колокол кончину его оплакал!..»

Мальчик вспомнил, что видел захоронение атамана с надписью на могильной плите:

«Здесь покоится прах Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка штабс-капитана – командира Пресновского крепостного гарнизону – Наказного атамана графа Селиверста Захарова-Семилова, одарившего крепостной храм Большим колоколом в лето 1811-е. Рожд. 1753. Сконч. 1815 г. Мир праху твоему, командир-отец. Благодарные пресновчане».

Так закончилась эта не выдуманная, а реальная история любви казачки Марии и сына степного хана. И таких историй было немало – остановить сближение русских и казахов было уже невозможно, и не все истории кончались трагиче-

ски, чему свидетельство – счастливые браки моих родственниц-казачек, а также другие предания казачьей и казахской старины. (Об этом я расскажу в главе «Толмачи».)

КАЗАХСКО-КАЗАЧИЙ КРУГ

Казнаков писал отчёт царю Александру II в 1875 году. К тому времени наши предки, казаки **Бутаковы** и **Яковлевы**, уже обжились в Баянаульском укреплении, прибыв из Омска в тридцатые годы, уже, как отмечает с горечью наместник Степного края, вместо того, чтобы сделать кыргызов (так называли тогда казахов) «русскими», то есть обратиться к русской речи и нашим обычаям, сами *«поголовно обучились кыргызскому языку и переняли некоторые, впрочем, безвредные, привычки кочевого народа»*.

Да, чудны дела Твои, Господи! Получался уже **не казачий круг**, а какой-то прямо-таки **казахско-казачий круг**! Что ж, наверное, это была лучшая, самая правильная линия поведения для бытового общения с кочевниками, в пределы которых пришли наши казаки, а за ними и русские переселенцы. Народ сам выбрал этот путь – своим сердцем и житейской необходимостью, а не приказами чиновников. Польский этнограф **Янушкевич** в письме к родственникам (1846 г.) писал о своих наблюдениях светского общества Семипалатинска, которое его удивило: *«...Киргизский язык употребляется почти повсеместно. Даже прекрасная половина российского племени бегло говорит на нём, как наши дамы по-французски...»*

Историк **Ермухан Бекмаханов** вспоминает, что в детстве, живя в Баянауле, бегал в станичную школу, где русский язык и литературу вёл замечательный **учитель из казаков Анатолий Иванович Жарков**. Одно время Ермухан жил у него на квартире, потому что школа находилась далеко от его аула Торе. Жарков не брал платы с мальчика и кормил его: он стал членом казачьей семьи. Жарков свободно говорил по-казахски, метко употребляя пословицы и поговорки, что ещё больше расположило Ермухана к учителю.

Мастерицей не только русских, но и казахских пословиц и поговорок была и наша **бабушка Таня**. Одну её пословицу я помню – смысл такой, если перевести: *«Ударить сову камнем – содохнет сова, ударить сову об камень – содохнет сова»*. Бедная сова! У русских тоже есть близкая по смыслу пословица, только не живодёрская, а скорее вегетарианская: *«Хрен редьки не слаще»*, или ещё другая: *«Ему что в лоб, что по лбу – один чёрт!»*, или: *«Ему что об стенку горох!»*

Жарков был близок к семье Бутаковых: его родственник крестил бутаковских детей. Впоследствии А. И. Жарков стал директором станичной школы, где преподавали и другие учителя-казаки, и **Ермухан Бекмаханов** отмечает высокий уровень их знаний.

В семье **Бутаковых** и **Яковлевых**, как и в других казачьих семьях Баянаула, по-казахски говорили почти все домочадцы, было в быту немало и казахских обычаев.

Когда аульные гости бабушки Тани завершали чаепитие, то произносили **бата** и омывали ладонями лица, а бабушка и её подружка-казачка **Маня Чумакина** крестились на икону Богородицы в красном углу, но перед этим тоже омывали лица ладонями, как аульные апайки.

И вот ещё что переняли: когда я начала ходить, то мне «перерезали пути», как делали в казахских семьях.

Моя тётушка **Маргарита (Агрипина)** года считала, как аульные казахи – по звериному циклу. Вот, была «**Мышиная зима**» – то есть тёплая. Мышь-то ведь, она в норке сидит, в тепле, едой запаслась. И зима такая же: без больших морозов, сытная. А когда наступает «**Лошадиная зима**» – в год Лошади, бывает тяжело. Морозы трескучие, неурожай. Лошадь в степи себе с трудом корм добывает, копытом раскапывая снег, а он лежалый, твёрдый. Попробуй-ка, достань травку! Так что любую холодную зиму тётя Рита звала «**Лошадиной зимой**», даже если по календарю и не год Лошади.

Если рождался сын – в огонь плескали масло, как делали и казахи. Маслом подкормили огонь, когда появился на свет мой двоюродный брат **Володя Бутаков** – наследник рода! А то ведь только девки рождались.

Любопытна и ещё одна история.

Как-то приехала я к **бабушке Тане в Баянаул** – она охает: приболела! Что такое? Опять сердце? – Отмахнулась сердито: «**Сердце – жопа с перцем!** Отвяжись, Христа ради!» Говорит: «Друга **грызь** терзат. Завёлся у меня внутри **Досанов джинн!**» Лекарства пить отказалась: «Нечего его поважать! Пускай так терпит!», то есть Досанов джинн. Откуда он к ней попал? Может, от какого-нибудь соседа-казаха по имени Досан, который умер, а его беспризорный джинн теперь переселился к нашей бабушке, но она всерьёз в него верила.

У старых казахов ещё с языческих времён осталась эта мистическая вера в джиннов, которые якобы вселяются в человека, и тогда он болеет. Надо собрать плату и звать **баксы** – знахаря. Баксы воскуряет пахучую травку и начинает ритуальный танец: кружится, вопит, бьёт в бубен, доводя себя до невменяемого состояния, и приступает к самому врачеванию: хлещет плёткой больного, требуя, чтобы джинн покинул его тело. Джинн воеет, скулит – не хочет выходить, а баксы ещё сильнее машет плёткой, посылая бесу угрозы и брызгая водой в лицо больного. Наконец джинн сдаётся. Если с первого раза баксы не сможет выгнать джинна, приходит ещё раз – за отдельную плату. Бабушка Таня не прибегала к таким крайним мерам, воспитывая джинна своими методами. Как с соседом Досаном жила в мире, так и его джинна смиряла молитвами.

* * *

Что ещё сближало казаков и казахов – это любовь к лошадям. Мой двоюродный брат **Анатолий Руссу** признался, что когда видит у кого-то хорошего коня, то душа в нём начинает играть страстью (но в нём, наверно, ещё и молдавско-цыганская страсть играла). Моя **внучка Алёна** вспыхивает, если видит, как казаки танцуют с саблями или джигитуют. Когда была поменьше, копила деньги, чтобы купить себе саблю, занималась конным спортом. Кони, которых она седлала, отвечали ей любовью и почти сразу шли на контакт. Гордо говорит: «Я казачка!» И ходит, высоко вскинув голову, спинка прямая, как у всех в нашем казачьем роду. Есть фото, где мой племянник **Виталий**, сын Зины, лихо гарцует на коне. Мой крёстный, **дядя Миша Бутаков**, плакал, когда лошадёй забирали на фронт, и с нашего двора тоже свели лошадь, разлучив с жеребёнком. Так и пропала где-то.

В стихах наших казачьих поэтов много коней, и душевная близость с ними неразрывна с любовью к родной земле.

Вот кони казака с берегов Ульбы, **Валентина Голиненко**, который написал целый лиро-эпический цикл «**Песочные часы**» – о своих казачьих корнях, где, конечно же, на воле, в росных травах бродят казачьи кони:

Прохладное, как яблоко в росе, / Тяжёлое, как яблоко в ладони, / Катилось солнце по речной косе, – / Его губами пробовали кони...»;

...Обнимем коней, да по травам по росным, / По влажному, по золотому песку / Нас вынесут кони / К взлетающим соснам – / На правом, обрывистом берегу (...)/ Вот так и запомнится это, как будто / Ещё до рождения жили во мне / И тёплая нота имелиного гуда, / И чайка на серой иртышской волне...

...Рад рассветно летней воле, / Сивка – тоже рада. / За Ульбой светлеет поле – / Не хватает взгляда (...) / Холодок шершавит кожу. / Воздух пью, как влагу. / Распрягаю, не стреножу / Тихую конягу...

...И побродишь по белому свету, / И войдёшь в травостой голубой, / И вернёшься на эту планету – / К шалашу над вечерней Ульбой...

Я очень люблю поэзию казака с Алтая **Виктора Веригина**, о котором ещё расскажу, теперь же – его кони, и это только один табун, а по страницам его книги «**Снег**» кочуют многочисленные табуны, обласканные казаками. Казаки, по признанию Веригина, «любят больше любушки коня»:

Ходят кони по белкам,
По снегам, по облакам,
В них проснулись все привычки,
Неподвластные векам.
Вот под каменной грядой
Щиплют корень золотой,
Утоляют жажду к ночи
Снеговых озёр водой.

Под присмотром у луны
В травах спят, как валуны.
Не какие-то там клячи,

А казачьи скакуны!

Видя сочную еду,
Им не верится в беду:
Что в поход сведут отсюда,
Разве только на страду.
Как целебен воздух гор,
Заросли следы от шпор,
И остались, и остались
Только воля да простор.

Ну а если что не так,
Есть косячный, есть вожак –
Никакой медведь не страшен
После сабельных атак.

Ходят кони по белкам,
По снегам, по облакам.

Кони крепкие, казачьи,

Недоступные врагам.

НА ПЕРЕПУТЬЕ НАРОДОВ

Каким крылом меня коснулась Русь?
Какой свободой Азия касалась?

Казачка Татьяна Азовская

Меткое замечание о переимчивости казаков, о восточном замесе их крови сделал **Н. Гоголь** в своих «**Арабесках**» (*обещанная мной цитата*): «Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми **стали похищать татарских жён и дочерей и жениться на них**. От этого смешения черты лица их, вначале разнохарактерные, получили одну общую физиогномию, более азиатскую. И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию – и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование».

И это – **тип евразийца**, добавлю я!

Похищали не только татарских жён, но и из других народов, как и инородцы похищали славянских женщин, в том числе казачек, например, турки и крымские татары. Обмен кровями был очень интенсивный. Татары продавали полонянок на невольничьем рынке в Кафе (нынешняя Феодосия), самых красивых забирали в свои гаремы. Читайте «**Бахчисарайский фонтан**» Пушкина: «*Отец в могиле, дочь в плену, / Скупой наследник в замке правит, / И тягостным ярмом бесславит / Опустошённую страну...*»

Историк В. Ключевский пишет: «*В XVI веке в городах по берегам морей Чёрного и Средиземного можно было встретить немало рабынь, которые укачивали хозяйских ребят... русской колыбельной песней*». Дети пахли, как родные, молоком. Русские рабыни их любили. В плену они рожали и сами – русско-турецких детей. И вот эти детишки, когда подросли, вынянченные русскими песнями, затосковали по неведомой им русской стороне, которую видели в детских снах, и сменили колыбель на корабли, и поплыли к русским берегам.

*Ах ты, песня – вдаль манящая рука,
Что ты делаешь, баюкая детей?
Неизбывная, великая тоска
Приведёт на Русь непрошенных гостей.
У захватчиков точёные мечи,
Испытавшие на вкус живую кровь.
Руки девушек славянских горячи
И знакомы, как забытая любовь.
Мои крепости безмолвны и пусты.
Листья сада полегли, как будто рать.
На груди убитых красные щиты –
Как их много! Невозможно сосчитать.*

*Песня русская длинна от долгих слёз –
Эти слёзы не смываются дождём.
Вновь склоняется лицо в оправе кос
Над младенцем, что чужой страной рождён...*

* * *

«Азия внутри, а не вне России», – говорил поэт Серебряного века **Андрей Белый**. «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы!» – так о русских людях писал и другой поэт, современник Белого, **Александр Блок**, и сам с добавкой тюркской крови – со стороны своих родичей **Бекетовых** («бекет» – тюрк. «пикет, сторожевой пост»). Потому, наверное, Блок говорил о «скифах» и «азиатах» – «**мы**», что кровно был близок «скифам» и «азиатам», в то время как остальные русские, которые, вероятно, блюли себя и не мешались с кем попало, так не считали – и не считают, опровергая даже татаро-монгольское иго. Опровергал и **Лев Гумилёв**, но к чистоте русской крови относился всё же философски, говорил, что «разграничить нации с хирургической, лабораторной точностью, отделить овец от козлиц, арийцев от неарийцев невозможно».

А вот что думал о татаро-монгольском иге: да, писал он, русские воевали с татарами, но ига – не было! Это был скорее «военный союз», который то укреплялся, то ослаблялся. Как говорится, **незванный гость хуже татарина**, но иногда – **лучше**, если дань берёт не ради грабежа, а за союзническую помощь. Мы не будем сейчас вспоминать те трагедии и драмы, что случились внутри этого «союза» за 240 лет. Крови пролилось много – с обеих сторон. Нет бескровных и безгрешных веков. Будем говорить о положительной стороне этого «союза», который формировал **тип современного евразийца** и ярче всего отразился в **казаках**.

Татары вместе с русскими выступали против тщеславной и алчной Европы, покушавшейся на православие и захват Руси, пограничной с Великой степью. Европа грезилась владычеством над всем миром (и теперь грезит), считая себя самой цивилизованной, сверхвеликой и демократичной, хотя в России демократия появилась гораздо раньше, чем в Европе, достаточно вспомнить хотя бы Новгородское вече. Полки **хана Батгя**, внука Чингисхана, воевали на стороне русских вместе с новгородскими дружинами двадцатилетнего князя **Александра Невского**: Восток разгромил Запад на льду Чудского озера. «**Кто к нам с мечом придёт – тот от меча и погибнет!**» Эти слова князя Александра остались в нашей памяти на века. **Князь был анды-побратимом Сартака, сына Батгя**, но не забывал интересов своей родины. Он сумел уже клонящуюся к закату монгольскую империю использовать для укрепления России, для её возрождения.

На Куликовом поле бок о бок с русскими под водительством **Дмитрия Донского** снова воевали татары, повергнув прозападно настроенного Мамаю. **Мамай** союзничал с Великим княжеством Литовским, получал и от генуэзских negociантов помощь деньгами и войсками (генуэзцы обосновались в Крыму). На поле Куликово **генуэзцы** вышли с Мамаем. Но что это были за союзники? Наёмные, оплаченные ханом бойцы, равнодушные к исходу битвы, в то время как русские полки бились бескорыстно – из любви к Отечеству и православной вере: подвиг их воспет в «Задонщине», а татары – чтобы сокрушить закусившего удила, неверного Мамаю. И он получил **Мамаево побоище!**

Генуэзцы придерживались такой тактики – о ней пишет **Гумилёв**: «...Главное в жизни – выгода (...), монголы и турки почти не люди, а объект для коммерческих операций. Когда они сильны, их надо использовать, когда ослабели – выкинуть. По сути, это была психология зарождавшегося капитализма». Когда **Мамай** проиграл Куликовскую битву, когда бежал в свои крымские владения, то там его, как пишет **Гумилёв**, «прикончили его союзники-генуэзцы, просвещённые итальянцы, полагавшие, что с диким татаринцом можно не считаться». Мамай отравили.

В нашей семье до сих пор бытует присказка о беспорядке, которую любили повторять моя бабушка Тая и мама: «**Мамай ночевал – и тот скочевал**». Вон с каких времён осталась!

ДУНОВЕНИЕ ЧУМЫ

...И покатился страшный вал зла, который стал уничтожать и генуэзцев, и остальную заносчивую Европу! «**Говорят**, – пишет **Гумилёв**, – что **татарский хан Джанибек**, осаждая Кафу, приказал перебросить через стену этой **генуэзской крепости** труп человека, погибшего от чумы. Так зараза проникла в неприступную твердыню. Генуэзцы спешно эвакуировались и двинулись домой, но по дороге останавливались в Константинополе и в Мессине в 1347 году. **Чума** поразила Византию и Сицилию. В 1348–1349 годах эпидемия опустошила Италию, Испанию, Францию, Венгрию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Норвегию, Швецию, Нидерланды, была занесена на кораблях в Исландию и в Пруссию, после чего в Западной Европе затихла, но в 1351 году перекинулась на Псков. В 1353 году, опустошив Великое княжество Московское, злая зараза ушла на юг, в степи, не затронув Нижнего Новгорода. Москва и Подмосковье на время опустели...»

А ведь когда ходили слухи о чуме в Индии и Китае, то Европа отнеслась к этому благодушно: мол, нас-то это не коснётся! И только когда люди стали умирать в Крыму и на Кавказе, забеспокоилась. Читайте «*Маленькие трагедии*» **Пушкина**, его «Пир во время чумы». Это переложение одной сцены из драматической поэмы **Джона Вильсона «Чумной город»** (1816). Пушкин «дописал» её, переживая карантин в Болдино, в имении Ганнибалов, осенью 1830 года: в России свирепствовала холера, которую часто называли чумой.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

«Упоение» поэт переживал, может, оттого, что бушевало в нём вдохновение, и Болдинская осень стала для него вершиной творчества; и оттого ещё накрывало «упоение», что был поэт влюблён в красавицу **Натали Гончарову**, к которой посватался, и ожидалась свадьба, как только кончится карантин, и в то же время радовался, что свадьба откладывается из-за холеры – не хотел отрываться от

всплеска вдохновения, а пуще того боялся женитьбы, помня предсказание гадалки: грозит ему погибель от белой головы, белого коня или жены; а ещё видел он «упоение» в опасности: то и дело искушал судьбу, стреляясь на дуэлях, носясь на диких лошадях, поехал в Арзрум – к месту боёв с турками, где пули свистели над головой. Он был рискованный человек. Он играл со смертью. Он мог чувствовать упоение от «дуновения Чумы».

Упоминание о чуме встречается у **Пушкина** и в «**Путешествии в Арзрум**»: «...Первое замечательное место есть **крепость Минарет**. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы **нескольких тысяч умерших чумою**. Пестрели цветы, порождённые заражённым пеплом (...) Впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом её видны следы разорённого аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Лёгкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грядками камней, на берегу иссохшего потока...»

Такая картина может ждать и нас, в XXI веке, ведь эпидемия чумы, бушевавшая в XIV столетии, похожа на пандемию коронавируса наших дней. **COVID-19**, коварно мутируя, заражает миллионы по всему миру. Его уже называют *дьявольским вирусом* и подозревают у него наличие ума и хитрости. А всё и у нас, как в древней гемузской крепости, началось с маленькой искры: там – перебросили через крепостную стену чумной труп, у нас, как предполагается, на рынке в **Ухане** какой-то китаец купил большую летучую мышь и с удовольствием скушал. От китайского Уханя появилось в народном русском языке новое слово «**уханька**» – белый противочумный костюм, в который облачились врачи и дезинфекторы. Люди всего мира надели маски, вовлечённые в вирусный карнавал. Вирус проник даже в Антарктиду, на одну из научных станций. На Украине, как сообщают всезнающие СМИ, обезумевшие от страха люди покупали в ветеринарных аптеках противовирусные препараты для крупного рогатого скота и делали себе «прививки», так как человеческой вакцины на всех не хватало. Результаты плачевные... Пандемия движется волнами, как кольца новогоднего китайского дракона – с разинутой, огненной пастью: первая волна, вторая волна, третья волна...

Европа снова, как в XIV веке, долго не хотела верить, что зараза придёт к ней, и вела себя легкомысленно. И уж тем более не боялась **Америка**, отгороженная от вирусного эпицентра океанами, и не ведала, что у неё будет больше всего заражённых и умерших, и печальные цифры будут расти с каждым днём. **Говорят**, Америка от ковида уже потеряла людей столько же, сколько в трёх войнах: Первой и Второй мировых и Вьетнамской.

Но люди, и в Америке, и по всему миру, и в нашей стране, как в пушкинской трагедии, хотели предаваться безудержному веселью – пирам, карнавалам и тоям, находя упоение бездны мрачной на краю, бунтуя против запретов, сходя с ума, и только жёсткий карантин останавливал это безумие.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща тёмная пуста;

И селенье, как жилище
 Погорелое, стоит, –
 Тихо всё. Одно кладбище
 Не пустеет, не молчит.
 Поминутно мёртвых носят...

Эта зловещая картина, описанная **Пушкиным** в «*Пире во время чумы*», будто отпечаток нашей коронавирусной действительности, когда в Европе и Америке телами умерших от COVID-19 заполняли камеры пищевых рефрижераторов и ледовые стадионы, потому что морги были переполнены, а могилы рыть не успевали. Похоронные команды работали круглые сутки.

Говорят: коронавирус – только репетиция перед более страшной бедой. Куда уж страшней!

Говорят: вирус рукотворный, а потом говорят: нет, не рукотворный!

Говорят: он пришёл не убивать нас, а жить с нами – с теми, кто выдержит естественный отбор, но никто не хочет попасть в этот «отбор», все надеются как-нибудь проскочить в колонну выживших, ведь вот на войне же было: кто-то погибал в первом бою, а кто-то возвращался домой без единой царапины.

Говорят о третьей мировой – бактериологической войне, развязанной США против Китая и России: секретные бактериологические лаборатории, охраняемые военными США, размещены по всему миру, и что там делается, какие утечки случаются – никто не знает. Есть такая лаборатория и в Ухане. Особенно много американских лабораторий в постсоветских республиках, и новые разработки американцев, возможно, испытываются на людях, без их согласия, как учёные никогда не спрашивали согласия у подопытных собак, белых мышей и обезьян.

Говорят: нет, США тут ни при чём – вирус прилетел из космоса, с космической пылью: космос кишит вирусами! Возможно, вирус доставлен землянам на обшивке космических кораблей...

Говорят: китайские учёные нашли вирус в одной из пещер и притащили в свою лабораторию, но случилась утечка. А может, не они, а летучие мыши, которые гнездятся в пещерах, принесли, и тогда нулевым больным стал как раз продавец либо покупатель летучей мыши. И далее цепочка: рынок – обед гурмана из летучей мыши – пандемия.

Нет, говорят самозванные пророки болгарской прорицательницы **бабы Ванги:** ни китайцы, ни летучие мыши не виноваты! Баба Ванга предсказывала, что в день пяти двоек из космоса прилетит **метеорит** и на своих осколках принесёт невиданный доселе вирус, который приземлится в стране «жёлтых людей», и начнётся пандемия. Баба Ванга считала, что это предупреждение человечеству прекратить воевать, творить зло, обратиться к природе и начать объединяться. Но вряд ли у метеорита, начинённого вирусами и летящего к Земле, была гуманитарная цель перевоспитать человечество.

Говорят: пандемия нужна была, чтобы власти могли чипировать людей с помощью прививок и держать под контролем, но учёные смеются: «Полная чушь!» Есть поговорка: «*Прав тот, кто смеётся последним!*» Посмотрим, кто будет смеяться последним.

Разное говорят... Но больше всего о том, что наступил **апокалипсис**, описанный ещё в библейские времена. Однако волны апокалипсиса неоднократно

накрывали человечество, чтобы его вразумить. Человечество гибло, но не вразумлялось.

Говорят ещё, апокалипсис XXI века устраивает некое *«мировое правительство»*, чтобы оставить на Земле *«золотой миллиард»*, а остальных жителей планеты уничтожить – за ненадобностью, так как уже не хватает на всех еды, воды, воздуха, жизненного пространства. Кто выживет – станет ветераном апокалипсиса, будет рассказывать «пионерам-киборгам» о войне с Миром Вирусов и Бактерий, которые раньше людей появились на Земле и являются настоящими хозяевами нашей планеты. Расскажут и об **атаках содомизма**, который шёл под флагом агонизирующей радуги, предвещая конец света. И у содомистов, и у «мирового правительства» одна цель: прекратить активное деторождение, и это **вызов Всевышнему**, который наказывал: *«Плодитесь и размножайтесь!»* Чем меньше народа – тем меньше вариантов для рождения здорового потомства, и тогда неизбежно вырождение.

На дьявольские помыслы содомистов и «мирового правительства» есть старая русская пословица: **«Не рой другому яму – сам туда попадёшь»**. У казахов есть подобная пословица: **«Если роешь другому могилу, рой глубже – может, самому пригодится»**. Жизнь это многократно доказала, да взять хотя бы финал истории с ханом Джанибеком.

Джанибек, коварно отмстивший врагу, сам стал жертвой коварства. «...Хан Джанибек заболел и лежал в шатре; к нему допустили старшего, любимого, сына – Бердибека, который убил отца, затем братьев и в 1357 году стал ханом (...) Отцеубийца Бердибек недолго сидел на престоле. Его убили, и началась *«великая заматня»*...» – пишет **Л. Гумилёв**. «Заматня» привела к распаду татаро-монгольской империи.

«Мост, построенный тысячью людей, один разрушит» – эта казахская пословица подходит хану Джанибеку, подтолкнувшему трухлявый мост. Его дикий поступок с чумным трупом вызвал мировую пандемию, а потом гибель целой могущественной империи. Это как камешек в горах, задетый неосторожной ногой, – он вызывает стремительный, гибельный камнепад или сход снежной лавины, которую уже не остановить. Сколько раз уже было!..

В Византии на константинопольском базаре в драке убили русского купца – начался поход Ярослава Мудрого, забывшего о своей мудрости, против Византии. Поход возглавил сын Ярослава – Владимир. Русь потерпела поражение. Множество жертв.

Покушение на эрцгерцога Фердинанда – и Первая мировая война, тысячи убитых, тысячи изувеченных. Дед моего первого мужа, Виктор Филиппов, умер в 37 лет от ран, полученных на этой войне, ещё и в австрийском плену побывал. Мой дед, Тимофей Чернов, отравился германскими газами и чуть не ослеп. Другой дед – Павел Бутаков вернулся с тяжёлыми ранениями.

Говорят, один в поле не воин, но мы видим из истории: один человек может изменить мир – развязать или пресечь зло.

Так думала я, в воображении своём стоя на высоком крымском холме, где когда-то, в доковидные времена, бывала, и где громоздятся **руины генуэзской крепости**. Холм зарос могильной травой, и только ветер гудел в бойницах голосами разных народов: славян, итальянцев, кыпчаков, турков, татар, греков и многих, многих других. **Селились и казаки**. Со стен крепости открывался чудесный вид

на море – ослепительно синее в погожий день, с пятнами расплавленного солнца. Набегавшие на гальку волны выносили иногда из своих глубин остатки потаённых кладов: разноцветные агаты, стеклянные бусы генуэзских модниц, россыпи старинных монет, осколки глиняных амфор, наконечники скифских стрел. Древний Понт! Он переключается на полотна великого русского живописца – армянина **Айвазовского (Айвазяна)**, чей роскошный дворец и ныне возвышается на берегу Чёрного моря в Крыму. Там теперь музей, и во всех многочисленных комнатах дворца – море! Море в дорогих рамках, и, кажется, оно вот-вот выплеснется на музейный паркет.

Но вернёмся в древность. Во время «розмирья» с **Мамаем** среди татар кипели межплеменные распри. И снова, пока татары бодались друг с другом, деля золотоордынский трон, Россия накапливала силы для долгой жизни и полной самостоятельности, продолжая находиться в союзе с татарами.

«Те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтноса русичей ждала участь людей второго сорта», – писал **Гумилёв** в книге «От Руси до России».

АНДЫ, ТАМЫРЫ, КУНАКИ

Цветёт зеленеющий мир.
Казак откликается птице.
И в каждом ауле – тамыр,
И родственник – в каждой станице...

Всю ночь пылали в Степи костры. Змеями огненными извивались отражения их в воде. **Татары!** А на другом, правом берегу Волги – **русская деревня**. Затаилась. Утром насельники правобережья увидели – два солнца взошли над Степью: красное и золотое. Красное – оторвалось от земли и поплыло по небу, а золотое – осталось, пылая зловещими лучами. Татары входили в солнце – и выходили из него невредимыми. Небывалое чудо! Дивилась, ужасалась русская деревня: враг не горел в огне! Прибежавший из Степи лазутчик сказал, что это не солнце, а юрта хана, покрытая листами чистого золота. Видать, шибко богат хан. Ещё больше заволновалась деревня, стала гадать: если хан так богат, то, может, не будет грабить русскую деревню; или наоборот: от того что богат – жаден, и отберёт последнее, и шкурами, содранными с русичей, другую юрту покроет. Волновался правый берег Волги. Хан оказался добрым. Совсем чуть-чуть пограбил. Опрокинутым золотым котлом казалась теперь его юрта. С тех пор русские стали монголо-татарскую орду называть **Золотой**, а сами монголо-татары величали её **Великой**. Правда ли, нет – не знаю, но есть такая легенда.

В комментариях к «Истории» **Е. Бекмаханова** о Золотой Орде говорится следующее: «**Золотая Орда** (другое название – **Улус Джучи**) – часть территорий распавшейся империи Чингисхана, доставшаяся во владение его сыну Джучи. К середине XV века Золотая Орда фактически распалась на десяток самостоятельных ханств, её центральная часть – **Большая Орда** – прекратила существование в начале XVI века».

Удачей для русских стало то, что **Золотая Орда не препятствовала православной вере**, отвергая вместе с Русью религию иудеев, которая навязывалась им. «Как же вы иных учите своей вере, – сказал русский князь **Владимир** иудеям, – а сами отвергнуты Богом и рассеяны... Или нам того же хотите?» – и прогнал их, и принял христианство от Византии, очарованный красотой её храмов, небесными песнопениями и милосердием православной веры, проповедующей любовь.

Гумилёв объясняет поведение монголов по отношению к православной вере русичей: «...*Кочевники, побеждавшие и мусульман, и крестоносцев, не смогли в XIII веке воспринять высокую культуру, потому что в ней не нуждались. Они обходились натуральным мировоззрением, которое в это время перестало быть религиозным, но и атеистическим его назвать нельзя. Самое подходящее название – демонология, но этот термин нуждается в расшифровке...*»

Русские храмы получали золотые ярлыки от Орды на отправление православной службы и на передвижение духовных лиц по всей территории, подвластной Золотой Орде. Строились монастыри и скиты, греческие мастера-стенописцы украшали фресками белые, сияющие девственной чистотой русские церкви.

«*Ассимиляция наносит непоправимый ущерб человечеству, ибо подогнать под один ранжир все мировые культуры означает гибель цивилизации. Все народы и культуры равноценны*», – так считали первые евразийцы, и мысль эта красной нитью проходит через труды Гумилёва. Монголы не навязывали Руси своих ценностей, не ущемляли русскую культуру. Был естественный и добровольный обмен знаниями и обычаями. А кто из татаро-монголов захотел жить с русскими – приняли всех! И в казаки потом **взяли**, как и монголы приняли русских, пожелавших жить с ними одной семьёй.

Русские тоже не ущемляли тюркские народы, населяющие Россию, в их вере. **С. М. Соловьёв** пишет: «*В июле 1584 года отправлен был в Константинополь к султану Амурату посланник Благов известить султана о восшествии на престол Феодора, объявить, что новый царь не велел с турецких купцов брать пошлины и тамги, что покойный царь для султана Селима велел вывести своих ратных людей из Терской крепости, где живут теперь волжские козаки, без государева ведома; что вере магометанской нет нигде тесноты в России: в Касимове мечети владеет там магометанин Мустафалей...*»

В казачьей крепости Семипалатной на Иртыше к концу XIX века были и церкви, и мечети, имелась и синагога. При Советах почти все были разрушены или превращены в склады и овощехранилища. В синагоге сделали спортивную школу. Теперь, слава Богу, храмы восстановлены и возвращены верующим – как мечети, так и церкви. А в других городах Казахстана есть ещё и католические костёлы, и действующие синагоги, в том числе в Павлодаре.

У нас в Казахстане до сих пор сохранилась **культура мирных отношений между религиозными конфессиями**. Мои тётушки-казачки **Екатерина Павловна** и **Маргарита Павловна Бутаковы**, жившие в Майкаине, вышли замуж за мусульман (казаха и туркмена), но сами – остались православными, и никаких раздоров на этой почве в их семьях никогда не было. Дети Маргариты Павловны, как и мать, покрестились, а дочь Екатерины Павловны, **Зоя (Зураш)**, выйдя замуж тоже за мусульманина, приняла ислам. Жила в семье Екатерины Павловны и свекровь, **бабушка Хадиша**, которая не говорила по-русски, но по-казахски свободно говорила тётя Катя и наша родня. Бабушка Хадиша ходила в зелёном плюшевом

камзолычике, с монистами на шее из царских и советских монет, на запястьях – старинные браслеты из дутого серебра, на ногах – мягкие ичиги, которые вдевались в галоши, если надо было выйти на улицу. Обедали обычно за круглым низким столом, по-восточному подогнув ноги; на кровати – гора одеял и подушек – чуть ли не до потолка, как во всех казахских жилищах. Чай варили в самоваре, пили из пиал. К чаю подавали баурсаки, курт, жент. Пять раз в день бабушка Хадиша совершала намаз. Русская сноха не препятствовала этому. Тётя Катя рано потеряла мужа **Есамадия Блялова** – его завалило в шахте. Бабушка Хадиша осталась в доме русской снохи, хоть у неё были и другие снохи, и помогала воспитывать осиротевшую внучку. После инсульта тётя Катя долго лежала в параличе, и её доглядывала казахская родня. Когда умерла, стали думать, по какому обряду её хоронить? Обратились к мулле. Он спросил: «Какого вероисповедания была усопшая?» – «Православная», – ответили. «Значит, и хоронить её надо по-христиански!» Так и сделали, а вот поминальный ас по-своему устроили, собрав на поминки чуть ли не весь посёлок. За столами, кроме русских и казахов, сидели и ссыльные немцы – их улицу в Майкаине называли «Западный Берлин», и чеченцы, и поляки: всем хватило места!

* * *

Кроме веротерпимости, между монголами и русичами действовал **обряд побратимства**, который закрепился и в казахской Степи, и на Кавказе: у нас побратимы называются **тамырами**, а на Кавказе – **кунаками**. Когда-то, ещё мальчиком, Тэмуджин (будущий Чингисхан) играл в альчики на льду Онона с **Джамухой**, отпрыском знатного племени джаджиратов, и они подружились. Дружба их была скреплена обменом стрел и клятвой в верности. Они стали **анды-побратимы**. «*Анды – как одна душа*» – эти слова мальчики слышали от стариков и запомнили на всю жизнь. Обычай побратимства заключается, прежде всего, в крепкой дружбе и постоянной взаимопомощи.

Наш дед, **Павел Андреевич Бутаков**, был тамыром – «одной душой» – многим в Баянауле, казахи считали его своим, ещё ведь и родственник (кроме дочери и внучки, замуж за казаха вышла его племянница со стороны его родной сестры, казачки **Елизаветы Андреевны Бутаковой**). Во время голодомора 20-х годов дед спас от гибели семью своего тамыра **Кудабекова из Малайки**, тайком вынося с мельницы, где работал, отруби: счищал с жерновов. Кудабековы, которые лежали на кошме и умирали, стали делать болтушку – так выжили. За эти отруби дед чуть не поплатился жизнью, но успел бежать в Павлодар и три года скрывался там от чекистов. Через полвека баянаульская казашка опознала в моём двоюродном брате **Анатолии Руссу** внука Павла Бутакова – он похож на деда – и поклонилась ему в ноги: «Если бы не твой дед, то меня и моей родни в живых бы не было! Он спас нас от голода! Старики наказали нас почитать ваш род!» Анатолий смутился, обнял её. Оказалось, она из семьи бутаковских тамыров **Кудабековых**. Анатолий живёт в Сибири, в Юрге. Имеет Архиерейскую грамоту за участие в строительстве православного храма.

Моя подруга, поэт **Люба Медведева**, из рода сибирских казаков Алтая **Трошковых**, рассказывала, что её деда **Тимофея** спас когда-то его тамыр. Они жили в **Мал-Нарымке**. Пылала Гражданская война. Дед, раненый в бою, лежал в полевом лазарете. И тут ворвались каратели, порубили медперсонал, больных, но Тимофей раскидал рубак, вырвался – он был могучего телосложения, сильный,

бежал к реке, переплыл её и добрался до своего **тамыра-казаха**. Тот спрятал его. Байбише тамыра выхаживала казака: он был ранен в голову.

Казаки с тамырами обменивались плодами своих трудов: степняки принимали от казаков овец, которых всё лето выпасали на джайляу и к зиме возвращали казакам, а казаки привозили тамырам пшеницу, выращенную на пашне.

О деде своём Люба ещё вспоминала, со слов матери, что был он очень разумный, выдержанный, справедливый по натуре человек, и казачий круг дважды выдвигал его в атаманы, но он отказался: мол, не лежит у меня душа к руководству, я лучше лошадей лечить буду, я лошадей люблю. Лекарские способности были у него, видно, от прародительницы-турчанки, которую боевой предок-казак привёз из восточного похода. Турчанка эта умела врачевать, была незаменимой в станицах повитухой. От турчанки в облиции Любы и её родичей много тюркского.

Мой отец, **Михаил Тимофеевич Чернов**, когда жил в **Баянауле**, тоже имел тамыра по имени **Борздай**: мать родила его в поле, в «борозде», потому и назвала Борздаем, а принимали у неё роды **станичные казачки**. Борздай всегда был рад русскому Михаилу – их сближало фронтовое братство: оба воевали на Украинском фронте. Однажды, зазвав тамыра в гости, Борздай зарезал последнего быка, чтобы угодить гостю, ещё и с собой дал горячего мяса. В первые послевоенные годы жили не особо сытно.

Какая всё-таки досада для крепких патриотов! Как бы они ни блюли чистоту своей крови, русские и тюрки не только побратались, но и переженились. В результате какой-то неведомый нам и возможный **выходец из Золотой Орды**, по имени (или по кличке) **Бутак**, стал нашим кровным предком, принял православие и примкнул к казакам. В облике деда не осталось никаких восточных черт, как я уже говорила, в отличие от нашей смуглой, черноокой бабушки Татьяны Гавриловны. Он был голубоглазый, русоволосый, с окладистой казачьей бородой, только фамилия Бутаков выдавала его азиатское происхождение да характерные для азиатов скулы. И ещё – он носил казахские **пайпаки** и **шапку-тымак**. И ещё – ни он, ни бабушка Таня никогда не забывали язык своих далёких предков. Мама вспоминала, что в редкие вечера покоя, когда все дела по хозяйству переделаны, когда утомонились шумные дети, когда яркий месяц повис над аулом казацкой серьгой, дед Павел с бабушкой Таней садились за самовар, пили чай и вели тихую беседу – свою, сокровенную, и говорили они... на странном, непонятном наречии, и лица их молодели, и глаза взблескивали слезой счастья. А мама, притаившись на лежанке русской печки, где спала зимой, подглядывала в щёлку занавески, и сердце у неё обмирало от чужой тайны, и томила загадка их речи: там вроде бы и мелькали какие-то знакомые словечки (мама хорошо знала казахский язык), а всё же не открывали смысла, и это маму поразило. Так и осталось загадкой: на языке какого народа, секретно ото всех в ауле, говорили бабушка с дедом в редкие вечера уединённого чаепития.

ДИКИЕ СТРАСТИ

О сложных казачьих кровях писал и **Иван Шухов** в романе «Горькая линия» (прозу Ивана Петровича Шухова когда-то высоко оценил М. Горький): «...Вдосталь показавала, поатаманила некогда в этом краю пришедшая из Прикаспийских

пустынь, с Дона, Волги и Яика казачья вольница (...) Хаживали эти хмельные от вольности ребята на лёгкий, рискованный промысел в глубинную степь. Сторожили они на древних дорогах и трактах заморских купцов и миловали кистенём и пищалью иноземных предводителей караванов. Не гнушались лихие станичники ни индийским серебром, ни китайской парчой, ни персидскими коврами, **ни полонёнными дикарками со смуглыми лицами**. Потому-то и течёт до сих пор в жилах сибирского линейного казачьего войска глухая, властно зовущая в кочевые дали кровь. Потому-то нередко ещё и теперь среди линейных станичников диковато-шустрые на взгляд и облик казаки и темноликие казачки...»

Гоголь рассказывал о запорожских казаках, бравших в жёны восточных полонянок, а наш поэт **Павел Васильев** в поэмах «**Песня о гибели казачьего войска**», «**Соляной бунт**» и **Шухов** в романе «**Горькая линия**», в повести «**Пресновские страницы**» – о сибирских казаках, которые добывали себе жён-азиаток, выходя на охоту, как и степные кочевники охотились на русских красавиц: им так же не хватало новой крови для рождения здоровых потомков. Охота была, конечно, диковатой, но такие уж нравы были тогда – дикие!

Читаем **Павла Васильева**:

*...И когда не хватало станичникам жён привозных,
Снаряжались в аулы, чинили резню, табуны угоняли,
Волокли полонянок скуластых за косы по травам
И, бросая в седло, увозили к себе на тыны,
Там, в постелях пуховых, с дикарками тешились вволю.
Оттого среди русских чубатых иртышских станиц
Тут и там азиатские водятся скулы,
Узкий глаз азията и дугами гнутые ноги, –
Это кровь матерей поднимается исподволь в них,
Слишком красная, чтобы смешаться с другою...*

Павел Васильев не был казаком, но жил среди сибирских казаков и душу имел казачью – огневую! Его Слово – яркое, образное. Из вулканических недр этого Слова била энергия степного раздолья, казачьей воли, непрерывного вдохновения. Он чутко слушал народную речь, и стихи его, как чистым речным жемчугом, пересыпаны прибаутками, присказками, частушками, потешками, чистоговорками, вплетались туда и казахские словечки. Все эти народные россыпи как бы сами собой срывались с его языка, пели, плясали, перекликались, втягивая в бесконечный деревенский хоровод, круглый, как ярое азийское солнце. Это язык «казачий», «сибирский», родной для нас, рождённых и выросших на Иртыше, с малолетства мы его слышали и на нём воспитывались, как и этот павлодарский поэт, – потому так точно, зримо, такими яркими красками описал он сибирских казаков, сам скуластый, с раскосыми глазами, озорной. **Где-то пересеклись его предки с татарами**. Я видела его брата, **Виктора Васильева**, тоже писателя. Он жил в Омске. Приезжал в Алма-Ату, приходил к нам в журнал «Простор». Он очень похож на Павла! Если бы Павел дожил до его лет, то и в старости был бы прекрасен, но он погиб в двадцать восемь: его расстреляли как врага народа. Чекисты сбросили тело поэта в общую яму и сравняли это скорбное место с землёй.

Гражданская жена поэта, татарка **Елена Вялова**, которая тоже подверглась преследованию из-за связи с Павлом Васильевым, после освобождения сделала всё, чтобы сохранить о нём память, издать книги, написать правду о его жизни и смерти. Это был бескорыстный подвиг любви!

* * *

Я заметила: русские писатели, в ком есть тюркская кровь, имеют неодолимую тягу к тюркской теме (в том числе, и я сама). И едва начинают писать об этом – голос будто бы обретает силу, вырывается на волю, как степная кобылица **Александра Блока** в цикле «**На поле Куликовом**». Прикосновение к Востоку – как кресало, которое высекает огонь! Слово начинает гореть первозданной, диковатой страстью, яркими красками, перехлёстом энергии – у того же **Лермонтова** в кавказских поэмах (кстати, он хотел издавать журнал «Восток», да не успел); у того же историка с душой поэта **Льва Гумилёва**; у того же поэта **Павла Васильева**, о чём я уже говорила. Васильев даже написал цикл стихов о любви якобы от имени казаха **Мухана Башметова** (на самом деле, он писал о себе) и «**Песни киргиз-казаков**», в которых показал свободное владение поэтическим языком степных кочевников, знание их быта, нравов, наречий.

Когда сибирский поэт **Владимир Берязев** приехал в Семипалатинск на **фестиваль Абая**, который ежегодно устраивал наш писатель **Ролан Сейсенбаев**, когда увидел степь Абайского района и услышал песни казахов, он тут же загорелся вдохновением и написал потом несколько «тюркских» поэм, вспомнив, что и в нём течёт тюркская кровь: его фамилия **Берязев** – это тюркское: «**Бер Яз!**» – «**Дай Закон!**» На наших глазах вспыхнул огонь творческого преображения русского поэта, пробуждения прапамяти.

Впрочем, такие вспышки бывают вообще **на пограничье культур**. У **Александра Блока**, довольно сдержанного в большинстве стихотворений, вдруг – взрыв необузданной, «*татарской*» стихии и конских скачек. Он сам признавался: «*Развязаны дикие страсти!*» **Пушкина**, которого Блок боготворил, тоже одолевали «*дикие страсти*» – «африканские», но в жизни, а вот в стихах их не было. Поэт, наверное, перегорал в бурных житейских драмах. Стихи Пушкина спокойны, как равнинные русские реки, и редко выходят из берегов. А у **Блока** – выходили, захлёстывая горло:

*И вечный бой! Покой нам только снится.
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица,
И мнёт ковыль (...)
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь...*

*Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.*

*И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой...*

БАБУШКА ГУГНИХА

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить,
С нашим атаманом
Не приходится тужить!
Казачья песня

Уральские казаки тоже с «азиатчиной». Я неоднократно бывала в Уральске, видела уральских казаков, слушала их говор, жила у моей подруги, уральской казачки **Татьяны Азовской**, на улице **Буянной** – название красноречивое и говорит о горячем нраве яицких казаков. Да и **мой отец** – **родом от них**. Он, возможно, имел ещё **родство с башкирами** – судя по его очень смуглому обличению и смоляным кудрям.

В Уральске мне рассказали **башкирскую легенду об Урал-батыре**, чьё могучее тело стало Уральскими горами.

Было у отца два сына: **Шульген** и **Урал**. Послал их отец за живой водой, которая дарует бессмертие. В пути встретило братьев много испытаний и соблазнов. Старший, Шульген, поддался злему **диву Азралу**, стал злодеем, а младший, Урал, шёл дорогой Добра, и помогал ему в этом волшебный **конь Агузат**. Где Урал-батыр взмахивал мечом, прорубая скалы и рассекая степи, – там возникали реки. Он их называл именами своих детей. Одну реку, самую большую, назвал **Яик (Жаик)**.

Урал-батыр добыл живую воду, он понёс её отцу, но изнемогал от ран, полученных в единоборстве с злыми силами. И вот почувствовал, что настал его смертный час. Он бы мог выпить живую воду – и восстать, и получить бессмертие, но Урал-батыр мудро рассудил, что бессмертие одного человека ничего не стоит, и он вылил живую воду на землю, чтобы бессмертной и вечной стала прекрасная Природа, дарующая жизнь и растениям, и людям, и птицам, и зверям, и всему существу на Земле.

Башкиры верят, что Урал-батыр действительно существовал и родом был из древнего государства скифов, где правил царь **Уранус**, чьё имя появится потом и в древнегреческих мифах, но достоверных сведений об Урал-батыре нет, и современные учёные легенду о нём относят к космогоническим воззрениям тюрков.

В Уральске живёт совершенно удивительный человек – писатель **Александр Ялфимов**, тоже смуглый, очень подвижный, весёлый, как все казаки. Он рассказал, что раньше казачий закон не позволял казакам жениться, заводить детей и семью, пока однажды обычай этот не нарушил знаменитый **яицкий атаман Василий Гугня**.

Гугня, скорей всего, кличка, возникшая от особенностей речи казака. У Даля «Гугня» – гнусарь, кто гнусит, то есть говорит в нос, либо картавит. Даль указывает, что слово это новгородское, перекочевавшее в урало-казачий говор.

Боевой атаман решил, что пора перестать холостяжничать и попусту сорить казачьим семенем. Пора всерьёз заняться продолжением казачьего рода. А решил он это, потому что прикипел сердцем к **ногайской татарке Гайше**, которую с тех пор очень почитают уральские казаки, называя **бабушкой Гугнихой**.

Ялфимов пишет: «...Она, Гугниха, Праматерь наша, от неё Род Яицких казаков ведётся, в нас кровь её. И пошёл с тех пор плодиться народ казачий, обличьем и статью особенный, ибо брали в жёны на выбор, каких хотели: черноглазых сдержанно-страстных татарок, смуглолицых, дерзких калмычек, трепетно-дивных персиянок, прекрасных, как зори, азиатских красавиц...»

Как вы помните, в романе **Шолохова «Тихий Дон»** предок Гришки Мелехова тоже привёз себе из восточного похода жену-турчанку; и донской казак **Стенька Разин** прихватил себе персиянку, но, не выдержав насмешек своих товарищей, которые заревновали: «Нас на бабу променял!», выбросил её за борт челна, «в набежавшую волну». А не выбросил бы – она б ему нарожала новых казаков. Душегуб! Я ведь всё надеюсь, что она выплыла, прибилась к хорошим людям, выжила. Таких случаев чудесного спасения немало.

Да вот хотя бы история великого казахского поэта **Махамбета** – потомка персидского царя **Надирше**, о чём повествует народная легенда.

«У персидского царя по имени Надирше был маленький сын, который однажды пустился в плаванье на корабле. Внезапно корабль дал течь. Бедствие случилось вблизи казахских берегов. Принца нашли люди из рода **Берш** и привезли к себе. Звали его **Кулманияз**. Человек по имени **Жаугашар** из рода Берш усыновил его и вырастил. От Кулманияза родились **Шыбынтай** и **Утемис...**» Поэт **Махамбет – Утемисов**. Казахи издревле воевали с персами, но Кулманияза приняли в свою семью. Так против Стены Зла встала **Стена Добра**.

Потомственная уральская казачка **Татьяна Азовская** рассказывала мне, что её предок, вслед за атаманом Василием Гугнёй, так же выбрал себе жену по душе – **турчанку Айшу**. Взял он её вместе с турецкой крепостью Азов, откуда привёз не только жену, а ещё и фамилию: стал **Азовский**. «Азовская! А зов кого – не знаю...» – писала Татьяна.

Говорят, взяв Азов, казаки притащили в свою станицу железные ворота от турецкой крепости. «На што вам ворота?» – спросили у них. «А штоб турки знали: ворота от их крепости – у нас, и мы теперь можем войти к ним, когда захотим!» Ворота Азова до сих пор хранятся в одной из казачьих станиц на Дону – стали музейным экспонатом.

Турчанка казака Азовского покрестилась, приняла имя **Анна** и родила казаку десять сыновей, которые «тьмой глаз могли спорить с ночами». Боевые получились казаки! Прадед Татьяны брал Париж, а отец, Николай Азовский, – Берлин. И сама Татьяна Николаевна – знатная казачка: большая, громкоголосая, весёлая, а главное – талантливая. Она поэт, и много прекрасных стихов написала о казаках в книге «**Смуглое лето**». Приведу одно, из цикла «За холмом», написанное по мотивам казачьего фольклора. Называется оно «**Старинная песня**».

Остановись, казак, на берегу!

Кем станут звать – женой или вдовой?

С последним стоном почерневших губ
 Паду к ногам подкошенной травой.
 Тоска забьётся неводом пустым,
 Конь не найдёт родного табуна.
 Исхлёстанная ветрами пустынь,
 В окно заглянет скорбная луна.
 И опадут дурманные цветы
 На одеялах, в горнице моей.
 Выспрашивать устала у святых:
 «Ужель чужбина для тебя милей?»
 Чью злую удасть испытал Урал!
 Чьи песни волновали небеса!
 Ужель затем любезной называл,
 Чтобы от горя выцвели глаза?
 Как пропадёшь среди чужих камней, —
 Твоих следов они не сберегут!
 В луга родные отпусти коней,
 Остановись, казак, на берегу!»
 Мне эту песню нашептала кровь.
 Храни, Господь, Отечество и кров!

Татьяна хотела быть русской и только русской, но восточная кровь то и дело напоминала о себе, и люди говорили: «Похожа! Похожа!» — **похожа на турчанку Айшу.**

Татьяна — Царствие ей небесное! — признавалась:

Отныне мой голубоглазый взор
 Во всём искал иной земли приметы,
 Где рыжий конь летит во весь опор
 По жёстким травам выжженного лета,
 Где, понимая гордых гор язык,
 Мне песни петь и слёзы лить по-русски,
 И где сверкнул чистейший лик грозы,
 Как ятаган, рассерженный и узкий;
 Где всё в избытке: любят, словно мстят,
 И нежностью догла сжигают души...
 А над холмами лебеди летят,
 Подняв простор и тайны не нарушив.
 И белый храм, как вспененный прибой,
 Вдруг вынесет меня к моим истокам.
 Я чувствую своей прабабки боль
 И слышу голос правнуков далёких...

Раздвоенность души, где «азиатская печаль навек срослась с российской истомой», вызывала яркие образы её стихов. Она и жила «на пограничной полосе», где Урал соединял не берега, не части света, чтобы создать **Евразию**, а части душ человеческих с «пограничной» кровью.

*Отсюда начинается родство
Кровей горячих –
Связь Руси и Поля.
И безграничное уже – простор –
Читается ещё просторней –
Воля!*

Воля! Ключевое слово, стержень, который держит казачий характер.

У казахстанского писателя – уральского казака **Геннадия Доронина** мать – русская казачка, а отец – крещёный татарин: его предок примкнул к казакам. В облики, в характере и самого Геннадия, и его сыновей – отсвет Востока: раскосые глаза, упрямство, ревнивый нрав, а солёный язык – от казаков. Видимо, память крови о военном прошлом предков-казаков вызвала у Геннадия Николаевича тягу к странному для взрослого человека увлечению: Доронин коллекционирует солдатиков разных войск – вооружённых, при полном параде. Из небольшого Потешного полка выросла грозная армия!

Но вернёмся к ногайским татарам.

В художественном очерке «**Бершарал**» Геннадий Доронин рассказывает, что когда был ребёнком, то на другой стороне улицы, где он жил с матерью, по вечерам сидели на лавочке его дедушка **Гумар** и бабушка **Фатима**. Татары. Тогда весь Уральск выходил на воздух, мостясь на лавочках, завалинках, опрокинутых ящиках. Беседовали, лузгали семечки, ломали сушёную рыбу, глядя на реку Урал, откуда ждали рыбаков с новым уловом. Сами уральские казаки называют Урал **Горынычем**. Мать Доронина была в разводе со своим татарским мужем и, видимо, сильно на него обижена, потому бедные старики только издали могли смотреть на внука.

Геннадий Доронин пишет фантастику, но и на сочинённых им планетах, в новых галактиках его космические скитальцы скучают по казачьему говору, по реке Яик, по его рыбному запаху, по Ханской роще, где в зарослях ивняка прячутся тени татарских засад: ногаи!

Когда я пою мою любимую казачью песню, которую все знают: «**Ой, да не вечер, да не вечер...**», представляю реку, окровавленную вечерним закатом, и Ханскую рощу, откуда налетали ветры злые с восточной стороны, и сорвали чёрную шапку с буйной головы казака – так видел он во сне, а есаул разгадал казачий сон: «Ой, пропадёт, он говорил мне, твоя буйна голова...» И всё же: «*О, русская земля, ты уже за холмом!*»

Старожилы доронинских космостанций видят сны об Уральске, через который вновь и вновь летит в пролётке Пушкин вместе с Владимиром Далем – они приезжали в Уральск: Пушкин собирал материалы для своей книги о Пугачёвском восстании, слушал колоритную речь яицких казаков, осматривал избу казачки, красавицы Устиньи – жены самозванного царя Петра III, Емельки Пугача, переписал одну казахскую легенду, поражаясь её поэтичности. Бывали в Уральске и поэт Жуковский, и Лев Толстой; жила там и любимая девушка Чехова, Лика Мизинова – дочь казачьего атамана: из её дома, по словам Доронина, открывается портал в прошлое, там – коридор Времени, по которому Доронин с детской радостью передвигается, размахивая казачьей шашкой!

БАЯНАУЛ ЖУСИПБЕКА АЙМАУТОВА

А теперь **взгляд на казаков** чистокровного (?) тюрка – казахского классика и новатора казахской прозы **Жусипбека Аймаутова** – нашего земляка, баянаульца. Аймаутов долго был под запретом, как враг народа. Он погиб молодым, попав под расстрел в 1931 году, – припомнили ему сочувствие буржуазно-националистической партии «Алаш-Орда». Она была ликвидирована большевистским Военно-революционным комитетом по управлению Киргизским краем 5 марта 1920 года. Партия состояла в основном из казахской интеллигенции. Её возглавляли А. Букейханов, А. Байтурсынов и М. Дулатов. Официальным органом партии являлась газета «Казах». В программе партии, кроме политических требований, была и забота о возрождении и сохранении казахской культуры, языка, истории, но партия хотела Алашской автономии, учредив её на Общекиргизском съезде в Оренбурге, проходившем с 5 по 13 декабря 1917 года, и потому была уничтожена. **Жусипбек Аймаутов** не являлся членом этой партии, однако тоже пострадал. Только в конце 1990-х годов имя его было реабилитировано, его стали издавать, стали переводить.

Аймаутов писал не только о своих казахах, но и о сибирских **казаках Баянаула**, и о самом Баянауле **в романе «Карткожа»**. Писатель постарался показать и казахов, и казаков объективно: и хорошее в них отметить, и дурное, – впрочем, признавал казаков как близких людей, потому и говорил о них открыто, без обиняков, как можно говорить только в кругу семьи, не позволяя при этом чужим бросать даже малую тень на свою родню. У казахов есть пословица: *«Родня хоти и обидится, да не отречётся»*.

Кстати, в доме Бутаковых не говорили «казашка», говорили – «казачка». И в исторических книгах прошлых времён *«казахи»* писались как *«казаки»*. Происхождение слов *«казаки-казахи»* некоторыми учёными трактуется как *«вольные люди»* (отложившиеся от своей общины или государства, беглецы), то есть они вообще от одного корня. Подробнее об этом я скажу позже, в главе **«Каз-Ак»**, а пока добавлю, что в Баянауле самый красивый и талантливый народ, и не спорьте со мной!

Цитата из романа **Аймаутова «Карткожа»** (в переводе на русский язык **Ш. Кусаинова**) требует некоторых комментариев, и я буду иногда вмешиваться в авторский текст – да простят меня аруахи Аймаутова!

«Баянаул – лучшее, что могла бы создать земля. Горы, скалы, лес, ягоды, озёра, родники, болота, пшеничные поля, сенокосные травы – всё есть в Баянауле. На солнечной стороне древних, морщинистых скал Баяна, в ожерелье дивных камней пристроилось озеро Сабындыкуль. Здесь и казачий городок. Домов так двести. Казачья станица прямо на восточной стороне. Въезжаешь в городок – на сопке небольшая деревянная мечеть, на станичном берегу озера видна невысокая церковь. (В советские времена мечеть оставили, а церковь, построенную по указу Екатерины II, – разрушили, корчюя под корень казачество. – Н. Ч.) У церковки стоит казахско-русская школа. Около приличных казачьих домов Баяна прижились хибары казахской бедноты.

Баян, и сады его, и здания поднялись благодаря русским казакам. Прежде это местечко было всего лишь зимовкой аргынского рода – с десятком строений. А нынче прямо-таки **памятник тому, что вместе создали казаки!**

Русские казаки Баяна забыли свой язык, болтают, как казахи (*Неправда! Язык свой казаки никогда не забывали! А казахский, в самом деле, знали. – Н. Ч.*), по пройдошливости да жутким непотребствам превзошли самих казахов. Мастера высшей пробы насчёт взяток, вымогательства да разбоя (*И это чистая правда! – Н. Ч.*) Подраться да пролёживать бока тоже умельцы. Но все состоятельны, при деньгах. И всё хозяйство держится на казахской бедноте. Казах и на сенокосе, он и дом строит. (*Батраки были, и даже в семье Бутаковых, но ведь другой работы для бедноты и не имелось, так что, работая на казаков, они не голодали и содержали свои семьи. В батраках не только казахи ходили, но и нищие казаки, и чалдоны. Наша бабушка-казачка Таня в девичестве батрачила ради куска хлеба. В работниках казахи были не только у казаков, но и у своих баев. Батрачит беднота и теперь, в наше время, и тоже за копейки. – Н. Ч.*) А жизнь казака вольна: пей водочку – кто супротив? Хочешь, по лицу пьянь пройдишь, хочешь, там, под камушком ляг. Но, правда, таких меньшинство. (*Что ж, в семье не без урода! – Н. Ч.*)

Надо признать, что в десяти волостях все из полицейских урядников и приставов, переводчиков, адвокатов да объездных происхождения **казаки**. (*Чины эти казаки получали потому, что были грамотными. Тут обижаться не на что. Теперь же все ключевые посты в Казахстане занимают казахи. – Н. Ч.*) И лучшие из десяти волостей ходят у них в закадычных друзьях и знакомцах, десять казахских волостей танцуют под дудку двух сотен баянаульских добротных домов. Казахская голытьба и обувь шьёт, и мастерит где надо, в домах прибирает, колет дрова и с камнем работает. Одним словом – наёмные. Однако и побузить всегда готовы, и стащить, что плохо лежит, и подраться до крови.

Никто, **ни казаки, ни казахи друг дружку за чужих не держат**, и всё же бывает, что и падает казахский глаз на казацкие уголья, на их лесок, на их родничок, тогда всё братство забывается, там... далеко в степи.

Зазвучал **кобыз под шаньраком юрты**. Праздник. **Казаки непременно приглашены**. Русские борцы проиграли все схватки, нет, лезут на кулаках драться, стенка на стенку. (*Казаки привыкли побеждать, в этом они настёрны! И в кулачном бою нет им равных. Некоторые, особо заядлые драчуны, специально ходили по станицам, чтобы сойтись с кем-нибудь в кулачной схватке. – Н. Ч.*)

Перед первым снегом разворачивается в **Баянауле ярмарка**. Съезжаются купцы из Омска, из Кызылжара, из Семиречья и Семипалатинска. Тут и главный доход казаков: урядник, да и любой чин, берёт своё, чуть ли не налог с пыли от повозок. Сдают квартиру на постой (*Бутаковы раньше часто сдавали жильё для постоя, а свой широкий двор – для машин геологов; историк Бекмаханов, когда учился в станичной школе, снимал жильё то у казака Пасенкова, то у казака Жаркова. – Н. Ч.*), торгуют связями – да что там! **На всём богатеет баянаульский казак...**»

Есть у Аймаутова и другой роман, «Акбилек» – о любви русского офицера и казахской 15-летней девушки, которую он выкрал, как Печорин Бэлу в «Герое нашего времени» Лермонтова, и запер в своём доме. Сначала она дичилась, плакала, потом полюбила. И он её любил, пока судьба их не разлучила.

КАЗ-АК

Крылатый гусь, степной каз-ак...
 Белеют гуси в дымке синей.
 Озёрный выводок гусиный,
 Не от тебя ль пошёл казак?

Долго я разбиралась, кто мы, с кем в родстве, и откуда вообще пошло слово «казак»? Ведь разгадка слова может дать ответ на многие вопросы. Тут я вспомнила о моём хорошем друге, талантливом писателе, профессоре-лингвисте, знатке тюркского фольклора **Аслане Жаксалыкове**. Он работает со словом, а слово – самый точный хранитель исторической правды. Аслан сказал, что есть научное мнение о происхождении слов: «казах-казак» – «вольный, свободный», а есть народная этимология: народ считает, что «казах, казак» идёт от «каз-ак» – «белый гусь». Перелётная, кочующая, вольная птица, но и воинственная. Древний тотем. Вероятно, это остаток старых мифических представлений казахов, сказал Аслан.

Белый гусь! Священная птица Великой степи, а простирается эта Степь из конца в конец Евразии. Белая птица кочевала вместе с разноплеменными народами, свивала гнёзда всюду, где была вода, перекликалась с нашими песнями, омахивала белыми крылами долгие века – и долетела до наших дней, до Иртыша, до павлодарской Гусиной пристани, до казачьей станицы на берегу Сабындыкуля, до моего Баяна.

Шипящие гусаки были ужасом нашего детства – мы убегали, а они, распластав крылья, догоняли нас и больно щипали. Так защищали свою стаю. А вот наша бабашка Таня гусей не боялась – они важно ходили у неё по двору, и она переговаривалась с ними, потчuya свежей травой да зерном. Крылья у гусей были подрезаны, и они никуда уже больше не могли улететь, и с печалью глядели на вольных собратьев, которые по осени кочевали, пересекая степное небо, но весной – возвращались вновь, оглашая окрестности громкими кликами – гимном любви и вечной жизни. Белые гуси, вольные гуси!

Кипит озёрная вода – / Любовной ярости в угоду! / Гусиной вольницы орда / Крылами взбалтывает воду. / А норов, как у казаков, / И речь гортанная такая! / Гусыни кличут гусаков, / В камыш прибрежный завлекая. / Там шелест листьев, шорох трав, / Как шёпот озорных казачек. / Там, у гусиных переправ, / Земля былые тайны прячет...

По словам Аслана Жаксалыкова, **кыпчаки** называли себя «кас-сак» – «степной волк», если перевести с персидского, и утверждали, что происходят от Синей Волчицы (об этом я уже говорила), но часть их – **кумыки** – говорили о себе по-прежнему: «каз-ак» – «белый гусь». Во главе кумыков стоял хан Ногай. «Белые гуси» – кумыки до сих пор живут в Дагестане, их там довольно много. Гляжу на них, на себя, и думаю: «А ведь мы похожи! А? Как ты думаешь, хан Ногай, похожи? Или это всё мои “мечтательные предположения”, “занимательная генетика”?»

* * *

Как-то, в начале 70-х, в семипалатинском магазине «Букинист» я купила раритетное издание книги **Алексея Ираклиевича Лёвшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей»**. Первое издание этого уникального труда вышло в 1832 году в Петербурге тиражом всего в 400 экземпляров и вот как-то попало в наши края, но в XIX веке в Семипалатинск ссылали дворян, революционно настроенных студентов, недовольных царской властью, и они привозили с собой книги, обзаводились библиотеками и выписывали литературу из Москвы и Петербурга. У кого-то из них и была книга Лёвшина. Русские люди, вольно или невольно оказываясь в чужих краях, среди незнакомого народа, тут же принимались изучать его историю и культуру, а потом начинали что-то полезное делать для этого края и этого народа, о чём я ещё скажу. **Достоевский** такую особенность русских называл *«всемирной отзывчивостью»*.

Книга Лёвшина, видимо, побывала в воде – в Семипалатинске почти каждой весной случались наводнения, потому что страницы её покособились, будто насытились влагой и потом высохли. Часть книжных собраний ссыльных вольнодумцев перешла потом в городскую библиотеку имени Абая, куда я любила в юности ходить в читальный зал. Библиотека располагалась в бывшем купеческом особняке из красного кирпича – с высокими итальянскими окнами, с крутыми скрипучими лестницами, с упоительным запахом старины (теперь там банк, и вместо шелеста книжных страниц слышится шелест купюр. Увы!)

В городе ещё долго можно было найти прижизненные издания русских авторов у букинистов. Так я разжилась Лёвшиным, и тогда же прочитала. Лёвшин как раз рассуждает о происхождении слов *«казак-казах»*. Это необыкновенно увлекательное чтение, но сейчас я всё же буду цитировать не эту книгу – о ней я скажу позже, – а **«Историю» Ермухана Бекмаханова**, который сам обращался к Лёвшину.

Вот какое наш историк (совместно с учёными России) предлагает научное рассуждение о происхождении слов *«казах-казак»*:

«С 1715 по 1734 год в хождении было два термина параллельно – казак и киргиз-кайсак (или просто киргиз), а потом в русских официальных документах началось уже тотальное вытеснение первого термина вторым. Произошло это после того, как в начале января 1734 года в Петербург прибыла казахская делегация во главе с **Ералы-султаном, сыном Абулхаир-хана**, чтобы закрепить условия **подданства**. По этому случаю обязательно требовалась официальная публикация – она и появилась в “Санкт-Петербургских ведомостях” в виде перевода нескольких фрагментов из “Северной и Восточной Татарии” амстердамского купца и бургомистра **Н. К. Витзена**, приглашённого в конце XVII века **Петром I** в Россию для описания разных регионов Российской империи, главным образом, от Урала до Дальнего Востока, включая современную Центральную Азию. Непосредственно на территории последней Витзен не был, информацию черпал от приезжих чиновников, купцов и путешественников, которые побывали там, а также от бухарских купцов, под именем которых были известны вообще все среднеазиатские купцы. Небольшие сведения о казахах, которые были извлечены Витзеном из рассказов русских и бухарских торговцев, он поместил в разделе **“Бухария”**. Казахи фигурировали у него под собственным именем – **“казаки”** или как **“татарские казаки”** – подданные Бухары (...)

Корреспонденты “Санкт-Петербургских ведомостей” решили перевести кусок из книги Витзена. Они торопились и, кроме того, имели, как и повсюду в России, весьма туманное представление о местоположении казахских жузов и казахов вообще. Для перевода был выбран отрывок, но не о юго-восточных, а восточных соседях. Корреспондент газеты, он же пересказчик труда голландского путешественника и исследователя, привёл путаную версию о происхождении казахов от енисейских киргизов (будущих хакасов), хотя такой гипотезы у самого Витзена не было. Но информация появилась в официальном органе царского правительства, и это было воспринято как закон для употребления. Фактически с этого времени чиновники во всех официальных документах стали именовать казахов киргизами (...)

О том, что не нужно путать киргизов и казаков с казахами, первым написал в 1750 году академик **Г. Ф. Миллер**, и **А. И. Лёвшин** в своём научном труде “*Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей*” (1832) поставил вопрос о необходимости правильного наименования казахов, поскольку термины “*киргиз*” или “*киргиз-кайсак*” являются неоправданно привнесёнными русскими извне. Тем не менее, эта путаница существовала до конца 20-х годов XX века. По мнению **Лёвшина**, использование термина “*киргиз*” стало удобным для царских администраторов, чтобы хотя бы по названию **отличать казахов от сибирских и яицких казаков...**

...Есть мнение, – продолжает **Бекмаханов**, – что слово “*казах*” представляет соединение двух слов: “*каз*” и “*сак*”, при слиянии которых, по законам казахской фонетики, могло вполне получиться одно слово “*казах*” (в современном северном диалекте киргизского языка “*казах*” звучит как “*касак*”). Вторая часть этого составного слова (“*сак*”) может служить историческим воспоминанием о народе **саков**, жившем раньше на территории Казахстана. (*Вспомним, что саки – скифское племя, а скифы – наши предки. – Н. Ч.*) Возможно, в глубокой древности корень этого слова “*каз*” (*касс, хас, гас, каз*) имел тотемическое или этническое значение (в самоедских языках “*кас*” означает “*человек*”). Он встречается в названиях, например, **касов**, **каспиев**, **хазар**, **черкасов** (*черкасы – малороссийские казаки, они упоминаются в “Истории” Соловьёва и у других русских историков. – Н. Ч.*), **карачасов**, **касситов** (народа, воевавшего с Вавилоном во втором тысячелетии до нашей эры), в самоназвании якутов – “*саха*”, в названии одного из хакасских родов – “*сагай*”. В более позднее время термин “**казак**” употребляется в значении “**вольный**” (отложившийся от своей общины или государства человек) и “**беглец**”. В этом же значении употреблялось и русское наименование “**казак**”. В XVI веке слово “**казак**” наряду с термином “*узбек*” употреблялось для названия ханского войска (...) Для обозначения особой народности нынешних казахов слово “**казак**” стало общеупотребительным в XV веке. В качестве названия новой народности применялось также и слово “**алаш**” (*отечество*). Оно употреблялось самими казахами как самоназвание, а в боях использовалось как боевой клич (**уран**). Только в советский период было уточнено название “казак” и его написание: слово “**казак**” в применении к народу, населяющему КазССР, стало теперь употребляться в написании “**казах**”...»

Так что советская наука навсегда развела казахов и казаков, и всего лишь при помощи одной буквы «хэ», но в жизни они остались близкими народами.

АЛЕКСЕЙ ЛЁВШИН

Перелистывая вновь книгу А. И. Лёвшина «**Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей**», я нашла газетную вырезку из «Казахстанской правды» от 7 октября 1992 года, которую вложила в книгу и забыла о ней. Теперь же новыми глазами перечитала её, уже многое зная о казахах и казаках, и совсем мало – о Лёвшине. Написала статью кандидат исторических наук **И. Ерофеева** и озаглавила её «**Геродот казахского народа**», – так называл Лёвшина **Чокан Валиханов**, считая его исторические труды «драгоценными для науки».

Вот некоторые выдержки из этой статьи, которые касаются биографии Лёвшина – истинного подвижника науки и глубоко знающего востоковеда: он из конца в конец проехал казахскую Великую степь, и сопровождали его в этих походах **казаки**, которые не только охраняли Лёвшина, но и многое ему подсказывали, хорошо зная язык и быт кочевников, природные особенности Азии и даже фольклор местного населения. Лёвшин нередко останавливался в казахских крепостях и станицах – и по долгу службы, и для пополнения материала своей книги. Ночевал также и в казахских аулах, в юртах у очага, где слушал были стариков, игру домбристов, сказания абызов, делая быстрые записи в походном кондуите.

«**Алексей Лёвшин** – значительная фигура в культуре: писатель, учёный, путешественник, искусствовед, а также видный государственный деятель, сыгравший важную роль в подготовке крестьянской реформы 1861 года в России (...), – пишет **И. Ерофеева**. – Молодой человек (...) занимал на протяжении нескольких лет не очень видный, но престижный пост градоначальника Одессы, а впереди его ожидала ещё более блестящая карьера: сначала в качестве товарища (то есть заместителя) министра внутренних дел, затем сенатора и члена Государственного Совета. В этом впечатляющем восхождении небогатого провинциального дворянина на сановный Олимп далеко не последнюю роль сыграла его “**казахская книга**”. Очевидные научные достоинства “*Описания киргиз-казацких орд и степей*” обеспечили молодому чиновнику репутацию образованного, умного и деятельного человека (...) Но большие чины, богатство, “высочайшие” награды пришли к Лёвшину только во второй половине жизненного пути. А позади была кропотливая работа с историческими документами в архиве Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1819–1820), служба в Оренбургской пограничной комиссии и острые столкновения с ярым колонизатором, губернатором края **Эссеном**, трудные, многодневные, изматывающие поездки по казахским степям, знакомство с бытом и культурой зауральских кочевников, продолжительные беседы с султанами и старейшинами родов, сбор разнообразных фольклорных и письменных материалов о казахском народе. Затем последовала не менее утомительная служба в канцелярии новороссийского губернатора **М. С. Воронцова**, во время которой молодой чиновник использовал любую свободную минуту, чтобы заняться любимым делом – завершить обширный историко-этнографический труд...»

Труд этот составил три тома. Потом была снова Одесса (1823–1837), где **Лёвшин** познакомился с **Пушкиным**, который после бесед с историком загорелся идеей о создании своей «**Истории Пугачёва**». Лёвшин рассказывал опальному

в то время поэту, сосланному в Одессу под надзор боевого генерала, участника войны 1812 года графа М. С. Воронцова, **о яицких казаках** и вообще **о казачестве** (Лёвшиным написан ряд статей о них).

«В истории дореволюционной России **Алексей Ираклиевич Лёвшин** в полной мере олицетворяет собой тип первопроходца, – **продолжает И. Ерофеева**. – Во время службы в Оренбургском крае он был первым исследователем, который обстоятельным образом изучил беспорядочно сваленный в виде груды бумаг архив местной Пограничной комиссии, а позднее ввёл в научный оборот огромное количество ранее неизвестных материалов о казахском народе (...) Лёвшин проявил себя как один из основателей и идейных вдохновителей **Русского географического общества**, а после его создания в 1845 году был членом Совета и почти бессменным помощником председателя РГО на протяжении 20 лет...»

Отделение этого Общества находилось и в Семипалатинске. **Ерофеева** отмечает, что исторический **труд Лёвшина** «безоговорочно оценивался разными поколениями отечественных и зарубежных учёных как выдающееся достижение в науке. Так, известный русский **ориенталист В. В. Григорьев** пророчески писал в одной из своих работ, что со временем, когда казахи будут иметь возможность оценить всё сделанное Лёвшиным, трёхтомное сочинение его “станет главнейшим источником для истории этого народа и должно занять в уважении его такое же место, каким пользовались у греков труды Геродота и Фукадида, какое занимает у немцев Тацитова книга о Германии” (...) Научное значение исследование Лёвшина не потеряло и по сей день. Не будет преувеличением сказать, что практически каждый исследователь, изучающий историю и культуру казахов XVI–XIX веков, неизбежно обращается к труду Лёвшина, как к важному историческому источнику. Тем не менее, уже в конце XIX века эта книга стала библиографической редкостью и за прошедшие 160 лет со дня её появления в печати ни разу не переиздавалась...»

В 1992 году, когда печаталась эта статья И. Ерофеевой в казахстанской газете, Республиканский музей книги решил выпустить **второе издание Лёвшина**. Попытку переиздать «*Описание киргиз-казачьих орд и степей*» предпринимала и моя подруга, сестра нашего поэта Олега Постникова, **Татьяна Петровна Постникова**. Она частным образом открыла полиграфическую фирму, но не справилась с финансовыми трудностями. Это были непредсказуемые 90-е годы! Книга Лёвшина, готовая к изданию, так и не вышла.

* * *

Размышляя о научном подвиге Лёвшина, я снова вспомнила восточную мудрость, которая стала рефреном моего эссе: «**Когда поднимается Стена Зла – тут же в ответ ей встаёт Стена Добра**». Колониальная политика России в казахской Азии – агрессивная её часть – была несомненным злом, но пересиливала её, но вставала **Стеной Добра** подвижническая жизнь таких русских людей, как **Алексей Лёвшин**, и многих, многих других, о которых я уже говорила и ещё скажу. Именно эти люди являются настоящей Россией, а не временщики, «ярые колонизаторы» типа губернатора Оренбургского края Эссена, который мешал своему подчинённому, чиновнику Лёвшину, воплощать в историческом труде свою любовь, свой бескорыстный интерес к Великой степи и её народам. Лёвшин, можно сказать,

оплатил правдивой книгой ту кровь и те слёзы, что были пролиты ими под игом колонизации, как в 90-е годы XX столетия другой русский писатель, наш земляк, **Валерий Фёдорович Михайлов** написал правдивую книгу о голодоморе в Казахстане, устроенном преступными советскими вождями, – «**Хроника Великого Джуга**». Это была его молитва обо всех погибших от голода невинных жертвах: она полна сердечной боли. В. Ф. Михайлов первым из русских писателей и вообще первым среди всех рассказал об этой трагедии XX века, разыскав редкие архивные документы и свидетельства очевидцев голодомора. В том главная ценность его труда. Он писал «Хронику», когда опасно было о голодоморе говорить открыто, когда не было надежды, что книга будет издана. Но рукописи не горят, и правда всё равно дойдёт до людей. И она дошла!

Потом, после конца коммунистической эпохи, и казахи стали писать о голодоморе. Наиболее значимое произведение на эту тему – роман «**Одинокая юрта**» талантливого прозаика **Смагула Елубая**. Он рассказал историю своего аула. Гонимый голодом, раскулаченный аул Смагула уходил всё дальше и дальше в безжизненные пески, оставив родные кочёвки, могилы предков, уходил через пустыни Устюрта и Каракумов – в чужие края: в Каракалпакию и Туркмению. Аул-скиталец, аул-призрак. В те годы 40 тысяч казахских семей откочевали со своих исконных, родовых мест.

Смагул вспоминает: *«Родители говорили, раньше наша степь была населена так густо, что люди чуть ли не дрались из-за воды и пастбищ. Теперь эта степь пустует. Она в распоряжении сайгаков...»*

Ещё и в 1947 году, когда родился Смагул, аул его жил на чужбине. Только после смерти Сталина люди стали возвращаться на родину. В 80-е годы XX века, на закате советской власти, когда писались книги **В. Михайлова** и **С. Елубая**, свидетели голодомора ещё были живы, но для официальной печати их не существовало, как и самого голодомора, как и ужасов ГУЛАГа, как и уничтожения **казачества**.

АРМЯНО-КЫПЧАКСКИЙ СЛЕД

Вот что ещё поведал мне **Аслан Жаксалыков** о «*белых гусях – каз-ак*», выслушав **мой рассказ о сестре Зине**, которую армянки принимают за «свою», а сестра моя переживает по этому поводу. Понятие «**каз-ак**», сказал Аслан, впервые появляется в 1325 году, в арабо-турецком словаре. В древней армянской рукописи V века нашей эры, которая хранится в Матенадаране, в Армении, упоминается племя «**хас-ак**» (белый гусь, белый лебедь), жившее за Каспием. Армянские миссионеры странствовали по побережью Каспия, обращая тюркские племена в христианскую, несторианскую веру, и часть племён склонили креститься. Была **армяно-кыпчакская письменность** (ещё до латинской). Кыпчаки помогали армянам бороться с арабами в VIII веке нашей эры. Так что это был довольно продолжительный союз.

Слушая Аслана, я высказала догадку, что наверняка армянские воины не сдерживались – влюблялись в «белых гусей-лебедей» (**хас-ак**), и рождались армяно-кыпчакские дети. Дети эти, повзрослев, тоже стали ходить в завоевательные походы, в том числе на Русь, стали брать в плен русских людей. В старой русской сказке

гуси-лебеди уносят брата Иванушку, похитив у сестрицы Алёнушки, за синие моря, за высокие горы. **Наши казаки ходили и на Каспий, и за Каспий, и на Кавказ**, среди их военных трофеев были не только отбитые у неприятеля Иванушки и Алёнушки, но и взятые в полон армяно-кыпчакские красавицы, в которых казаки непременно влюблялись. Так в нашем роду могла появиться армянская кровь, сильно разбавленная тюркскими добавками. За века у нас с сестрой неземная красота восточных жар-птиц повыветрилась, но кое у кого в нашей родне осталась.

Не исключает Аслан и того, что **кавказские черты моей сестры Зины и наших тёток** – от кавказских горцев-черкесов (о них я уже рассказала) или от **казачьего племени черкас**, которое мешалось с восточными народами: тут может быть и Половецкое поле, и Кавказ, и турки. На юге России, где они проживают, есть **город Черкассы**.

Казаки-черкасы отличаются горячим и крутым нравом. Женщины у них красивые и очень своенравные. **«Гром-бабы!»** – говорит Аслан. Охотно верю! У нас, среди сибирских казачек, тоже есть гром-бабы. Одна из моих баянаульских тётушек, рослая и сильная, запросто перекинула через бревенчатый заплот приставучего ухажёра, который стал вольничать. Перелетев через узкий проулок, ухажёр упал в огород к соседям – на радость их собаке, скучавшей в холодке.

О **казаках-черкасах** писал в своей «Истории» **С. М. Соловьёв**: «На юго-западе малороссийские козаки, или черкасы, грабили купцов турецких и крымских, шедших в Москву или из Москвы (...) А потом (...) от всех атаманов приехали к хану четыре козака и говорили ему: “Прислали нас атаманы днепровские, чтоб ты, государь, их пожаловал, с ними помирился и давал им своё жалованье; атаманы же и все черкасы тебе хотят служить: куда их пошлешь на своего недруга, кроме литовского короля, и они готовы”. Хан отвечал: “Я атаманов и всех черкас рад жаловать, и как они будут мне надобны, то я им тогда своё жалованье пришлю, и они бы были готовы”...»

Но – **«к татарскому слову не прибьёшь подкову»!** Хан сидел себе, раздумывал, может, хитрил, может, обиду затаил на прежние казачьи набеги, но тянул резину и платить казакам не торопился. А казаки-черкасы не терпели простоя – сабли «чесались», рвались в бой, к тому же, казаки от татар научились восточному коварству: **«С кем поведёшься – от того и наберёшься!»**, и потому:

«...Вместо службы хану козаки взяли Очаков, а в 1588 году, в числе 1500, пришли морем в судах на крымские улусы и Тунтарахань, между Козловым и Перекопью, взяли 17 сёл...»

Таким боком вышла крымскому хану его восточная медлительность, хитроумие и скаредность.

КОЗАРЫ-ХАЗАРЫ

Есть и ещё один вариант нашего происхождения: это – хазары. Раньше их называли **«козары»**. *«Козары»* – *«козаки»* – родственные слова. Моя знакомая уральская казачка **Елизавета Ананьевна** иногда говорила в сердцах своей поперечной дочери: *«У-у, настырница, упря-казара!»* Она могла, конечно, иметь в виду казака, называя его *«казарой»*, а может, и *«хазара-козара»* – одно наложило на другое. Хазар давно нет, а кровь их, а имя, а память о них – остались.

От Елизаветы Ананьевны услышала я несколько казачьих частушек, довольно смелых, с ядрёной «сольцой», но приведу только две, и те со смущением и даже с отточием:

Сыпь, сыпь, сыпала!
Серёдочка выпала,
Остались краешки –
Милому на vareжки.

Чистоту она блюла –
(...) веником мела:
На вечёрку собиралась –
Казака ува-жи-ла!

Ай да Елизавета Ананьевна! Спела она эти и другие, «скоромные», как она их называла, частушки, находясь уже в старческом возрасте и сохраняя девическую чистоту души и тела. О девической чистоте – небольшая **притча**.

Зашла к Елизавете Ананьевне соседка – тоже старая казачка, жалуется на внучку, которая потеряла всякую совесть:

– Ой, ты знашь, Лиза, чё делается? – соседка округлила глаза так, что они у неё стали больше очков. – Подглядела я в щёлку-то, а моя-то с мужем оба голы спят. Ба! Вот диво! Я шастерых родила, а ни разу **запан** не сняла, а тут – голы!

– Да правда ли, чё ли? Видать, конец света скоро...

Запаном уральские казачки называют фартук.

Л. Гумилёв в книге *«Древняя Русь и Великая степь»* пишет о хазарах: «... Вспомним, что целых 100 лет (558–650) тюркютские ханы использовали территорию Хазарии как базу для своих военных операций. В Хазарии тюркютские богатыри отдыхали после перехода через сухие степи, а по возвращении из Крыма или Закавказья прогуливали награбленную добычу. И тут наверняка не обходилось без женщин, которые, как известно, не бывают равнодушны к победителям. Дети, появившиеся после военных походов, искренне считали себя хазарами... А поскольку такой симбиоз длился более ста лет, то естественно, что привнесённой чужаками пассионарности стало достаточно, чтобы превратить реликт в активно действующий этнос...»

О том же говорит и **«История» С. М. Соловьёва** – в рассуждении о хазарах: «... Исследователи не согласны относительно происхождения козар; по всем вероятностям, это был народ, смешанный из разных племён, что было очень естественно на границах **между Европой и Азией, на перепутье народов**; смешанности племён в Козарском царстве соответствовало смешение религий: здесь уживались друг подле друга четыре религии – языческая, магометанская, христианская, еврейская, и последнюю исповедовал каган – верховный повелитель козаров. Пример, единственный в истории. Ещё во II веке по Р. Х. армянские историки упоминают о козарах; византийцы хорошо знают их в VII веке под именем **восточных турков**; в этом веке они утверждаются на берегах Понта, в VIII веке – овладевают большей частью Тавриды; в какое время вынуждены были им платить дань юго-восточные славянские племена, определить нельзя; летописец говорит только, что козары брали дань на полянах, северянах, радимичах и вятичах. Мы назвали козар степным

народом, потому что хотя у них и были города, как, например, **Итиль**, при устье Волги, но большинство народонаселения жило в кибитках, немногие богатые имели глиняные мазанки, и только у кагана были высокие кирпичные хоромы. Летом город пустел: жители забирали имущество и откочёвывали в степь...»

Теперь снова обратимся к книге более близкого нам по времени Льва Гумилёва «Древняя Русь и Великая степь», к главе, где он рассказывает о **хазарах**, имея на руках новые, по сравнению с XIX веком С. М. Соловьёва, материалы. Как я уже упоминала, Гумилёв во время археологических экспедиций на Каспий нашёл потерянную в веках Хазарию. По словам Гумилёва, **хазары – потомки гуннских завоевателей и сарматских женщин**. Сарматы – близкие родственники скифов: они рождены от связи скифов с амазонками. О них я уже говорила. Скажу о гуннах. **Гунны** кочевали от границ Китая, от пустыни Гоби – до казахских степей. Их центр был в бассейне реки Орхон. Когда-то Гуннская держава была весьма могущественна, полтора века держала в данниках Китай, покорённый шаньюем **Модэ**. Китайский летописец писал о Модэ: «*При Модэ империя гуннов чрезвычайно усилилась. Покорив все кочевые племена на севере и на юге, она сделалась равной Срединному царству*» (то есть Китайской империи).

В комментариях к «Истории» (2011) Е. Бекмаханова есть пояснение, что за звание такое – «*шаньюй*»: «**Шаньюй** – титул главы гуннов. Избирался шаньюй гуннской племенной аристократией, правил пожизненно, управлял совместно с советом родов (обычно было 24 рода пяти гуннских племён). **Лев Гумилёв** называл шаньюя “*пожизненным президентом*”...»

Знаем мы и свирепого завоевателя мира гунна **Аттилу**. Он был вождём гуннов с 434 по 453 год и объединил под своей властью воинственные племена от Рейна до Северного Причерноморья. Имя вождя гуннов весьма популярно в современной Венгрии (Хунгари) – там полно Аттил, а в языке венгерском немало тюркизмов, которые остались и от кыпчаков, откочевавших в Венгрию после распада государства Дешт-и Кыпчак.

В одном **ауле Тургайской степи** старый аксакал-фронтовик рассказывал мне, что когда во время Второй мировой войны советские войска **освободили от фашистов Венгрию** и вошли в Будапешт, то наши солдаты стали братья с венграми, и тургайский паренёк с удивлением и радостью обнаружил: он понимает кое-что в лопотании венгерского старика, который угощал советских солдат вином. В речи венгра мелькали «казахские» слова. Тургаец обнял венгра, как родного. Кстати, **старого венгра звали Аттила**. И даже спустя десятилетия после войны в душе тургайского ветерана не утихло волнение той встречи – возможно, с дальним родственником (через гуннов либо кыпчаков).

*Он там, где не ждали его,
То с фланга, то с фронта, то с тыла, –
Всегда неожидан **Аттила**,
И в этом его торжество! (...)
Пока виноградарь сливал
В кувшины кровавые вина,
А пахарь зерно собирал
Под осень в сухие овины,*

Пока земледельцу жена
 Рожала погодков-горланов,
 Свистели среди табуна
 Колючие петли арканов. (...)

На светлый овёс и на рожь
 Обрушились кони, крылаты –
 Был начат великий грабёж
 И пашен, и меди, и злата,
 Пока белизною яиц
 Корзина гнезда вас манила,
 Хмельным молоком кобылиц
 Был вскормлен и вспоен **Аттила**. (...)

Случайный ли звук виноват,
 Но в коннице этой крылатой
 Мне слышится древнее – *ат!*
 И современное – *атом...*

Так написал в стихотворении «**Аттила**» наш казахстанский поэт **Геннадий Кругляков**, которого я уже цитировала, о котором неоднократно писала в своих статьях и эссе: он был очень талантлив и сочинил немало стихов, отражающих историю тюркских народов. Одна из его книг озаглавлена «**Окжетпес**» – по названию высокого утёса в курортном посёлке Бурабай (Боровое), окружённом живописными озёрами, скалами и сосновыми лесами. В переводе с казахского: **Окжетпес** – «**Не долетит стрела**». С названием этим, конечно же, связана легенда, основанная на реальных событиях, и поэт её пересказывает: «По преданиям, возле озера Бурабай была **ставка хана Абылая**. После одного из удачных походов, здесь, у гранитного утёса, устроил старый хан великий той – праздник дележа добычи, конных скачек, состязаний в военном искусстве. Самой ценной добычей и призом для победителя была **пленная красавица**, дочь одного из **калмыцких вождей**. Не один джигит пытался добиться руки калмычки, но все стрелы падали, не долетев до вершины утёса, где трепетал на древке синий платок прекрасной пленницы. В конце концов, по воле сильнейшего рыцаря, наделённого умом и поэтическим воображением, калмычку отсылают к отцу в родные приволжские степи...»

Я тоже слышала эту легенду и знаю продолжение: степной рыцарь, который выиграл многие сражения, дошёл до стен Москвы и Китая, обременился богатой добычей, был утомлён вниманием жён и наложниц, которых одел в шелка, всякий раз возвращался к скале Окжетпес и стоял перед нею с непокрытой головой, в трепетной тоске по прекрасной калмычке. Любовь пересилила войну. **Стена Добра** встала против Стены Зла.

В книге «**Окжетпес**» рассказывается не только о войне казахов с калмыками, но и о походах Чингисхана, Тамерлана, Аттилы и о других великих восточных завоевателях.

Спустя века слово «**гунн**» стало нарицательным, стало понятием – «**варвар**». И у Блока в поэме «**Скифы**» гунны – варвары и чуть ли не людоеды. **Блок** предрекал их новый приход на Запад, если Европа не одумается, не оставит войны и

не придёт в мирные объятия России. А если всё же не придёт – Россия Европе больше не щит. Щитом были и казаки – «*меж двух враждебных рас монголов и Европы*». Но и «щит» устаёт.

*Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..*

Поэму «Скифы» поэт завершил 30 января 1918 года. Прошёл всего век, и **предсказание Блока** сбылось: нынче Европа переполнена «гуннами» новых времён – мигрантами из восточных стран и Африки. «*Мясо белых братьев*» они пока не жарят, но всё остальное делают: и по карманам шарят, и возмущённым шведам говорят: «Если что-то не нравится – убирайтесь! Зачем вы здесь? Вы здесь не нужны!» Католические и протестантские храмы в Германии переделываются в мечети. Франция бастует против наступления ислама. Европа надевает хиджабы, а тем, кто выступает против пророка Мухамеда, кто оскорбляет его, – отрезают головы. Вспыхивают беспорядки, подвергаются ограблениям магазины, сжигаются автомобили – как отмщение за многовековую европейскую кичливость, высокомерие к азиатским народам и колониальную политику. Облик Европы всё более делается азиатским.

Потом с хазарами – потомками гуннов и сарматских женщин слились **племя барсиллов и иудеи**. Без иудейской крови, пожалуй, мало, какой народ обошёлся Иудеи, давно уже рассеянные по миру, намеренно мешались с другими народами, чтобы спрятаться от гонений, стать «*своими*», но при этом они продолжали исподволь служить иудейскому «*закону*», чтобы, наверное, окончательно не потерять себя.

Гумилёв считает, что с иудеями хазары связались зря, восстановив против себя Русь. Он пишет: «...Попытка создать на месте Руси вторую Хазарию провалилась... сохранился документ XI века – “**Слово о законе и благодати**” митрополита **Иллариона**. Смысл этого краткого сочинения – в противопоставлении еврейскому “*закону*”, данному для одного только народа, христианского учения о *благодати* наводняющей все страны, в том числе Русь. И тут, замечает автор: “Июдея молчит” (...) При этом Илларион чётко отделяет древнейший период – эпоху Авраама, Исаака, Иакова – от эпохи Моисея и царей Иудеи. К первым он относился вполне положительно, а ко вторым – более чем скептически. Отсюда логично вытекает противопоставление “*закона*”, данного только евреям, *благодати*, которая осияла все народы земли. Это вполне законченная и предельно точная концепция».

С иудейского «*закона*», по которому иудеи назначались «избранным народом», началось разделение людей на первый, второй и прочие сорта, началась отбраковка «неполноценных» наций, что взяли на вооружение немецкие нацисты, «отбраковав» самих евреев – сработал закон бумеранга! – а с ними славян, цыган, азиатов. Они планировали часть уничтожить, часть – сделать рабами, заняв территории их проживания.

Иудеи, одержимые гордыней, быстро выбились в правители, стали богатой верхушкой Хазарии и совсем не заботились о своём народе, пребывавшем в нищете. Народ их не интересовал – их интересовала только прибыль. Алчность

хазарской верхушки, их чувство превосходства над другими народами и навязывание иудейской веры, которая так и не прижилась на Руси, погубили Хазарию. Против «неразумных хазар» воевал русский князь Олег. Мы все знаем стихотворение Пушкина об Олеговом походе: «Как ныне собираются вещей Олег, / Отмстит неразумным хазарам. / Их сёла и нивы за буйный набег / Обрёт он мечам и пожарам...»

Довершило распад Хазарии страшное наводнение. Хазары жили на берегах Каспия, а он однажды взял да и поднялся на 17 метров, а потом на 25. Для крутых берегов Ирана и Кавказа это было неопасно, а вот для пологого северного берега, где помещалась Хазария, наводнение стало катастрофой – переполненный водами Каспий потопил селения хазар. Остатки хазарских племён мигрировали на Волгу и на Кавказ, но вёрткие хазарские евреи горевали недолго.

Гумилёв сообщает: «Не преуспев в военном деле, хазарские евреи наверстали потери любовью. В конце VIII века между Тереком и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребёнка, а кто матерью... сын хазарина и еврейки имел все права отца и возможности матери... А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел права на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду в духовной еврейской школе, не получал поддержки ни у кого, кроме родителей... Этим беднякам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии – в Крыму – и исповедовали караизм... Симпатии их были обращены к аборигенам: хазарам, болгарам, готам, аланам, а не к их двоюродным братьям, делавшим в богатом Итиле “карьеру и фортуна”...»

Итиль – хазарская столица на Волге. «В XIII веке... волжские хазары перешли в ислам и ассимилировались с татарами Золотой Орды, – пишет Гумилёв. – Еврейская верхушка исчезла без остатка...» **Итиль был разрушен.** Спасшиеся от истребления евреи бежали на Кавказ, а терские хазары – христиане стали бродниками на Дону... «Итак, пути хазар и иудеев разошлись навсегда. Потомки древних хазар в долине Дона приняли наименование “бродники”. Потомки бродников впоследствии сменили этноним: они стали называться казаками. Тесные связи с Черниговским княжеством, русский язык, ставший обиходным, и православие, принятое ещё в IX веке, позволили им войти в русский этнос в качестве одного из его субэтносов».

Так что хазары, хоть и не всегда «разумные», но тоже могут быть нашими дальними родственниками.

Продолжение следует.

